

Юрий Колесников

ОСВОБОЖДАНИЕ

0000000

Юрий Колесников

Заранне

**Издательство
ЦК КП Молдавии
Кишинев * 1967**

В КНИГЕ ОБЪЕДИНЕННЫ
РАССКАЗЫ О СОВЕТСКИХ
РАЗВЕДЧИКАХ И ПАР-
ТИЗАНАХ, СРАЖАВШИХСЯ
В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ ВРА-
ГА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ,
ОБ ИХ ХРАБРОСТИ И НА-
ХОДЧИВОСТИ В СТОЛКНО-
ВЕНИИ С ХОРОШО ВООРУ-
ЖЕННЫМ И ОПЫТНЫМ
ПРОТИВНИКОМ; О ТОМ,
КАК НАШИ РАЗВЕДЧИКИ
РАЗГАДЫВАЛИ И РАС-
СТРАИВАЛИ ПЛАНЫ ПРО-
ТИВНИКА, РАЗОБЛАЧАЛИ
ПРЕДАТЕЛЕЙ И ШПИО-
НОВ, ЗАСЛАННЫХ ВРА-
ГОМ.

АВТОР РАССКАЗЫВАЕТ
О БОЕВОЙ ДРУЖБЕ НА-
ШИХ РАЗВЕДЧИКОВ С
ПОЛЬСКИМИ, ФРАНЦУЗ-
СКИМИ, НЕМЕЦКИМИ ПАТ-
РИОТАМИ-АНТИФАШИСТА-
МИ, О БРАТСТВЕ, КОТО-
РОЕ КРЕПЛО В ОГНЕ
ВОЙНЫ ПРОТИВ ОБЩЕГО
ВРАГА — ФАШИЗМА.

ФАМИЛИИ ДЕЙСТВУЮ-
ЩИХ ЛИЦ ИЗМЕНЕНЫ.

Художник
М. ХАЗАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рассказы Юрия Колесникова, включенные в сборник «Особое задание», правдиво и живо повествуют о том, что было более двадцати лет назад и что никогда не изгладится из памяти современников Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

Примеры беззаветного массового героизма, проявленного нашим народом в годы войны, и сегодня волнуют каждого советского человека, в том числе юношей и девушек, знающих о минувших событиях только по рассказам старших и по литературе.

Много книг написано о беспримерной самоотверженности советского народа, дружно поднявшегося на защиту Родины и ценою великих жертв завоевавшего победу. Тяжелые испытания, мужественно перенесенные нашим народом, героика его борьбы с коварным, злобным и сильным врагом запечатлены во многих уже вышедших в свет научно-исторических трудах и в художественных произведениях всех жанров. Но тема эта так же неисчерпаема, как неисчерпаема была воля советских людей к победе над немецко-фашистскими захватчиками, выкованная мудрым руководством и неутомимой деятельностью ленинской партии. Каждая новая книга о повседневных ратных трудах и подвигах

наших воинов в годы титанической борьбы с врагами всего свободолюбивого человечества является новым вкладом в освещение великих свершений трудящихся нашей страны, вкладом в дело коммунистического воспитания молодежи.

Предлагаемые вниманию читателей рассказы в строгом смысле слова не могут быть отнесены к мемуарной литературе. Сюжетные линии этих рассказов, как и характеристики действующих лиц, во многом являются плодом авторского домысла. Однако во всех случаях главное в содержании рассказов основано на имевших место фактах, на поступках и подвигах, совершенных определенными людьми.

Не берусь судить о литературно-художественных достоинствах и недостатках рассказов, но уверенно могу сказать, что нет в них фантазии, выходящей за пределы реального. Пусть читатель не думает, что автор преувеличивает остроту и сложность ситуаций, в которых живут и борются его герои. Советским людям в годы войны, особенно действовавшим в тылу немецко-фашистских оккупантов, приходилось выполнять свой патриотический долг перед Родиной в обстановке порою еще более сложной и острой. Вспомним хотя бы талантливого и смелого разведчика Николая Ивановича Кузнецова, имя которого овеяно бесмертной славой.

Главные герои ряда рассказов — наши славные советские партизаны. Среди действующих лиц часто фигурируют антифашисты: немцы, французы, поляки и представители других народов. Автор убедительно показал такие замечательные, воспитанные Коммунистической партией черты нашего народа, как советский патриотизм и подлинный интернационализм.

Непосредственное участие в партизанских боевых операциях позволило автору сборника средствами художественного повествования живо и увлекательно

поведать читателям о многих ярких эпизодах борьбы советских патриотов на временно оккупированной немецко-фашистскими войсками территории.

Юрию Антоновичу Колесникову есть о чем рассказать. Выходец из бывшей Бессарабии, он прошел суровый жизненный путь от ученика авиационного ангара румынской королевской авиации до начальника штаба полка 1-й Украинской партизанской дивизии. Соответствующие штабы неоднократно направляли его в тыл немецко-фашистских войск, где он лично принимал участие в сложных операциях. Юрий Колесников обладает острой наблюдательностью и хорошей памятью. Его рассказы о многом напоят бывшим народным мстителям и фронтовикам, многому научат молодых читателей, для которых минувшая война — лишь история. А учиться на уроках истории есть чему и есть для чего.

Два десятилетия минуло со дня безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Но вновь, как и во времена недоброй памяти бесноватого фюрера Адольфа Гитлера, в Бонне и Мюнхене, всюду в Федеративной Республике Германии, гремит медь фанфар, слышится барабанная дробь, развеваются нацистские знамена, маршируют бывшие эсэсовцы. Вновь на собраниях недобитых фашистов и молодой поросли реваншистов из среды барских сынков и уголовников, как во времена мюнхенского путча и «ночи длинных ножей», произносятся истерические речи и звучит эсэсовская песня «Далекий путь предстоит родине моей...»

Реваншисты из ФРГ пользуются благосклонной поддержкой реакционных правящих кругов великих и малых империалистических держав. Враги мира и мирного сосуществования стран с различным социальным строем все свои усилия направляют на развязывание новой войны. Им противостоят возрастающие с каждым днем силы борцов за мир. Путь к развязыванию войны им преграждает могущество стран социа-

листического содружества и, прежде всего, Советского Союза.

Оборонная мощь нашей Родины складывается из наличия самого совершенного оружия, высокого уровня и бурного роста нашей экономики, нерушимого морально-политического единства многонационального советского народа, постоянного роста его политической сознательности и патриотической готовности ответить на удар агрессоров, если они решатся развязать войну, все-сокрушающим ударом.

Рассказы, включенные в сборник «Особое задание», на опыте вооруженной борьбы советского народа в годы Великой Отечественной войны учат бдительности, стойкости, мужеству, готовности стоять насмерть за правое дело, за коммунизм.

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

С. КОВПАК

Эту книгу автор посвящает памяти мужественных разведчиков, сражавшихся в глубоком тылу фашистских войск и погибших за свободу и независимость нашей Родины.

Пусть их светлые образы и героические дела послужат примером нашей славной молодежи в борьбе за счастливое будущее, за коммунизм.

НАЧАЛО

В тот субботний вечер в клубе райкома комсомола было особенно многолюдно. Играли в шахматы, шашки, кружились в танцах под хриплые звуки патефона, шутили, смеялись. В помещении было душно. Разгоряченные юноши и девушки часто выбегали на улицу подышать свежим воздухом, остыть, благо у клуба, прямо на тротуаре, расставили свои лотки продавцы мороженого. Вот и сейчас на улицу вышло несколько юношей.

— Ну и духота! Быть дождю! — сказал кто-то из них.

— Чего каркаешь!

— Матч может сорваться! — набросились на доморощенного метеоролога.

На следующий день в Измаиле предстояла встреча местной футбольной команды «Ялпуг» с областной командой «Дунай», и плохая погода не устраивала любителей футбола.

Сколько разговоров и споров было по поводу этого матча еще за много дней до того, как все было решено и утверждено, и теперь только и слышалось:

— Горсовет будет кормить бесплатно!

— Автотрест бесплатно дает автобус!

— Осоавиахим обещал премировать лучших игроков!

Обо всем этом совсем недавно молодежь Болграда, небольшого городка, расположенного вблизи границы,

на юге Бессарабии, и не мечтала. Всего год назад здесь хозяйничали румынские бояре.

В бывшем здании филиала «Банка комерциалэ» — клуб райкома комсомола. Здесь бывает не только молодежь, но и люди некомсомольского возраста. И, конечно, здесь всегда собираются футболисты. В этот вечер они должны были отдохнуть перед матчем, но только когда кончились танцы и публика стала расходиться, футболисты тоже пошли по домам.

Капитан команды Евгений Алексеев, черноволосый, смуглолицый парень лет двадцати, на прощанье сказал:

— Смотрите, не проспите! Сбор ровно в семь и сразу трогаемся. К девяти должны быть в Измаиле.

Алексеев шел медленно, обдумывая предстоящую встречу с областной командой. «Наконец-то «Ялпуг» сможет показать свой класс!» — думал он. Свернув с бульвара в парк, Евгений пошел вдоль высокой железной ограды величественного собора, славившегося своей архитектурой и росписями по всей Бессарабии. Старожилы хвастались, будто он был скопирован с Исаакиевского собора.

Евгений бросил взгляд на храм. Еще несколько дней назад, когда он проходил здесь, между его куполом и зданием бывшей женской гимназии висела огромная круглая луна. Она показалась ему необычной. Никогда прежде не приходилось видеть ее такой багрово-огненной. Вспомнив об этом, он опять испытал какое-то неприятное ощущение. Однако приподнятое настроение, вызванное предстоящей встречей с областными футболистами, переборол.

Ночь была необыкновенно тихая, люди спали с открытыми окнами: донимала духота.

Евгений услышал бой кремлевских часов. Звуки доносились из большого репродуктора, установленного напротив райисполкома. Повесили его еще при примаре*, отставном полковнике королевских войск, за ядлом фашисте. По радио часто передавались воинственные речи министров, указы его величества, а то и просто извещения о явке рекрутов на мобилизационные пункты для переподготовки. Иногда в переводе

* Бургомистр (рум.).

на румынский язык транслировались речи германского министра пропаганды доктора Геббельса. Королевская Румыния тоже готовилась к войне с Советским Союзом... Но теперь все это кануло в вечность... Алексеев шел, слушая перезвон курантов и торжественную мелодию «Интернационала». На этом местная радиосеть закончила свою трансляцию.

Войдя к себе во двор, Евгений поздоровался со сторожем размещенного здесь склада горторга. Со стариком у юноши сложились хорошие отношения. Он угощал его папиросами, а тот рассказывал разные истории из далекого прошлого. Вот и сейчас Евгений предложил ему «Казбек». Закурили.

Затягиваясь московской папироской, старик закашлялся, а потом хрипловато сказал:

— Помнишь, Женя, какая луна-то взошла намедни?

Алексеев признался, что только сейчас вспоминал ее.

— Вот такая же была и в четырнадцатом. Большая и красная, будто кровью облитая. А на утро урядник забил в барабан: война! И пошла беда по земле! Пошла смерть косить народ... Как сейчас помню, такая точно... Прошло-то уже никак более четверти века... Ох, Женя, бежит же время... Бежит и нас не спрашивает!..

Гавкнула лежавшая у него в ногах лохматая собака. С улицы послышались слова популярной песни: «Любимый город может спать спокойно...» Веселая компания возвращалась из «Казенного сада», так болградцы по старинке называли большой сад, раскинувшийся вдоль озера Ялпуг. Знатоки уверяли, будто в саду сохранился дуб, на стволе которого ссыльный Пушкин ножичком вырезал какое-то острое двустиише.

Прислушиваясь к пению удалявшейся компании и все отчетливее доносившемуся с озера кваканью лягушек, Евгений молча курил и предавался радостным раздумьям: «Хорошо! Скоро Москва, учеба... Какая все же необычная жизнь в Советском Союзе! Желаете работать? Пожалуйста! Учиться? Все двери открыты! А ведь еще два года назад... Хотел быть летчиком, даже уже учился в авиационном училище. Носил пышную форму с королевской кокардой и аксельбантом. Вдруг исключили! Почему? Бессарабцы, видите ли, ненадежный народ... все поглядывают за Днестр! Поступил на

работу в гараж «Леонида», но и тут долго не задержался: попал в бухарестскую полицию, колотили до полу-смерти, угрожали расстрелом за распространение большевистской литературы. Пришлось познакомиться и с сигуранцей*, побывать в карцерах «Вэкэрешть»***... А теперь?.. Года еще нет, как пришла Красная Армия, а сколько хорошего, радостного появилось в жизни!»

В соседнем дворе пискляво прокукарекал молодой петушок. Евгений оставил сторожу несколько папирос и вошел в дом. Наскоро поужинав, он лег и с мыслями о предстоящем матче быстро заснул. Разбудил его не звонок будильника, поставленного на шесть часов, а стук в дверь. Спросонья посмотрел на часы и удивился: без десяти четыре! Дверь снова затряслась от ударов. Евгений недовольно поморщился: «Наверное, Цолев приперся в такую рань, побоялся, что я сам не встану». Но что это? Будто стреляют из пулеметов?! И грохот моторов! В эту секунду дом тряхнуло так, что зазвенели стекла, ходуном заходила посуда в буфете, дверки шкафа распахнулись. Со двора донесся истошный крик соседки, мадам Коган.

— Землетрясение! Спасайтесь, землетрясение!..

Действительно, землетрясения здесь случались. Полгода назад были такие же толчки. Кое у кого повалились дымоходы, в стенах появились трещины. А на Алексеевых большое горе свалилось: рухнула стена и задавила деда. В городке было еще несколько жертв. И теперь сонные испуганные люди выбегали во дворы, на улицы, дети плакали, с лаем носились собаки...

— Землетрясение! Не стойте у стены, я говорю, — кричала мадам Коган.

Евгений выбежал во двор. «Кажется, где-то летят самолеты. И стрельба будто в небе», — подумал он и прислушался. Земля снова задрожала.

Бледная, как полотно, мадам Коган стояла в накинутом поверх нижней рубашки одеяле. Мать Евгения, выбежавшая в одной сорочке, тряслась как в лихорадке. Никто не мог понять, что произошло. Только Смилянного, начальника пожарной команды, внезапная суматоха не смутила, хотя и он выскочил во двор в ниж-

* Политическая полиция в королевской Румынии.

** Название тюрьмы в Бухаресте.

нем белье. И когда мадам Коган снова запричитала, он невозмутимо произнес:

— Ерунда!.. Это же обыкновенный гром!

— Нет, вы слышите? Гром! — возмутилась мадам Коган. — Ничего себе «гром», если с моего окна упал горшок с цветами!.. Ну, вы еще видели когда-нибудь такого человека? Горшок на кусочки, а он «гром»!

— Это вы сами с перепугу разбили горшок да, поди, не с цветами, а тот, что под кровать ставят...

Мадам Коган возмущенно пожала плечами. «Ну, его, этого соседа! Известный спорщик. Если заупрямится, то и на белое скажет — черное. К тому же обидчив и заносчив, да и... в общем лучше от него держаться подальше». Мадам Коган сразу так и сказала, когда Смилянный поселился в доме: «Наш начальник важничает! Ай, ай! На всех как с каланчи смотрит. Нет, вы на него только посмотрите, будто он в помощниках Стаханова ходит! А?»

Низко с ревом пронесся двухмоторный самолет.

— Немецкий! «Хейнкель»!... — крикнул Евгений.

Смилянный принял начальнический вид.

— Послушайте... бывший авиатор «аэропланного флота его величества», — презрительно сказал он, — не паникуйте!.. За такие штуки у нас привлекают...

Договорить он не успел. Над самым двором пролетел еще один самолет. Теперь уже все увидели на фюзеляже и под крыльями черные кресты, а на хвосте свастику. От самолета потянулись к земле две огненные нити. Евгений толкнул за угол дома мать и соседку.

— Он же стреляет! Прячьтесь!..

Самолет скрылся. Мать и мадам Коган бросились к погребу. Один Смилянный оставался спокойным.

— Молодой человек, я говорю серьезно. Вы распространяете провокационные слухи! Это вам не пройдет так просто! Я позвоню вашему начальнику...

Напрасно Евгений пытался доказать, что самолеты немецкие, что стреляли трассирующими пулями...

— Не ерундите, молодой человек, — произнес он глухо, — это просто маневры! Понятно? Наши сами могли нарисовать на самолетах кресты, чтобы изобразить неприятеля. Советую в другой раз не паниковать. Иначе... Понимаете?

Евгений недоуменно пожал плечами и замолчал: «Может быть, так и есть!» Стало тихо. Из приоткрытых дверей погребца выглянула мадам Коган. Новое объяснение показалось ей более правдоподобным. Да и зачем вступать в пререкания с самоуверенным соседом. Как никак он все же начальник городской пожарной команды! С ним считаются!.. А у мадам Коган при румынах был небольшой магазин писчебумажных товаров. Поэтому мадам Коган заискивающе сказала:

— А ведь наш начальник прав. Это-таки скорее маневры!..

Она вышла из погреба и, сделав несколько шагов, вскрикнула.

— Ой, что это? Посмотрите, наш сторож!..

Все оглянулись. Неподалеку от ящиков в луже крови лежал старик. Кто-то крикнул: «Дайте воды, полотенце!»

Евгений нырнул в дыру забора; в соседнем дворе жил военный врач.

Вокруг старика собрались все жильцы. Смиленный стоял с потускневшим лицом и молчал. Мадам Коган не выдержала:

— Ну, товарищ начальник! Что вы на это скажете?

Вместо ответа он побежал в дом, придерживая рукой кальсоны.

— Что ты стоишь, как столб! Дай мой свисток! — крикнул он жене.

Вернулся Евгений один:

— Врач уехал на границу. Там уже идет бой...

Мадам Коган поняла это по-своему.

— Тоже мне маневры!.. И кому они нужны? Чтобы людей убивать! Вот вам и советская власть!.. Маневры какие-то придумала...

— Это не маневры! — огрызнулся Евгений.

— Так что же это? Войн-а-а? — взвизгнула мадам Коган.

— Не знаю... Но это не землетрясение, не гром и не маневры... Понимаете? На границе есть убитые и раненые. А сторожу нужно срочно сделать перевязку и везти в больницу!

Мадам Коган вздохнула и протрусила снова к погребу. С порога она крикнула:

— Перевязку? Ему она поможет, как компресс утоп-

леннику. Он уже давно не дышит. Прячьтесь лучше в погреб! Говорят, когда стреляют, там не так опасно...

Евгений с жалостью посмотрел на старика и в полной растерянности побежал на работу. На улице встретил друзей по команде. Они шли, перекинув через плечи футбольные бутсы.

— Слушай, что происходит? — спросил Валентин Каракулаков.

— Точно не знаю, — ответил Евгений, — летали немецкие самолеты. У нас во дворе убит сторож. Бегу на службу, там узнаю...

— А как же матч? Едем в Измаил или нет?

— Не знаю. Идите в райком, там скажут...

Над вокзалом поднялось черное облако. Изредка откуда-то доносились глухие взрывы, но встревоженные горожане все же тянулись с корзинами на базар. Ведь день был воскресный, и в этот день в Болграде всегда бывал большой привоз. Может быть, и в самом деле это военные учения!

В городском отделе Наркомата внутренних дел Евгений застал только дежурного. Начальник горотдела Студенцов со всеми сотрудниками выехал по тревоге на границу. Вскоре оттуда вернулся один из сотрудников. И он, и шофер были уже с противогазами и винтовками. Он сказал, что с той стороны атаквали государственную границу на всем протяжении Дуная и Прута...

— Кое-где пытались переправиться на этот берег, но им дали прикурить... — заметил шофер. — Есть, правда, и у нас потери...

«Неужели война?» — подумал Евгений.

В то утро многие еще не верили: «Не беспокойтесь, все обойдется, увидите... Ведь с Германией — договор!»

В горотдел непрерывно поступали сведения обо всем, что происходит в городе: самолеты с черными крестами сбросили бомбы на базарную площадь, убито несколько крестьян; около райисполкома сразило постового милиционера; на вокзал сброшены зажигательные бомбы; на нефтебазе загорелась цистерна с нефтью; пожар угрожал бакам с бензином, краны перекрыл сам заведующий нефтебазой, но это стоило ему

жизни: он сгорел; пожар ликвидирован подоспевшими воинскими частями, которые уже заправляют свои бензовозы и танки...

Под конец примчалась городская пожарная команда. Долговязому начальнику команды намяли бока...

Евгений уехал с сотрудниками горотдела на «пикапе» к границе. На окраине города у развилки дорог красноармеец-регулировщик взмахнул флажком. «Пикап» остановился. На обочине стояла молодая женщина в нарядном белом платье. На руках она держала пухленького мальчика в матроске с игрушечной саблей через плечо. Регулировщик попросил довести жену командира из пограничной части до деревни Вулканешты.

Сотрудник горотдела и шофер ответили, что они недавно оттуда и что сейчас там идет бой, но женщина стала упрашивать взять ее. Рыдая, она объясняла, что приехала накануне с границы к врачу, что дома остались две маленькие девочки, и все порывалась взобраться в кузовок «пикапа». Сотрудник уступил женщине с мальчиком место в кабине, и «пикап» помчался по дорожным ухабам. Навстречу шли санитарные машины и повозки, а к границе подтягивались артиллерия и пехота. Где-то в районе железнодорожного моста загрохотали зенитки. Далеко в небе вспыхнули белые шарики разрывов, в воздухе нарастал гул моторов. Приближались бомбардировщики с черными крестами. Они летели на большой высоте и, судя по всему, держали курс на военный аэродром.

«Пикап» мчался к границе. Жара в этот день была невыносимой. В пыльном мареве двигались войска. Красноармейцы шли с полной боевой выкладкой: в касках, со скатками, противогазами, саперными лопатками, флягами, котелками...

«Пикап» то останавливался, когда впереди создавалась пробка или шли встречные транспорты, то вновь срывался с места. У длинного и узкого деревянного моста, где брало свое начало тридцатикилометровое озеро Ялпуг, движение и вовсе замерло. Женщина с мальчиком решила идти пешком, надеясь найти по ту сторону моста другую попутную машину.

Наконец передние машины тронулись. Юркий «пикап» вырвался вперед, но через некоторое время снова

остановился. Из-под пробки радиатора со свистом вы­бывался пар.

— Окончательно перегрелся! — сказал шофер и вы­ключил мотор.— Пойду к болоту за водой, иначе за­клинит поршни — и тогда нам ханà...

Женщина с ребенком тотчас же вышла из кабины. Ей удалось остановить обходившую «пикап» легковую автомашину, и она, забыв даже проститься со своими прежними попутчиками, уехала.

Вернулся шофер, ему помогли залить воду, потом по очереди крутили ручку. Наконец мотор заурчал, и «пикап» снова тронулся в путь.

Далеко впереди слышались глухие взрывы. Вско­ре из-за бугра поползло вверх и стало растекаться в стороны облако густого черного дыма. Когда «пикап» добрался, наконец, до гребня бугра, Евгений впервые по-настоящему ощутил, что война началась...

Перед железнодорожным переездом творилось не­что невообразимое. Горели грузовые машины. Бушева­ло пламя вокруг трехтонного бензовоза, опрокинутого в придорожный кювет. Из разорванной взрывом ци­стерны ползли огненные языки. Темное облако дыма заволакивало небо. Люди метались среди этого хаоса: одни сбрасывали грузы с горевших машин, другие пытались сбить с них пламя. Отовсюду подносили ра­неных и грузили их в уцелевшие машины.

«Пикап» затормозил у самого переезда. В жиденьком кустарнике Евгений заметил ту самую машину с двумя запасными колесами сзади; в которую пересела женщина с мальчиком. Машина уткнулась в кустар­ник, боковые дверцы были распахнуты. Она напомина­ла подбитую птицу с распростертыми крыльями. Евге­ний подбежал к машине. Возле нее лежал убитый под­полковник. Шофер сидел за рулем, безжизненно свесив окровавленную голову. От ветрового стекла остались одни осколки в углах. Но где же женщина с мальчи­ком? Озираясь вокруг, он заметил поодаль, в кустар­нике, белое пятно. То, что увидел Евгений, приблизив­шись, заставило его содрогнуться. На земле, раскинув руки, лежала та самая женщина. Ее лицо было залито кровью. Возле нее, ухватившись ручонками за ее шею, сидел мальчик и, всхлипывая, твердил: «Мамочка, ма-

мочка...» Подбежавший шофер пытался взять его на руки, но малыш кричал, отбивался и еще крепче прижимался к матери.

«Что же это такое?» — подумал Евгений и зажмурился. Из состояния полной растерянности его вывел окрик. Надо было ехать. Он взял на руки обессиленного от крика малыша и направился к машине.

К границе они не попали. Оттуда в переполненных машинах и на подводах везли раненых. Пришлось «пикап» тоже отдать. Сотрудник горотдела поехал к границе на подножке попутной машины с боеприпасами, а Евгений с малышом вернулся обратно в город. Там он передал мальчика родительскому комитету, только что образованному при Доме Красной Армии. Детей, оставшихся без родителей, было уже немало.

За эти несколько часов болгарцы переменились неузнаваемо. Все как-то посуровели, повзрослели. Радио передавало правительственное сообщение о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. У госпиталя, разместившегося в школе, толпились молочницы. Они бесплатно раздавали молоко раненым.

Значит не провокация, а настоящая война! Но неужели же везде так? По всей границе? Мысли Евгения путались...

Вечером Евгений пришел в горотдел. Кое-кого из сотрудников уже не было в живых, несколько человек ранило, их отправили санитарным поездом в Одессу. Ранен был и начальник отдела Михаил Игнатьевич Студенцов, но работу не оставил. А ее прибавилось. Из разных мест поступали сведения о появлении парашютистов-диверсантов. Вести об этом быстро распространялись среди населения. Лазутчиков искали повсюду, хотя, как оказалось, их сбросили не так уж много. Но слухи! Они ползли и ползли: говорили, что диверсанты убивают крестьян, едущих в город на рынок; клялись, что видели в нескошенных хлебах несколько человек в необычной одежде; утверждали, что приземлилась группа головорезов во главе с бывшим жандармским офицером — сыном местного помещика и что они в какой-то деревне уже перерезали весь сельсовет; одни говорили, что наши войска отступают, другие, напротив, уверяли, что Красная Армия пере-

шла в контрнаступление и теперь гонит врага на его территории...

С началом военных действий личный состав городского отдела полностью влился в действующую армию. Его сотрудники остались в частях, а Студенцова направили в распоряжение штаба корпуса. Туда же был откомандирован и Евгений Алексеев. Студенцов взял его в отдел, который ему было приказано возглавить. Вчерашние чекисты стали военными.

Как-то вечером Алексеев забежал домой. Мать поставила на стол молоко и пирог — пусть сынок поужинает. Но не успел Евгений сделать и двух глотков, как за ним зашел Смилянный. Он носил уже другую форму. Вместо синих петлиц на его гимнастерке адели малиновые и вместо двух «звездочек» выстроились в ряд четыре «треугольника». Оказалось, что начальника пожарной охраны за плохую подготовку команды уже сняли с должности и направили в распоряжение военкомата. По званию Смилянный был старшиной, и надо же было случиться, чтобы он попал в тот же отдел, куда был зачислен и Евгений. В отделе Смилянного назначили завхозом. Правда, вид у него был уже не такой заносчивый, однако он не преминул уязвить своего соседа:

— Для вас, молодой человек, война будто и не начиналась! Прохлаждаетесь... Молочко попиваете... Идите скорее, вас начальник требует!..

Студенцов начал разговор издалека. Военное командование интересовалось положением в тылу вражеских войск, наличием резервов немецкой армии и их передвижением по румынской территории.

— Установить все эти данные можно только взяв «языка», — сказал Студенцов. — Но сделать это не так просто. Противник осторожен. Время от времени он пытается форсировать Прут, но при этом не проявляет особой настойчивости. По мнению начальника штаба полковника Крылова, это ложный маневр. По-видимому, главный удар враг попытается нанести на севере Бессарабии, чтобы таким образом отрезать наши войска, расположенные южнее...

Студенцов замолчал. Достав из коробки длинную

папиросу, постучал мундштуком о крышку и, поглядывая на карту, висевшую на стене, добавил:

— Нам приказано уточнить наличие резервов по ту сторону Дуная и Прута... И выполнить задание в данный момент, Женя, можно, только переправив на ту сторону разведчиков...

У Евгения учащенно забилося сердце. Он уже представил себя разведчиком.

— Речь, однако, идет не об обычной разведке... — словно угадывая его мысли, продолжал Студенцов. — Нужны надежные парни, которые бы знали местность, язык, обычаи и могли бы проникнуть далеко в глубь страны. Кого ты можешь рекомендовать из местных ребят?

Алексеев сказал, что это задание может выполнить он сам.

— Знаю, Женя, — ответил Студенцов. — Но тебе, возможно, придется поручить другое дело. Ты знаешь кое-каких людей там, может случиться, что надо будет установить с ними связь. Ведь настоящие патристы-румыны на нашей стороне... Так как же?

— Что ж, ребят найду, Михаил Игнатьевич. Есть хорошие, смелые...

В тот же день Евгений отправился к Каракулакову, своему хорошему приятелю, с которым несколько лет тому назад учился в местном лицее «Его величества короля Карла второго». Теперь Каракулаков работал в горкомхозе счетоводом. Парень он был уравновешенный, много читал, а в свободное время увлекался футболом. Фашистов Каракулаков ненавидел, это Алексеев знал. Еще год назад, когда советские войска только подходили к городу, они вдвоем подняли красное знамя на пожарной каланче. По ним стреляли, пулеметная очередь скосила флагшток, и полотнище упало. Парни уцелели чудом. Но как только последние жандармы покинули город, они раздобыли новое полотнище и снова водрузили флаг. Позднее Валентина Каракулакова и Евгения Алексеева одними из первых приняли в комсомол.

Вот почему Алексеев без раздумий направился к Каракулакову. Узнав, в чем дело, Валентин сразу согласился. Вместе они зашли к Иону Патрашку — тоже комсомольцу, но моложе года на два. Этот приземи-

стый парень с пушистыми, черными как смоль бровями, по-девичьи стеснительный, тоже дал согласие.

В тот же день Евгений Алексеев подыскал еще несколько ребят. Все они с нетерпением ждали, когда военкомат призовет их в армию, и теперь охотно согласились пойти на выполнение задания.

Поздно ночью в штабе корпуса Студенцов беседовал с будущими разведчиками. Самым энергичным оказался Будашицкий — один из лучших игроков команды «Ялпут». Это был высокий широкоплечий блондин с крупным мясистым носом. Работал он судебным исполнителем.

— Румынский язык мы все знаем. Он для нас как родной. Немецкий тоже... — встряхивая пышной золотистой шевелюрой, говорил Будашицкий. — У меня и гимназическая форма сохранилась. Есть даже старое удостоверение Бухарестского лицея «Лазэр»... Тоже может пригодиться! А уж местность как свой карман знаю...

— Не беспокойтесь, товарищ капитан... Задание мы выполним! — поддержал Цолев, слышавший одним из лучших гимнастов в городе.

Студенцов подчеркнул, что знание языка, обычаев и местности — это, конечно, важный фактор, но нужна еще и трезвая голова, смелость и, разумеется, преданность делу.

Будашицкий кивнул головой, дескать, этого им не занимать.

Было организовано несколько пар. Обстановка к тому времени уже достаточно накалилась: на северо-западе немецко-фашистские войска рвались вперед. Каждый день радио приносило тревожные вести: немцы уже шагали по Прибалтике, Украине, Белоруссии.

Подготовка разведчиков заняла немного времени. Гораздо сложнее было подобрать место для переправы. В течение двух дней Евгений вместе с пограничниками и армейскими разведчиками под вражеским огнем изучал местность: исследовали подходы к реке Прут и особенно противоположный берег.

Наконец место нашли. Первыми на задание шли комсомольцы Валентин Каракулаков и Ион Патрашку. Переправить их удалось благополучно. Но уже на сле-

дующую ночь они вернулись. Оказалось, что в течение всего дня разведчики пролежали в камышах и дальше одного километра от реки не продвинулись. Всюду были войска. И то, что им удалось узнать, не представляло особого интереса. В ту же ночь была послана вторая группа. Переправа происходила уже в другом месте и тоже прошла благополучно. Разведчики сошли на вражеский берег незамеченными и сразу же скрылись в темноте. Но когда Алексеев и два бойца, переправлявшие ребят на лодке, вернулись на свой берег, на противоположной стороне, где-то недалеко от Прута, началась стрельба, в небе вспыхнули осветительные ракеты...

На следующий день бухарестское радио сообщило о поимке двух «диверсантов», пытавшихся проникнуть в глубь страны...

Наступил черед идти Будашицкому и Цолеву. Они уже знали о несчастье, постигшем товарищей, но ни тот, ни другой внешне не выдавали своего волнения. Переправить их должны были ночью. Но перед вечером Будашицкий пришел с забинтованным горлом, хотя жара стояла невыносимая.

— Утром поел мороженого. Наверное, схватил ангину,— просипел он и закашлялся.

Студенцов поморщился и, будто не придавая значения случившемуся, предложил Цолеву пойти на задание с другим парнем. Тот побледнел, замялся, но все же сказал, что хотел бы пойти только с Будашицким. Студенцову стало все ясно.

Раздосадованный Евгений, присутствовавший при этой сцене, не знал, что сказать, как объяснить начальнику поступок товарищей. Он готов был схватить обоих за шиворот и крикнуть им в лицо: «Струсили, неженки!...»

На задание вновь пошли Каракулаков и Патрашку. Они сами попросили снова послать их. Особую настойчивость проявлял порывистый Ион Патрашку. Он был уверен, что задание они выполнят. Разведчики должны были доехать до Бухареста, по пути наблюдать, в каких направлениях происходит передвижение войск, установить их род, количество тяжелого оружия и, главное, много ли немецких войск и есть ли итальянцы или венгры?

Два дня Каракулаков и Патрашку не давали о себе знать. Лишь на третьи сутки поздно ночью с противоположного берега подали условный световой сигнал. Туда тотчас же направился на надутной резиновой лодке Алексеев с двумя пограничниками. Вдруг в том месте раздались выстрелы, и снова все смолкло. Однако немного спустя условный сигнал блеснул несколько в стороне. Алексеев направил лодку туда. И снова поднялась стрельба. В небо взлетело несколько осветительных ракет. С советского берега открыли артиллерийский огонь, чтобы прикрыть переправу разведчиков.

Алексеев и пограничники причалили к тому месту, откуда подали последний сигнал. В воздухе вновь вспыхнул ослепительный шарик. Стало светло как днем. Евгений и пограничники залегли. Но что это? В стороне, почти у самой воды, кто-то, скорчившись, сидит на земле и раскачивается. Алексеев бросился туда. Это был Каракулаков. Он был ранен в живот. Пограничники тотчас же понесли его к лодке. Каракулаков успел сказать, что на обратном пути они наткнулись на дозорных. Патрашку ранило в обе ноги. Каракулаков пытался подтащить товарища к реке, но сам был ранен, еле дополз... Не договорив, он потерял сознание. Его уложили в лодку и отчалили. Весь участок фронта теперь гремел: трещали пулеметы, били минометы и пушки, лопались в воздухе осветительные ракеты, оглушительно грохотали взрывы. Вдруг лодка стала тонуть. На Каракулакова накинули два спасательных круга и, придерживая за руки, поплыли. Посреди реки ранило одного бойца, спасти его не удалось: он сразу скрылся под водой. На поверхности реки то и дело вздымались фонтанчики от пуль. Но навстречу им от родного берега уже шла лодка...

Каракулакова доставили в санитарную часть. Попытки спасти его ни к чему не привели. Не приходя в себя, Валентин Каракулаков скончался.

В кармане его гимназических брюк был обнаружен железнодорожный билет от Галаца до Бухареста, где оба разведчика, очевидно, были в течение целого дня. Об этом свидетельствовали найденные у него бухарестские трамвайные билеты компании «СТБ», счет какой-то молочной на бульваре короля Фердинанда и

проездной билет в обратную сторону. Нашли и свежие газеты «Универсул» и «Ултим аорэ». Разведчики выполнили задание, но сообщить результаты разведки им не пришлось.

Итак, снова неудача.

А в полдень бухарестское радио уже передавало в «специальном выпуске» сообщение Верховного командования сухопутных войск об уничтожении «большой группы большевистских диверсантов, пытавшихся проникнуть в глубь страны». В сообщении также говорилось, что «пойманный большевистский диверсант был ранен в обе ноги и в правое плечо стрелками доблестных войск фюрера и храбрыми солдатами одного из подразделений нашего горно-егерского полка. В ближайшие дни красный диверсант, принадлежащий к одной из коммунистических партий под названием «Комсомол», предстанет перед Куртя марциалэ*. Принадлежность к партии «Комсомол» подтверждается фанатизмом большевика, упорно не отвечающего на вопросы. Поэтому ни имя, ни фамилия диверсанта пока не могут быть названы...»

Один из радиокомментаторов, главный редактор газеты «Курентул», Панфил Шейкару, выступивший после передачи официального сообщения, сулил комсомольцу-разведчику смертную казнь через повешение.

Погибло еще два замечательных парня, а положение за Дунаем и Прутом по-прежнему оставалось неясным.

На следующий день Евгений пришел к Студенцову:

— Михаил Игнатьевич! — сказал он. — Разрешите мне отправиться на задание. Я в Бухаресте не сойду, поеду до самой болгарской границы, потом обратно. В Галаце возьму билет до Джурджу. Там меня никто не знает. Разрешите!

Студенцов пристально посмотрел на Алексева.

— Завтра решим, что делать.

Весь день Евгений ходил расстроенный: «Неужели после случая с Цолевым и Будашицким мне не доверяют?» Поздно ночью его разбудили. Пришел Смилянный, дежуривший по отделу.

— Начальство вас вызывает, молодой человек, —

* Верховный военно-полевой суд (рум.).

сказал он и тут же ушел, как бы говоря: «Можешь идти, а можешь и не идти. Я сказал, а там твое дело...»

Студенцов как всегда был чисто выбрит, из-под воротника гимнастерки виднелась узкая белоснежная полоска.

К Студенцову Евгений относился с большим уважением. Скромность, простота, внимательность к людям были отличительными качествами этого человека. Его работоспособность удивляла всех. Он никогда не повышал голоса, никто не видел его хмурым. Говорил он короткими, ясными фразами. И особенно нравились Евгению его прямота и справедливость.

Увидев входящего Алексеева, Студенцов вышел из-за стола и пошел ему навстречу.

— Вот что, Женя,— заговорил он.— Я сейчас уезжаю. Вызывают в Штаб Армии. За меня остается Гундоров. Имей в виду, задание командования мы с тобой не выполнили. И это лежит на нашей совести... Понимаешь? На нашей совести...

Алексеев был готов провалиться сквозь землю.

— Так вот,— продолжал Студенцов,— завтра ночью будь готов. Я постараюсь к этому времени вернуться, до границы поеду с тобой... А ты за это время подумай все до мелочей. Гундоров в курсе дела. У него есть на примете один парень, который пойдет с тобой.

Евгений вздохнул полной грудью: «Все-таки доверили. Но кого же ему хотят дать в напарники? Э, да не все ли равно! Не струсит — пойдем вместе, а будет крутить — пойду один».

На прощание Студенцов пожал Алексееву руку и, задержав ее в своей, сказал:

— Смотри, Женя, не подведи! Дело серьезное!..

Еще до войны, когда Евгений был вольнонаемным сотрудником горотдела, он бывал у Студенцова дома, не раз и обедал у него. Студенцов увлекательно рассказывал ему историю ВЧК, много интересного он знал и о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском, читал наизусть стихи Пушкина, Лермонтова. Алексеев всегда уходил от своего начальника, приобщившись к чему-то новому, светлому.

Студенцов приехал из Москвы. В Болграде он жил со старушкой-матерью и воспитывал племянника, сына

сестры. Многие жители городка приходили к нему за советом: куда лучше послать учиться сына, как выписать из Москвы редкое лекарство... И Студенцов находил время беседовать с каждым.

На следующий день утром Евгения вызвал Гундоров. В дверях он столкнулся со Смилянным. «А этому что здесь надо?» — подумал Евгений и вошел в кабинет.

Гундоров встретил Алексева доброжелательно.

— Значит, сегодня будем переправляться? — сказал он, здороваясь.

— Так точно!

— Так вот, тот парень, о котором я говорил Михаилу Игнатьевичу, дал согласие...

— А кто он? — спросил Евгений.

Гундоров многозначительно подмигнул.

— Скоро узнаешь. Нужно еще кое-что проверить, а ты готовься...

Через четверть часа Евгений был уже дома. Попросил мать привести в порядок его старую летную форму. Со Студенцовым он условился, что пойдет на задание в форме летчика-курсанта, она у него сохранилась с той поры, когда учился в авиационной школе под Бухарестом. К френчу надо было пришить крылатую эмблему, начистить пуговицы, найти и аксельбант: он все еще валялся где-то в комод.

Вскоре его снова вызвал Гундоров. Велико было изумление Евгения, когда в кабинете Гундорова он увидел военторговского парикмахера Мировского и завхоза Смилянного. Какое они имеют отношение к возложенному на него заданию?

Мировского Евгений знал давно. Когда-то они были даже соседями, правда близко никогда не сходились. Парикмахер был старше, но внешне выглядел даже моложе. Хиловатый, невзрачный, он пользовался большим успехом у девушек. Неизвестно, что их пленяло: то ли золотые ручные часы и два перстня, с которыми он не расставался, то ли модные костюмы, в которых он щеголял, то ли незаурядные способности танцора? Его напомаженная черная шевелюра выделялась в толпе танцующих, а его галантному обхождению с девицами мог позавидовать любой кавалер.

Насколько Евгений помнил, Мировский всегда был

парикмахером. Сперва он работал в Болграде, потом уехал в Бухарест. Мастер он был первоклассный, ремесло свое знал отлично, к нему постоянно стояла очередь. С клиентами был обходителен, умел и слушать и развлекать их разговором. По любому поводу высказывал свое мнение, желая показать, что не лыком шит. И надо сказать, что при первом знакомстве Мировский производил впечатление образованного человека. Но стоило приглядеться к нему пристальней, как бросались в глаза его ограниченность и узкий внутренний мирок обывателя. Может быть, поэтому Евгений не питал к Мировскому симпатии.

Когда в Бессарабии была установлена Советская власть, Мировский, работавший в то время в Бухаресте, как и многие другие, вернулся в свой родной Болград и опять стал парикмахером. В это время Евгений несколько изменил к нему отношение. Ведь не случайно фотография Мировского не сходила с Доски почета для вольнонаемных работников местного Дома Красной Армии! Он и в самом деле работал безупречно, и если случалось, что в парикмахерскую в неурочное время заходили военные, никогда им не отказывал, задерживался после окончания рабочего дня. Знали его в ДКА* почти все, комендант города здоровался с ним за руку. А уж с начальниками милиции и пожарной охраны Мировский был буквально запанибрата. Любое общественное поручение выполнял быстро и точно.

Часто Мировский выступал на собраниях. Он умел произносить зажигательные речи, сдобренные лозунгами, заимствованными из газетных передовиц. В небольшом городке человек, обладающий такими качествами, кое-что значил!..

Но вот грянула война, и Мировский решил сменить профессию парикмахера на трудное ремесло разведчика: он добровольно изъявил желание отправиться в тыл врага. Евгений никогда не ожидал от Коти Мировского такой отваги. Прежде он считал, что слова Мировского не всегда в ладу с его делами. Только сейчас Евгений узнал, что все это время Котя Мировский помогал милиции, был активистом. И, оказывается,

* Дом Красной Армии.

одно нашумевшее дело о хищении было раскрыто именно благодаря Мировскому. Кто бы мог подумать, что он обладает такими достоинствами! Ведь Будашицкий и Цолев трусили! Евгений был удивлен и в то же время доволен — война выявляет настоящих людей! Правда, нет-нет да и мелькала мысль: «Он еще не знает, что такое — разведка. Одна переправа чего стоит!»

Смиленный был доволен, вид у него был напыщенный: ведь это он рекомендовал Мировского и его рекомендация принята.

— Что там эти гимназистики Алексеева! Мировский знает тот берег как свои пять пальцев! Он Румынию изъездил вдоль и поперек, — говорил Смиленный Гундорову, — будьте уверены... Это находка!

Мысль, что Мировский в последнюю минуту может подвести, не покидала Евгения. Он хотел поделиться этим с Гундоровым, но опасался, что тот заподозрит его самого в трусости. И все же он сказал, что пойдет сам, если Мировский почему-либо откажется. Гундоров не возражал, но выразил уверенность, что напарник не подведет.

— А зря ты не веришь в него... Уж если мы рекомендуем, так значит знаем. Всё знаем! И кто у него была бабушка, и чем занимался дедушка, и когда умер отец, и за кого вторично вышла замуж мать, и чем занимается сестра... Всё знаем! От нас, брат, ничего не скроешь... Ты ведь тоже в королевской авиации служил. Однако доверяем? Доверяем!.. Не беспокойся, все досконально проверено.

Евгений сдвинул брови. Напоминание об авиашколе ему не понравилось. Ведь из школы он был исключен как неблагонадежный, а после этого сидел в румынской тюрьме... Он ничего не ответил, но про себя подумал: «Знать, кто были бабушка и дедушка, конечно, надо, но вот самого Котю Мировского хорошо ли ты знаешь?» В заключение Евгений намекнул, что хотел бы взять с собой оружие.

Гундоров вздернул голову, расширил глаза:

— Ни в коем разе! И «пушку» свою, — указал он на висевший сбоку у Евгения наган, — сдай на склад Смилянному. В такую разведку оружие брать не по-

ложено... Поймают без оружия, могут ничего не заподозрить, а с оружием — конец!

— Я же иду туда в форме курсанта!..

— Ни в коем разе! — вновь повторил Гундоров. — Сейчас же сдай оружие на хранение.

Алексеев не стал спорить, хотя доводы Гундорова показались ему неубедительными. Об этом человеке он знал только то, что его недавно призвали в армию, а до этого он был преподавателем немецкого языка.

Евгений спустился в склад. Там было сыро, пахло кожей и оружейным маслом, но прохладно. Этот июльский день еще жарче, чем предыдущие. Лето было в разгаре.

От перегородки из железных прутьев отошел шофер «пикапа» и, кивнув на Смилянного, шепнул:

— Так воевать можно и двадцать лет!

Смилянный пил чай и, разумеется, не первую чашку. То и дело он вытирал голую, как бильярдный шар, потную голову. Увидев Евгения, он степенно, не отрываясь от блюда, произнес:

— Во всем, молодой человек, нужен порядок! Сейчас — обед.

«Что ж, обождем, — подумал Евгений, — хоть и маленькое, а все же начальство!»

Вдруг со двора послышался голос только что вышедшего шофера:

— Воздух!.. Самолеты!..

— Потом! Потом отдашь. Надо акт составить. Слышь, тревога, — заметался Смилянный, выпроваживая Евгения.

— Так мы же в подвале!

— Вот и завалит тут...

Смилянный торопливо закрывал дверь на засовы, когда сверху послышался тот же голос:

— Отбой! Ошибка вышла, наши...

Однако Смилянный все же навесил замок и опрометью бросился вверх по лестнице.

— Товарищ Смилянный, ошибка же! Отбой! — с раздражением крикнул ему вслед Евгений, но напрасно: Смилянный исчез. Евгений махнул рукой и вышел наверх.

— Солнце еще не зашло, а Евгений Алексеев и Котя Мировский уже тряслись в новенькой полуторке, вымазанной для маскировки серо-желтой глиной. Гундоров отбыл к границе раньше. Он должен был подготовить переправу.

Мировский, к удивлению Алексеева, как обычно шутил и не проявлял ни малейшего беспокойства.

Темнело медленно. С противоположного берега, как всегда с наступлением вечера, начался артиллерийский обстрел. Кое-где постреливали из пулеметов, а позднее в небо изредка стали взвиваться белые шарики осветительных ракет.

В штабе одного из полков 25-й стрелковой чапаевской дивизии, расположенном в километре от реки, Евгения уже хорошо знали, но в форме курсанта румынской авиашколы видели впервые и с интересом разглядывали.

Френч Евгению стал уже тесноват, сукно выгорело, и лишь на подкладке френча, как новый, белел фирменный ярлык: «Бухарест, Каля Викторией, 6-бис». Фуражка тоже была не первой свежести. Все эти годы она валялась в кладовой. Мать как-то хотела отдать ее нищему, но тот отказался. Кто же подаст ему милостыню, если он будет щеголять в фуражке с расшитой золотом и серебром королевской кокардой? Правда, Евгений захватил белый чехол, чтобы уже там, в Румынии, обтянуть им верх фуражки, как это делал летом весь летный и морской состав, но и это не очень обновляло ее.

Евгений непрерывно курил, он водновался. Что его ждет? Удастся ли выполнить задание? А Мировский каков?! Превзошел самые оптимистические предположения! Шутит, смеется, вспоминает свою прошлую жизнь в Румынии. И откуда такое хладнокровие?

Около полуночи с командного пункта прибыл Гундоров, чтобы дать разведчикам последние указания. Но в это время совершенно неожиданно появился Смилянный. Лицо его выражало негодование. Он молча прошел в комнату, где находился Гундоров. Вскоре туда же был вызван Евгений.

— Ты что ж, Алексеев, не выполняешь приказ?— недовольно спросил Гундоров.— За такие дела под суд отдадут!

Оказалось, что завхоз после отъезда разведчиков вспомнил про наган, который ему должен был сдать на хранение Евгений. Смилянный помчался вслед, решив, что он хотел присвоить оружие, утверждал это и теперь.

Евгений растерянно смотрел на Гундорова и только собрался объяснить свой поступок, как в комнату вошел Студенцов. Он ехал прямо из Штаба Армии. Гундоров доложил ему о готовности разведчиков к отправке на задание. И, конечно, рассказал о проступке Евгения.

Студенцов вызвал Мировского, а Евгению приказал выйти и подождать его во дворе.

У Евгения на душе заскребли кошки. «И надо же этому Смилянному вспомнить! Могут и на задание не послать... Гундоров и Смилянный теперь всю там расписывают Мировского. Вот и пошлют его одного... Ну и пусть! А я попрошусь в часть, там тоже нужны разведчики...»

На плечо Алексеева легла чья-то рука. Он обернулся. Возле него стоял Студенцов.

— Ты, что же, Женя, подводишь меня? Зачем тебе понадобился револьвер?

Алексеев объяснил, как это произошло.

— Ну, знаешь, с этой «бандурой» ходить на такое задание очень глупо... Уж если брать оружие, то вот это. Не подведет. А главное — маленький и легкий. Для такого случая самое подходящее...

Студенцов вынул из заднего кармана маленький пистолет.

— Бери. Дарю на память...

Евгений скупно поблагодарил начальника, а про себя ликовал: «Значит, верит мне! Точно камень с сердца свалился...»

Несколько пограничников, отлично знавших местность, проводили разведчиков к месту переправы около деревеньки Вылены. Едва заметная возвышенность, словно шрамами, была испещрена извилистыми траншеями и окопами. Тут проходил передний край. Он огибал лежащее вдоль реки болото, заросшее камышом.

Но вот и река... Тихий ветерок чуть заметно колыхает камыши, еле слышно перешептывается листва ив. Резиновая лодка уже спущена на воду. Два знакомых

Евгению пограничника, побывавшие только что на том берегу, уже знают, куда нужно пристать. К лодке, на всякий случай, привязана веревка. По мере удаления лодки от берега веревка разматывается. Другой ее конец привязан к вальку, в который впряжена пара лошадей. В случае неудачи кони должны пуститься вскачь и лодка стремительно пойдет обратно.

Но все шло хорошо, и вскоре они причалили к противоположному берегу. Тишину нарушает лишь кваканье лягушек. Неподалеку взвилась в небо осветительная ракета и вскоре упала куда-то в заросли. Высадились быстро. Один из пограничников тихо сказал:

— Держите правее вон того темного пятна. Видите? То Татарка. Там у них артиллерия... Если зайдете чуток вправо, не страшно, выйдете к Шивице или на худой конец к Лидиленам. Только влево не забирайте!

Алексеев поблагодарил бойца и пошел за Мировским, который сразу, даже не простившись, направился к зарослям.

Он и сейчас держался спокойно, будто не в тыл врага шел, а на прогулку. Евгений шагал сзади, то и дело прислушиваясь. На душе у него было тревожно. Ухо ловило каждый шорох, каждый шелест. Вдруг неподалеку вспыхнула ракета. Евгений присел. Мировский вздрогнул, съезжился, но секунду-другую спустя махнул рукой, как бы говоря «пошли дальше, чепуха!» Шли рядом. Где-то вдалеке послышался протяжный крик, потом смолк, но через несколько секунд повторился. Сперва было трудно разобрать слова, однако вскоре они уже доносились отчетливо. Разведчики остановились и прислушались.

— Пост номер три — хорошо-о!..

Откуда-то левее ответили:

— Пост номер четыре — хорошо-о!..

Еще дальше тоже откликнулись, но уже глуше:

— ...ост номер пять... шо-о-о!

Переключка румынских часовых помогла разведчикам благополучно обойти дозоры.

На горизонте появилась светлая полоска, она все росла и ширилась. Нельзя было терять время, до железной дороги следовало дойти не позднее рассвета. Наконец впереди они заметили железнодорожную насыпь и вскоре слышали шум идущего поезда. Пропустив

шедший из Галаца товарный состав, разведчики пересекли полотно и пошли вдоль линии к едва видневшейся впереди станции. Около семафора встретили стрелочника. Он равнодушно ответил на их приветствие и присоединился к ним. Мировский мигом сочинил, будто они ехали на автомашине, но отказал мотор и вот теперь приходится идти на своих двоих.

Стрелочник усмехнулся:

— Рухлядь, наверное, какая-нибудь досталась по реквизиции... Владельцы тоже не дураки отдавать в армию хорошие машины. Суют что попало... Они у Прута ломаются, а мы собираемся на них до Одессы доехать...

Разведчикам повезло. У полустанка Шивице параллельно железной дороге лежало шоссе на Галац. И тут они увидели легковую машину. Шофер менял колесо.

— Куда путь держишь? — спросил Мировский.

— В Браил. Если вам в эту сторону, могу подвезти. Я уже готов, — радушно ответил водитель.

— Вполне устраивает!

С этими словами Мировский влез в машину и сел рядом с шофером.

Шофер оказался словоохотливым. Он сообщил, что машина принадлежит браильской епископии, что в ближайшие дни, по-видимому, начнется решающее наступление, так как в Браил понаехало много священников, которые будут освящать земли, «зараженные большевизмом».

Не прошло и часа, как въехали в Галац. Продолжать путешествие до самого Браила на машине не входило в планы разведчиков. Надо было проследить за передвижением войск противника по железнодорожной магистрали Бухарест—Галац. Около военного госпиталя Евгений попросил шофера остановиться. Пассажиры расплатились и пешком пошли по еще пустынным улицам.

Раннее утро было солнечное, тихое. На рекламных витринах, а то и просто на воротах пестрело множество плакатов с портретами короля Михая, его матери королевы Елены, Адольфа Гитлера, генерала Антонеску. Возле одного из плакатов с пространством текстом разведчики остановились. Мировский читал вслух, читал

с пафосом. Евгению порою казалось, что пафос этот не иронический, а вполне искренний. И опять в душу закрадывались сомнения. А Мировский увлеченно читал:

«Более ста двадцати пяти лет тому назад французский император Наполеон перед вторжением в Россию сказал: «Чтобы владеть миром на Сене, нам надлежит совершить три похода за Вислу!»

Нам три похода не нужно! Нынешнее Германское государство не наполеоновская Франция, национал-социалистическая власть не бонапартизм, вермахт не наполеоновское войско! Фюрер Третьего рейха четко и ясно сказал: «Нам надлежит сделать один бросок в глубь России, чтобы овладеть цитаделью большевизма! Тогда коммунизм рухнет, и в мире будет установлен новый, тысячелетний порядок!»

Мужчины и женщины!

Пехота большевиков разгромлена и пленена, кавалерия казаков истреблена, авиация сожжена в воздухе и на аэродромах, флот потоплен! Большевистский строй разваливается под непрерывными ударами доблестных войск Германского рейха. Брошенная на днях большевиками в бой последняя, 132-я армия уже окружена в районе Кричева и уничтожается. Близок час, когда мы все будем свидетелями установления нового порядка в Европе, столь прозорливо предсказанного фюрером!

С богом, вперед, на Москву!»

Город просыпался. С грохотом поднимали владельцы железные шторы своих лавочек. На улице Текуч друзья зашли в парикмахерскую. Хозяин в куцем халатике, похожем на пиджачок, уже побрил Мировского и усадил Евгения, когда с улицы донеслись какие-то выкрики, сливавшиеся с лаем собак. В парикмахерскую вошла женщина. Она на мгновение смутилась, увидев человека в форме, но потом решительно подошла к парикмахеру, что-то шепнула ему на ухо и ушла.

Парикмахер извинился, что вынужден на минуту отлучиться, зашел за ширму и появился оттуда с буханкой хлеба. Он тоже вышел на улицу. В окно разведчики увидели проходившую в сопровождении конвоя колонну оборванных, истощенных людей. Это были пленные.

Многие из них были с забинтованными головами, руками... Бинты грязные, в запекшейся крови. Были среди пленных еле стоявшие на ногах, их поддерживали товарищи.

Парикмахер вернулся, хлеба у него в руках уже не было. Он еще раз извинился и поспешно завершил туалет «господина летчика».

Колонна прошла, позади громыхали телеги, на которых везли тяжелораненых и мертвых. Разведчики догнали хвост колонны. Из ворот и подъездов выбегали люди, преимущественно женщины. В руках у них были свертки, которые они бросали пленным. А конвоиры кричали, натравливали на них овчарок, грозили автоматами и нещадно ругались по-немецки. Однако свертки по-прежнему летели в колонну. Жандармский фельдфебель с раскрасневшейся физиономией, стараясь выслужиться перед немцами, кричал:

— Вы позорите румынскую нацию! Это — сочувствие красным варварам! Мы не дадим распространиться большевистской чуме. Каждого, кто будет оказывать помощь пленным, посадят в прохладное место!..

Тяжело было Евгению смотреть на пленных бойцов Красной Армии, которой он так гордился, которую считал самой сильной на свете. Только одно утешало его — простые люди Румынии протягивают руку помощи пленным красноармейцам. И делают они это не страшась последствий.

Колонна свернула на Браильское шоссе.

— Чего мы за ними плетемся? — с раздражением спросил Мировский.

Алексеев не мог не согласиться. «В самом деле, чем мы можем помочь?» Но тон, каким сказал это Мировский, ему не понравился. Свернув в переулок, они шли несколько минут молча.

— Вот тебе и «будем воевать на чужой территории!» — вдруг сказал Мировский.

Евгений не сразу его понял, и тот, как бы желая объяснить, добавил:

— Собственно, они уже на «чужой территории». Только в каком виде! Значит, есть тут силенки, если сразу заставили их поднять лапы...

Евгений тяжело вздохнул. Отвечать Мировскому не хотелось, но про себя подумал, что «силенок» и у

нас хватит, да, видно, плохо подготовились к войне, если так пошли дела. И странно, почему-то он считал себя ответственным за это. Надо было раньше, намного раньше узнать о готовящемся ударе, раньше узнать, какими силами здесь располагает противник... Разве это было трудно? Нет! Если бы знать заранее, наверняка можно было лучше подготовиться и встретить их первые удары...

Мировский предложил добираться к центру на трамвае. Евгений не возражал. Вообще теперь командовал Мировский. Он чувствовал, что его спутник раскис.

Сошли в центре. Со стороны улицы Домняскэ из репродукторов неслась песня: «Проснись, румын, ото сна векового!» Неподалеку от памятника Костаке Негри стояло десятка три крестьянских плугов. Их охраняли два жандарма, вооруженные карабинами. На огромном плакате, приклеенном к щиту, выделялись слова:

«Бравые воины!

Эти плуги предназначены вам в подарок, когда вы отвоюете у большевиков их земли. Германский рейхсканцлер Адольф Гитлер и вождь нашего великого государства генерал Ион Антонеску по воле Господней и с монаршего благословения торжественно обещают вам, доблестным воинам-завоевателям, бесплатно земли на завоеванных просторах большевистской России!

Да поможет вам Бог выполнить эту священную миссию!»

Неподалеку от вокзала их окликнул чистильщик обуви:

— Господин авиатор, прошу, почистим?!

Разведчики прошли мимо, не обращая на него внимания. Но чистильщик не унимался.

— Господин, товарище, давай наведем блеск! — кричал он им вслед, ритмично постукивая щетками по своему сундучку.

Мировский оглянулся, словно его окликнули по имени, а Евгений даже прикусил губу. Шутка ли, их называли товарищами!

— Давай, товарище, почистим! Блестеть будут, как русакам сроду не снилось!

«Теперь уходить нельзя, — подумал Евгений. — Это может показаться подозрительным!» И не долго

думая, он круто повернулся, подошел к чистильщику. Ставя ногу на сундучок, огрызнулся:

— Ты что брешешь? Какие мы «товарыше»? Ну-ка, посмотри, какой ты наведешь блеск!

Чистильщик засуетился.

— О господин авиатор, не беспокойтесь, ботинки будут начищены «а ля 101»! Меня знает пол-Галаца и весь Бухарест!.. А вот у цивилизованного, вашего приятеля туфли, наверное, от «товарищей», из-за Дуная... ~~А~~

Евгению казалось, что он проваливается сквозь землю. Откуда чистильщику это известно? Кто он такой? Он глянул на обувь Мировского. Полуботинки как полуботинки — обычные, ничего особенного! Ни надписи на них, ни ярлыка!

— А ты, голубчик, не пьян?

— Я говорю серьезно, господин авиатор. Туфли русской фирмы «Марш рапид»!..

Мировский стоял с невинным видом и улыбался. А чистильщик, довольный впечатлением, которое произвела на клиентов его осведомленность, охотно рассказал, что еще недавно он работал в Бухаресте, на шоссе Киселева, вблизи советского посольства. Его услугами постоянно пользовались работники посольства. И у всех у них был один и тот же фасон обуви, совершенно такой же, как у Мировского. Без всякого умысла он щегольнул своей осведомленностью, которая бросила Евгения в дрожь. Мировский же отнесся к этому эпизоду очень спокойно. Но что значит «Марш рапид»? Это разведчики поняли, когда отошли от наблюдательного чистильщика.

Чистильщик своеобразно перевел на румынский язык название фабрики «Скороход», расчленив это слово на два: «скорый» и «ход».

Евгений предложил Мировскому, как только откроются магазины, немедленно купить другие полуботинки.

— Из-за такой «мелочи» можно угодить на виселицу!

Мировский усмехнулся, но возражать не стал.

На вокзале они купили билеты. Автомотриса на Бухарест отходила только в одиннадцать часов. В зале ожидания было много людей, преимущественно солдат. Они лежали на скамейках и на голом полу. Ев-

гений хотел остаться здесь, но Мировский возразил: в зале мало гражданских лиц и его присутствие может вызвать излишнее любопытство жандармских патрулей, которые то прохаживались по залу, то выходили на перрон.

— Кроме того,— сказал Мировский,— я хочу пройти по городу; скоро откроются магазины и тогда, чтобы «не угодить на виселицу», я исполню твое горячее желание — куплю ботинки!

Игриво-иронический тон Мировского показался Евгению неуместным.

— Будет дурить, — сказал он. — Пошли вместе.

Мировский согласился без энтузиазма, а когда они вышли на перрон, сморщился и закрыл глаза.

— Что-то мне нехорошо...—сказал он и потер лоб.— Пойду-ка в туалет, освежусь немного...

Он действительно побледнел. Условились встретиться в ресторане. Мировский пошел вдоль перрона, а Евгений направился в ресторан. Хотел заказать чашку кофе, но в зале еще никого не было. Оставаться одному не хотелось. Он осмотрел выставленные в буфете закуски и медленно направился к выходу. Каково же было его удивление, когда в конце перрона он увидел Мировского, разговаривавшего с одним из жандармов. У Евгения замерло сердце. Неужели проверяют документы? Мировский, конечно, заметил его, но не подал вида и продолжал разговаривать с жандармами. Они указывали ему куда-то рукой, что-то объясняли. Наконец Мировский вежливо откланялся и направился к Евгению.

— Понимаешь, — тихо начал он, — когда я шел в туалет, жандармы как-то странно на меня поглядывали. Казалось, вот-вот остановят. Тут меня надоумило самому подойти к ним и спросить, не знают ли они, где в городе помещается епископия? Помнишь шофера? Они очень обстоятельно пояснили мне, как туда, доехать. Я, конечно, вежливенько поблагодарил и... отчалил. В общем, теперь я с ними уже знаком... Неплохо?

Евгений был доволен находчивостью напарника, и все же его охватило безотчетное беспокойство. От былой самоуверенности Коти Мировского не осталось и следа. Он стал будто ниже ростом, потускнел, наи-

гранная улыбка мелькала на его лице, глаза виновато бегали... «Что с ним происходит?» — подумал Евгений. И только хотел спросить, чем он встревожен, как к станции подошел скорый из Бухареста. На перрон сразу хлынуло много военных, преимущественно офицеров стрелковых и артиллерийских частей. Летчиков было мало.

На вокзале стало шумно. Со всех сторон слышались выкрики продавцов булочек, лимонада, конфет, мороженого... Особенно галдели газетчики. Они наперебой выкрикивали названия газет и статей, восхвалявших победное продвижение немецкой армии в глубь Советского Союза.

— «Универсул»!, «Курентул»!, «Фолькишер Беобахтер»!..

— Чрезвычайный посол Третьего рейха Манфред фон Киллингер вручил вчера вечером от имени фюрера и германского канцлера Адольфа Гитлера высшую награду августейшему монарху Михаю первому!..»

— «Курентул»!, «Тимпул»! Едицие спечиалэ!* «Универсул»!

— «Госпожа Антонеску в течение целого часа находилась среди раненых солдат и офицеров!», «Экспорт нефти и зерна в Германию»...

— «Универсул»!, «Курентул»!, «Ултима орэ»!..

— «Тысячи русских пленных за один день!»

— «Грандиозный банкет в королевском дворце по случаю присвоения госпоже Антонеску почетного звания сестры милосердия...»

— «Курентул»!, «Ултима орэ-о»!

Евгений купил газету и, отойдя в сторону, бегло перелистал страницы. Его внимание привлекло сообщение с фронтов:

«Доблестные войска фюрера, преодолевая сопротивление остатков разбитой Красной Армии, заняли Львов, Тарнополь, Минск, Могилев... Колоссальное число пленных! Громадные трофеи! Вождь государства генерал Ион Антонеску вернулся с фронта и выдал первые пособия матерям и женам павших за победу нашего оружия!..»

Евгений сложил газету. Сердце сжала щемящая

* Специальный выпуск (рум.).

боль. Что же это происходит? Чем объяснить такое стремительное продвижение немцев? Ему хотелось сделать что-то такое, что сразу стерло бы самодовольство с противных рож, выглядывавших из окон вагонов. Оттуда доносились звуки аккордеона и нестройное пение:

О донна Клара-а,
Я видел в танце тебя,
О донна Клара,
Я видел в ванне тебя!

Евгений подошел к задумчиво стоявшему Мировскому, который одной рукой держал газету, другой тер лоб.

— Слушай, знаешь, что-то мне опять не по себе. Придется все-таки освежиться как следует.

На этот раз Евгений пошел с ним. Может, устал парень или обстановка сказывается? Надо как-то его подбодрить.

Когда они подходили к главному входу в вокзал, навстречу попались жандармы, с которыми Мировский разговаривал на перроне. Вот уже год как обоим не приходилось видеть напыщенных жандармов с широкими белыми аксельбантами, в черных лакированных касках с бронзовыми орлами. Один из них на ходу спросил Мировского:

— Ну как, нашли префектуру? Или еще не ездили?

Мировский пригладил ладонями шевелюру и несколько растерянно ответил:

— Да нет.... Благодарю вас... Мне еще надо в епископию съездить...

Жандарм понимающе кивнул и зашагал рядом со своим напарником. Евгений был очень удивлен: «В какую префектуру должен поехать Мировский?»

Угадывая его мысли, Мировский поспешил объяснить:

— Забыл тебе сказать... Понимаешь, я нарочно у них тогда спросил, где находится префектура. Сделал вид, будто у меня и туда дело есть... Пусть считают меня «своим»....

Евгений ничего не ответил, эта история ему очень не нравилась. «Ни к чему это!» — подумал он. Овладевшее им беспокойство теперь стало еще сильнее.

«Хотя бы скорее подошла автомотриса!» — подумал Евгений и решил, что от Мировского больше не следует отходить.

Они вошли в туалет. Запах хлорки ударил в нос. У раковины какой-то плутоньер* старательно причесывался. Когда он отошел, Мировский принялся смачивать голову и укладывать свои густые волосы. Евгений наблюдал за ним: движения его были нервными, неуклюжими. Евгений молча помыл руки и вытер их носовым платком. Тут Мировский подошел к нему вплотную и, не глядя в глаза, тихо сказал:

— Слушай, знаешь что... Я... туда больше не вернусь...

— О чем ты? Куда не вернешься?

— Туда, откуда нас послали, понял? — злобно огрызнулся Мировский. Он сразу переменялся в лице, выпрямился, жесты его стали четки, определенные, словно до сих пор, сутулясь и жалуясь на головную боль, он только играл какую-то надоевшую ему роль.

Евгений обомлел. «Вот оно что! Мне не доверяют... — подумал он. — Мировскому поручили проверить меня здесь. Как же, за него Смилянный ручался головой! Все ясно...»

Он вспомнил, что застал Мировского и Смилянного в кабинете Гундорова; вспомнил, как Студенцов отослал его из помещения штаба полка, а Мировского, наоборот, вызвал к себе... Горькая обида закипела в груди.

— Послушай меня, останься и ты,— снова начал Мировский, но уже более твердым тоном. Теперь он совсем не походил на парикмахера Котю, всегда услужливого и любезного.— Ты ведь здесь был уже почти летчиком! А у них кем стал? На побегушках! Я всю жизнь мечтал иметь свою парикмахерскую, своих мастеров, а что получилось? Холуем в артели вкалывал! Даже чаевые за свой труд не разрешали брать...

Алексеев неестественно рассмеялся, машинально продолжая вытирать платком уже давно сухие руки.

— Брось, Котя, валять дурака! — тихо, но внушительно проговорил он.— Тебе поручили меня проверить?.. Выслуживаешься? Думаешь, я не видел, как ты

* Фельдфебель (рум.).

лебезил перед Смилянным и как он носился с тобою?

Пришла очередь удивляться Мировскому:

— Да нет! Что ты? Я только делал вид, будто вполне лоялен, а на деле выполнял поручения наших... Понимаешь? наших, отсюда... Ты не беспокойся, меня давно здесь ждут... Вернее, не здесь, а в Яссах... Не веришь?

Евгений выжидающе молчал и, бросая на Мировского недоверчивые взгляды, мучительно искал ответ на вопрос: «Меня проверяет или просто предатель?»

— Что, не веришь? — повторил Мировский. — Тогда идем, я кое-что тебе покажу...

С этими словами он потянул Евгения в кабину.

Тот машинально последовал за ним. Войдя в кабину, притянул за собой дверь и запер на задвижку.

Мировский почему-то стал отстегивать подтяжки, а Евгений с ужасом думал: «Неужели предатель? Это же удар в спину!» Он стоял как пришибленный. Но вот, наконец, Мировский обнажил бедро. Сразу все стало ясно: Евгений увидел эмалевый жетон на узенькой бело-розовой тесемке. Это был тот самый жетон, который агенты румынской тайной полиции — сигуранцы носят обычно под лацканом пиджака и который удостоверяет их принадлежность к королевской охранке. Он хорошо знал эти жетоны. Его кинуло в жар, на мгновение он ощутил невероятную слабость во всем теле. Перед глазами в течение нескольких секунд промелькнула вся его жизнь — вот он курсант авиашколы, потом комсомолец, тюрьма... потом дом, мать, друзья и, наконец, задание, которое хотел выполнить во что бы то ни стало. И вот всему конец! Мировский — тайный агент сигуранцы! Лестью, угодничеством, краснбайством опутал столько людей... Что же делать? Бежать? Но как это сделать, когда сидишь, как в капкане, и кругом враги...

Показав жетон, Мировский положил его в карман и стал приводить себя в порядок, продолжая убеждать Евгения:

— Опасаться тебе нечего. Ты многое знаешь, расскажешь все и, будь уверен, снова сможешь стать летчиком! Несомненно, всё простят. К тому же и я пришел не с пустыми руками, с моим словом посчитаются, а я поддерживаю тебя, будь уверен...

Евгений слушал медоточивую речь предателя, а

мыслями был там, в Болграде, на Родине. «Самое страшное, — думал он, — что дома никто не узнает правду, сочтут изменником. А каково матери? Сын — изменник... Неужели поверят? А если не поверят, скажут «струсил». И Студенцов скажет — струсил! Но разве я трушу? И неужели дам этой гадине взять себя голыми руками?»

Мировский самодовольно улыбался. Он чувствовал себя так, словно сбросил с плеч невероятную тяжесть. Ему уже некого бояться. Работу свою выполнил и напарника-большевика заарканил.

— Пойдем, все будет в порядке! — уверенно сказал он. — Видел, сколько войск в городе? Скоро опять дома будем, поверь! А шофер что говорил? Уже священники приготовлены! А газетчики что кричали? Немцы подходят к Киеву! А те пленные! Скоро всем им петля. Не будь глупцом, такого случая нельзя упустать!

Евгений понимал, что сейчас же надо что-то предпринять. «Но что? Что? Застрелить гада? Тогда и сам погибну, ничего не сделав». От волнения у него пересохло во рту, язык стал резиновым, его трясло от ярости, но он сдерживался, старался не выдать своего состояния. Инстинктивно принял вид окончательно растерявшегося человека, машинально кивал головой, как бы подтверждая, что согласен с Мировским.

— Ты думаешь, я за спасибо целый год там рисковал? Нет, брат! — продолжал предатель. Он уже чувствовал себя победителем. — На спасибо далеко не уедешь, карьеры не сделаешь, да и штанов не сошьешь! Пора бы тебе это понять «товарыше»! Человеку, как и всякой твари, господом богом дана одна жизнь, а вот какая она будет жизнь, это зависит от тебя самого.

Евгений смотрел на Мировского наивными глазами, словно только теперь ему открылся смысл жизни. Он вошел в роль кающегося юнца, доверившегося умудренному житейским опытом другу.

— Может, ты и прав, Котя, — произнес он смиренно. — Даже наверняка прав, но... в первый момент я так растерялся... Да уж не буду скрывать, просто испугался, насмерть испугался... Ведь ты-то здесь свой, а мне-то, Котя, каково!

А про себя сокрушенно твердил: «Эх, товарищ Гундоров! Так-то оно «все проверено» да еще «досконально»? Евгений посмотрел на предателя. «Небось, эта гнида думает, что я размяк, что я у него в руках... Пусть думает», — и заискивающе продолжал:

— Уж ты, Котя, скажи там за меня пару добрых слов. Ладно? Все же мы земляки, знаем друга друга почти с детства. Поддержи, пожалуйста... А уж я для тебя все сделаю. Я, действительно, многое знаю и, если хочешь, расскажу тебе. А ты там от себя рассказывай...

Мировскому, очевидно, это предложение понравилось. Он деловито сказал:

— Хорошо. Выйдем, поговорим. Тут эта хлорка, будь она проклята... Дышать нечем.

Но тут, как бы между прочим, Евгений сказал:

— погоди, Котя. А как мне быть с оружием?

Мировский сразу насторожился, глаза его потемнели и сузились, руки напряглись, он словно приготовился к обороне.

— У меня есть пистолет, Котя. Ты разве не знал?

Взгляд Мировского скользнул по двери, которую Евгений загоразживал собою.

Евгений удивленно пожал плечами и приподнял руки, разводя их в стороны.

— Пожалуйста, Котя, на... бери сам. Он в правом кармане.

Евгений рассчитывал, что Мировский полезет к нему в карман и тогда он его «приголубит»... Но тот отшатнулся и поспешно ответил:

— Не надо, не надо!.. Там... после...

«Не хочет, гад, боится!» — подумал Евгений и сунул руку в карман. Мировский не спускал глаз с его руки и, казалось, был уже готов закричать, броситься к двери, но Евгений опередил. Он вынул пистолет и теперь держал его на открытой ладони, дулом к себе. Это подействовало на предателя успокаивающе. Евгений продолжал умоляющим тоном, протягивая лежащий на ладони пистолет:

— Возьми... Скажешь, что это твой...

Мировский сконфуженно улыбнулся. Ему стало неловко за то, что он выдал свой страх. Теперь напряжение ослабело, и когда он протянул руку, чтобы

взять оружие, молниеносным и обдуманном заранее приемом Евгений нанес ему со всей силой один за другим удары рукояткой — по голове, в переносицу, в висок, еще и еще... Град ударов был настолько стремительным и неожиданным, что предатель не успел и вскрикнуть. Обтирая спиной стену уборной, он беззвучно сполз на цементный пол.

Неожиданно дверь кабины дернули. Евгений вздрогнул, несколько мгновений стоял с пистолетом наготове, затаив дыхание. Из-за двери донесся звук удаляющихся шагов человека в кованых сапогах. Потом где-то недалеко скрипнула дверь кабины, щелкнула задвижка...

Евгений несколько успокоился. Торопливо вывернув карманы брюк и пиджака Мировского, взял его документы, жетон сигуранцы и три перевязанных ниткой школьных тетради. Однако оставить предателя на полу нельзя. В кабину могут зайти тотчас же, как только Евгений выйдет. Пришлось усадить предателя на унитаз, привязав его бесчувственное тело подтяжками к трубе спускного бачка. Теперь для всякого, кто заглянет в кабину, его поза покажется естественной...

Еле сдерживая дыхание, он прислушался. В туалетной был слышен говор, но около кабины как будто никого не было. «Надо уходить! Уходить как можно скорее!»

Осторожно приоткрыл дверь. Несколько солдат в серо-зеленоватых френчах стояли лицом к противоположной стене. Одни подходили, другие уходили. Алексеев вышел с таким ощущением, будто протискивается сквозь ушко иголки. Он поднял голову (она почему-то упрямо втягивалась в плечи) и твердым шагом направился к выходу. «Кажется, сошло! Только бы выйти за пределы вокзала, а там...»

На перроне толпились солдаты, и Алексеев затерялся в толпе. «Пронесло! — подумал он. — Теперь поскорее, поскорее убраться отсюда». И вдруг до него донеслось:

— Послушайте, господин авиатор!

Алексеев оглянулся. В нескольких шагах от него стоял офицер королевской гвардии. Только офицеры

полка «Михай Витязул»* носили причудливые, почти канареечного цвета аксельбанты. Похлопывая кожаным хлыстом по ботфортам, офицер подозвал его.

«Что ему надо?» — подумал Евгений и, чеканя шаг, направился к офицеру.

Офицер окинул его высокомерным взглядом и с пренебрежением спросил:

— Это почему же господин авиатор не приветствует старших?

— Здравия желаю, господин капитан! — четко, с некоторым облегчением проговорил Евгений. — Честь имею приветствовать офицера прославленного полка «Михай Витязул», но, прошу прощения, господин капитан, не могу это сделать по уставу.

— Да-а-?! — протянул офицер. — Почему же?

— Недавно попал в переделку, господин капитан, и вот — не могу еще поднять руки... — И как бы испытывая страшную боль, Евгений с усилием приподнял правую руку лишь чуть выше пояса.

— Ах, вот оно что! — уже другим тоном произнес офицер. — Вы участвовали в схватке? Весьма похвально! Однако рубашку вам следовало бы все же сменить... Щеголять с пятнами крови на воротничке не следует... Это дурной тон, господин авиатор!

Алексеев невольно вздрогнул, однако нашелся.

— К сожалению, господин капитан, теперь у меня часто из носа идет кровь, и только что опять случилась эта неприятность...

Алексеев начал волноваться. По перрону прохаживались жандармы, которые видели его с Мировским, а тут разговор затягивается.

Капитан отвлекся: он проводил оценивающим взглядом проходившую мимо сестру милосердия. Наконец обернулся к Евгению, но в это время над вокзалом появилась эскадрилья тяжелых бомбардировщиков. Шли они на большой высоте. Капитан вскинул голову и самодовольно подмигнул Евгению:

— На Одессу! А?

Тот кивнул головой и хотел тоже посмотреть вверх, но глаза его невольно косили в сторону уборной.

— Что ж, — сказал офицер. — Не смею вас задер-

* Михай Бравый (рум.).

живать. Честь имею! — И он вскинул руку к козырьку.

Евгений щелкнул каблуками и по привычке чуть тоже не отдал честь, забыв про руку. Но вовремя спохватился, хотя ладонь уже прошла «аварийную линию»: она была почти у самого плеча... Капитан, однако, этого не заметил, он прислушивался к тревожным свисткам и смотрел в ту сторону, куда уже спешили патрулировавшие на перроне жандармы. Евгений успел заметить, как на перрон вынесли на руках человека. Это был, конечно, Мировский. Вскоре вокруг образовалась толпа. Воспользовавшись суматохой, Евгений через тамбур вагона, стоявшего у перрона состава, быстро прошел на соседний путь. Там как раз отходил на север товарный поезд. Евгений вскочил на подножку вагона и тотчас же скрылся в тормозной будке. Сняв фуражку, он осторожно выглянул и убедился, что его никто не видел. И все же сердце усиленно билось.

Поезд шел вдоль большого озера. Евгений узнал местность: Братеш. Железная дорога лежала параллельно шоссе. По нему они ехали в Галац в машине епископии. С тех пор прошло всего несколько часов, а Евгению казалось, что это было очень, очень давно! Сколько пережито за одно только утро!

По шоссе непрерывным потоком шли войска, тащились обозы, гроыхала артиллерия. То и дело проносились машины, и легковые и грузовые: «Оппель-блитцы», «Мань», «Бюссинги». Они мчались, оставляя за собой черные клубы дыма от дизельной солярки и облака сухой серой пыли. Транспорты шли не только по шоссе, но и по хорошо укатанным обочинам. Небо было ясное, ни облачка. «Вот бы куда нашу авиацию!» — подумал Евгений, но авиация не показывалась, будто и вправду была уничтожена, как писалось в румынских газетах.

Поезд подошел к Татарке, значит скоро и Шивице, а там и зона перехода через Прут... «Но как теперь быть с заданием? Опять останется невыполненным?» — Евгений с ужасом подумал о такой перспективе.

Прошло около часа, однако поезд не отправляли. Выйти из тамбура Евгений не решался, да и ни к чему. Состав может каждую минуту тронуться, а опять за-

бираться на ходу опасно. И он сидел. А солнце, казалось, зацепилось за что-то и не двигалось с места. Покрытая жестью крыша раскалилась, было душно, как в кочегарке. К дверной ручке нельзя притронуться. Из головы не выходил Мировский. Евгений был уверен, что убил его, и это вызывало неприятное ощущение. Прежде он не раз говорил, что предателей нужно уничтожать. «Они в тысячу раз хуже открытых врагов!» Но одно дело говорить, другое — убивать. Мировский получил то, что заслужил. У предателей одна дорога, и умирают они не своей смертью. Им не верят даже те, кому они служат. И все же...

Состав не трогался, о нем будто забыли. Где-то бухала артиллерия, время от времени слышались взрывы. Сидя в душной будке, Алексеев обливался потом. Хотелось пить и спать, но и заснуть он не мог: жара, подозрительные шорохи да и Мировский... А главное, задание опять не выполнено! Вернуться с пустыми руками?! Нет, это невозможно. И он опять и опять начинал размышлять, прикидывать и так и эдак.

Ясно, что следовать по ранее намеченному маршруту было бы глупо. Обнаружив труп Мировского, жандармы наверняка вспомнили о нем, тем более, что он исчез. Показываться где-либо на близлежащих станциях теперь было бы неразумным. Из Галаца, несомненно, уже сообщили его приметы.

Задуманный им план действий был довольно дерзким, рискованным, но время шло, а другого решения он не находил. План его состоял в том, чтобы, подкараулив попутную машину, добраться до города Текуч. Здесь размещались авиационное училище и военный аэродром. Среди летчиков, пусть даже на вокзале, он не будет особо приметен. А из Текуча, уже другим маршрутом, Евгений надеялся доехать до Бухареста или даже до Джурджу. Разница во времени — менее суток...

Лишь под вечер поезд тронулся. На полустанке Шивице он не остановился. Евгений хотел спрыгнуть на ходу, но было еще светло, его могли заметить, да и поезд шел слишком быстро. Без остановки проследовали и мимо станции Фрумушица. Когда мелькнул полустанок Тэмыйоара, совсем стемнело. Дальше дорога начинала отклоняться от Прута на запад. Поезд

шел довольно быстро. Евгений выглянул из тамбура. Справа тянулись камышовые заросли, где-то за ними лежал Прут. Слева едва виднелся поселок, а вдаль уже темнел какой-то полустанок. Состав начал понемногу сбавлять скорость. Евгений снял с фуражки белый чехол, подтянул ту же ремень, оглянулся по сторонам и... спрыгнул. Обошлось благополучно. Отряхнувшись, он оглянулся — кругом никого. Перед глазами мелькали товарные вагоны. Вот и последний, а вскоре красный огонек хвостового фонаря тоже исчез в темноте. Евгений проверил, на месте ли оружие, и круто свернул вправо.

Он шел зарослями напрямик, перпендикулярно железнодорожному полотну. По его расчетам, поблизости должно быть шоссе, но через полчаса он вышел на хорошо укатанную проселочную дорогу. По ней добрался до шоссе. Спустя несколько минут донесся шум мотора. Евгений свернул в тянущуюся вдоль дороги кукурузу. Остановить машину не решился, хотел чуточку освоиться... Мимо пропыхтел грузовик. Пыль еще не успела улечься, как Евгений вновь тронулся в путь, но почти сразу же по замолчавшему мотору определил, что грузовик остановился. Подойдя ближе, он увидел, что машина стоит у колодца. Прислушался: судя по голосам, там было два человека. Евгений достал из кармана белый чехол, натянул на фуражку. Откашливаясь, чтобы появление его не было неожиданным, он смело пошел к машине.

— Стой, кто? — слышался голос стоявшего у машины.

— Ладно, не шуми!.. — отозвался бесшабашным тоном Евгений. — «Кто» да «кто»? Не черт же!..

Из темноты на Евгения смотрел военный и направлял на него карабин, но, увидев белую фуражку, видимо, успокоился. От колодца отошел второй — в гражданской одежде. Это был шофер. Он держал в руке не то флягу, не то термос.

— Что, ночных привидений боитесь? — шутливо спросил Евгений.

Подойдя вплотную к военному и не обращая внимания на его карабин, он сказал:

— Добрый вечер! В какую сторону путь держите?

— А тебе в какую надо? — настороженно и грубовато спросил военный.

— Во-первых, не «тебе», а «вам», господин сержант-инструктор!.. Кажется, так или в темноте я плохо разглядел? — спокойно и чуть задиристо ответил Евгений, разглядев погоны военного. — Во-вторых, мне нужно в сторону Фолтешт... Если это по дороге, прошу захватить, иначе превращусь в пехотинца, будь они неладны... — И, добавив хлесткое выражение, принятое среди королевских летчиков, в нескольких словах объяснил, что ходил к девушке, которая живет недалеко отсюда.

— Ладно, садитесь. Кабина у меня просторная, — ответил шофер.

Сержант-инструктор оказался тоже попутчиком.

Евгений попросил шофера подождать минутку и побежал к колодцу. Но едва припал к ледяной воде, как к колодцу подползла маленькая машина военного образца, без дверей, с двумя дополнительными посреди кузова колесами, предохранявшими ее от посадки «на брюхо». Шофер тотчас же выскочил из машины и направился с объемистой банкой к колодцу.

Проходя мимо машины, Евгений заметил на переднем сиденье какого-то военного в очках и обычной солдатской «капеле»*. Но вдруг на «капеле» блеснула солнцеобразная кокарда. «Генерал! А что если попытаться?.. И соблазнительно, и опасно, а главное, непродуманно... Но упустить такой случай?» Эти длившиеся несколько секунд сомнения прервал шофер грузовика. Он окликнул авиатора, приглашая его садиться. И тут, подчиняясь какому-то внутреннему, подсознательному велению, Евгений подошел к машине, вытянулся во фронт и отрекомендовался:

— Здравия желаю, господин генерал! Пилот аджутант** из Третьей истребительной флотилии Галац... Прошу разрешения доехать с вами до ближайшего населенного пункта... У меня срочное донесение. Выполняю здесь особое задание!

— Хм... Осопое! А документ у фас ест, что выпол-

* Парусиновая фуражка с мягким козырьком (рум.).

** Старший унтер-офицер (рум.).

няют «осоное» заданий? — буркнул генерал с ужасным. немецко-трансильванским акцентом.

— Разумеется, господин генерал! — охотно отозвался Алексеев и, сделав еще шаг вперед, отвернул лацкан френча. На внутренней его стороне был прикреплен отобранный у Мировского жетон. — Прошу, господин генерал!..

— Что там у фас? — Нащупав на сиденье фонарик, генерал осветил лицо Алексеева, потом лацкан. — О, сигуранц!..

— Так точно, господин генерал.

— Хм... Пожалуйста... Ми можем дофести фас до Бэрлад. Устройфает?

— Вполне, господин генерал. Благодарю вас!.. Я сойду раньше... — ответил Алексеев и подбежал к грузовику сказать, чтобы его не ждали.

Когда Алексеев вернулся к генеральской машине, шофер кончал заливать воду в радиатор. Евгений залез в машину, сердце билось учащенно. Мысли подгоняли одна другую: «Как сделать? Когда?» Нервная дрожь пробежала по телу, когда вдруг решил: «Сейчас. Потом будет поздно. Далеко уедем от Прута».

Алексеев нащупал в кармане пистолет, оглянулся по сторонам, прислушался. Было темно, где-то бухала артиллерия. Шофер уже сел на место и нажал на стартер. Евгений выхватил пистолет и, вскочив на ноги, нажал курок. Почти одновременно с выстрелом крикнул:

— Руки, вверх!

Шофер вывалился из машины, мотор сразу заглох. Евгений направил пистолет на трясущегося генерала. Подняв руки, тот взмолился:

— Господин пилот! Прошу фас, не упифайте! У меня дети...

— Быстро! Подчиняйтесь и будете жить. Иначе стреляю без предупреждения!

— Да, да, господин пилот, я понимаю, понимаю...

Задыхаясь, генерал поспешно выбрался из машины. С пистолетом в руке Евгений указывал ему путь. Они почти бежали. Но вскоре генерал остановился и, с трудом переводя дыхание, проговорил:

— Господин пилот! Разрешите опустить руки... Сил больше нет...

Пришлось разрешить. В эту минуту Евгений заме-

тил на поясном ремне генерала кобуру с пистолетом. Он даже забыл обезоружить его. Однако близко подойти не решился. Приказал самому отстегнуть ремень с портупеей и опустить их на землю, а затем сделать два шага вперед. Генерал послушно выполнил приказания. Евгений поднял ремень с кобурой и пистолетом. Снова тронулись в путь. Минут через двадцать миновали железнодорожное полотно и углубились в камышовые заросли. Но вскоре Евгений убедился, что здесь не пройти. Впереди было болото. Пришлось вернуться, обойти стороной.

Неожиданно Евгению послышался шум и будто даже кашель. Мгновенно он остановил пленного и стал вслушиваться: в десяти шагах появилась цепочка солдат. Генерал воспрянул духом, однако приставленный к лопатке ствол его же парабеллума послужил предупреждением. Секунды казались вечностью. Евгений уже был готов нажать на курок и броситься в заросли. Но солдаты проследовали своим путем. И Евгений, и пленник стояли как вкопанные. Когда наконец исчез последний солдат, Евгений, переждав еще несколько минут, подтолкнул генерала. Тропинку, по которой только что прошел взвод, они миновали благополучно. Генерал все чаще спотыкался, отдувался, кряхтел. Устал и Евгений, однако шага не сбавлял. Надо было преодолеть эту последнюю преграду, добраться до реки. Там свои начеку. Помогут. Только бы добраться до нее незамеченными.

В небе послышался гул советских самолетов. Евгений узнал их по звуку моторов. Правда, было их немного и летели они на большой высоте, но Евгений обрадовался. Где-то в стороне вспыхнули лучи прожекторов, потом застучали зенитки и опять все замолкло. А немного спустя послышалось подряд несколько взрывов. Далеко на западе небо окрасилось оранжевым цветом.

Евгений тихонько подталкивал генерала, который совсем выдохся. Это все больше и больше тревожило Евгения, но он продолжал толкать пленного и твердить про себя: «Ничего, ничего... Еще немного!..»

Он произносил эти слова, как какое-то магическое заклинание, без помощи которого не достичь поставленной цели. А целью всей его жизни теперь было

одно — доставить пленного генерала на левый берег Прута. Ему казалось, что это может изменить весь ход войны.

Они шли уже больше часа. Кое-где впереди то загорались, то исчезали огни ракет. Стало быть, Прут близко. «Еще немного! Еще... еще!..»

Как и в прошлую ночь, неожиданно он услышал протяжные выкрики часовых:

— Пост номер три — хорошо-о-о!

— Пост номер четыре — хорошо-о-о!

— Пост номер пять — хорошо-о-о!

Генерал печально вздохнул. Он-то себя чувствовал, конечно, далеко не хорошо. А Евгением овладело какое-то новое чувство, какого он не испытывал прежде, чувство возвратившейся и окрепшей уверенности в своих силах.

Вот и Прут. Горизонт за ним пылал как разгневанный вулкан. Алексеев невольно оглянулся: позади густая плотная темнота. «Долго ли так будет?»

Он достал зажигалку и подал условный сигнал. На родном берегу должны были его ждать каждую ночь. Там непрерывно наблюдали за определенными местами вражеской стороны. Однако ответного сигнала не последовало. Генерал стоял молча, очевидно, надеясь, что переправиться на тот берег им не удастся. Он даже счел нужным сказать, что плавать не умеет. Евгений в свою очередь дал понять генералу, что и назад для него пути нет. Пленный снова запричитал, моля о пощаде.

— Молчать! — зашипел Алексеев.

Время от времени он подавал условные сигналы. Но никто не отвечал. Евгения охватило беспокойство: «Неужели наши отступили?» Решив сделать плот, он достал нож и стал срезать ветви прибрежных ив. Пот с него лился градом, но он продолжал с остервенением работать. Генерал со связанными его же португеей руками стоял рядом.

Может быть, и не так уж долго Евгений ждал ответных сигналов, но после всего пережитого минуты поистине казались часами. Неужели напрасны были все терзания минувшего дня?

На востоке уже забрезжила заря, небо окрашивалось голубоватым цветом. Евгений снова подал сигнал и снова противоположный берег не отвечал.

Но что это? На реке появилось темное пятно. Оно медленно приближалось, и Алексеев, наконец, убедился, что это была знакомая резиновая лодка. Он торопливо полез за зажигалкой. В кармане ее не оказалось. Вероятно, выпала. Тогда, забыв обо всем, он крикнул:

— Сюда! Сюда!

С лодки едва слышно донеслось:

— Десять!

— Шесть!..— Это был отзыв на пароль.— Сюда, сюда!.. Скорей!

— О ксподи! — запричитал генерал.— Теперь фсе коншено... Коншено ф самом начале такой попедоносной фойны!..

Лодка причалила. Два бойца, сидевшие в ней, развернули ее носом вперед. Пленного усадили на дно.

Все произошло мгновенно, но когда лодка уже была на середине реки, ее заметили. Раздались одиночные выстрелы, в небе вспыхнули ракеты и сразу ударили пулеметы. Огненные линии трассирующих пуль прорезали темноту, вокруг стали рваться мины. Евгений накинул на пленного спасательный круг. «Только бы мой «миленький» не утонул у самого берега!» — подумал он. Но тут «заговорил» родной берег. Ударили орудия, послышалась знакомая дробь «максимов»...

Стрельба еще не затихла, а Евгений, бойцы и пленный уже шагали к штабу. Из-за Прута слышался рев самолетов. Бомбардировщики с крестами и трехцветными кругами на плоскостях со свистом пикировали на передний край нашей обороны; другая волна самолетов бомбила близлежащие к границе деревни. Уже рассветало, и теперь было видно, как один наш тупоносенький истребитель вступил в неравный бой с бомбардировщиками.

В предрассветной мгле все отчетливо видели, как наш летчик выбросился из горящего самолета. И вдруг вынырнули из-за облаков немецкие истребители и стали обстреливать длинными очередями покачивавшегося на парашюте летчика.

— Вот варвары, а?! Смотрите, смотрите, что делают! — гневно закричал один из бойцов.

Бомбежка еще не прекратилась, когда примчался знакомый «пикап». В нем, конечно, был Студенцов. Он первый встретил Евгения и расцеловал его. По пути в город Евгений рассказал обо всем, что произошло за минувшие сутки.

— А ведь если бы не ваш пистолет, Михаил Игнатьевич, мне бы конец!..

Слушая Евгения, Студенцов невольно подумал: «Что бы произошло, если бы я не успел приехать на заставу и в последнюю минуту не дал ему свой пистолет?»

В дверь кабинета постучали. Вошел Смилянный. Он уже слышал, что из-за Прута доставлен пленный генерал. Увидев Алексева, он обрадовался.

— Что я говорил? Помните, товарищ начальник? Ручаюсь головой! Молодец Мирковский — генерала зацапал! Вот это находка!.. Но где же он? Я его что-то...

Смилянный осекся, заметив, что лица собравшихся не выражают восторга.

Студенцов пристально смотрел на начхоза:

— «Находка», говорите? «Головой ручаетесь?..» Вот и будете отвечать, — сказал он, бросив укоризненный взгляд на Гундорова.

...Под вечер Студенцов и Алексеев стояли у открытого настежь окна кабинета и смотрели, как конвоиры усаживали генерала в «пикап».

— Что ж, Женя, — положив руку на плечо Алексева, мягко и в то же время серьезно сказал Студенцов, — не знаю, долго ли нам придется работать вместе. Сам понимаешь, война... Но для начала — хорошо! Разведчик, где бы ни находился, в какой бы обстановке ни оказывался, какие бы неожиданности его не подстерегали, всегда и везде должен найти выход из положения...

И знай, что даже этот «единственный» выход из положения в действительности всегда имеет еще два-три «запасных» выхода...

ПОД ЕДИНЫМ ЗНАМЕНЕМ

Медленно вступала в свои права весна памятного 1942 года.

Отброшенные несколько месяцев назад от ворот Москвы, немецкие войска накапливали силы, готовились вновь перейти в наступление. Обстановка в столице оставалась напряженной: на улицах было малоллюдно и тихо, окна домов и витрины магазинов заклеены крест-накрест бумажными лентами, а у фасадов многоэтажных зданий возвышались штабеля мешков с песком; на окраинах все еще щетинились противотанковые заграждения и по вечерам московское небо покрывалось сетью огромных аэростатов. Сводки Совинформбюро были неутешительными... Белоруссия, Украина, Прибалтийские республики и территория ряда областей России были оккупированы фашистами.

В один из этих тревожных для Родины дней в тихом и малопримечательном переулке Москвы, в комнате, где на дверях еще сохранилась табличка «5-й класс «Б», небольшая группа людей, одетых в офицерскую форму немецких полевых войск и эсэсовцев, заканчивала подготовку к выполнению задания командования. Вся обстановка в комнате говорила за себя: на стенах висели десантные комбинезоны, зеленые и черные шинели офицеров вермахта и СС, между койками, заправленными по-военному, громоздились плотно набитые вместительные туристские рюкзаки и вещевые мешки, на тумбочках лежали советские и трофейные автоматы, сложенные парашюты, а посреди

комнаты на полу вытянулся, наполненный до отказа, огромный грузовой парашютный мешок.

Еще и еще раз необычные обитатели дома проверяли исправность оружия, содержимое своих карманов, затягивали рюкзаки, когда в комнату вошел Рихард Краммер — старший группы, в форме немецкого подполковника. Это был плотный, лет пятидесяти пяти человек с заметно выпирающим животом, широким, умным суровым лицом, тщательно причесанной седеющей шевелюрой и глубоким шрамом на лбу. Его появление первым заметил высокий гауптман* Альфред Майер. Он тотчас вскочил и подал команду:

— Ауфштейн!**

Краммер едва заметно кивнул головой и жестом остановил Майера.

— Сегодня, товарищи, — слегка насупившись, произнес Рихард своим обычным хрипловатым голосом, — кажется, летим наконец. Прогноз погоды удовлетворительный...

Эту весть все приняли, как долгожданную и отрадную. Кое-кто засуетился, чтобы скорее завершить последние приготовления. А Рихард тем временем не спеша раскурил трубку, выпустил густое облако дыма и, пристально исподлобья всматриваясь в каждого, вновь заговорил:

— И еще вот что... По опыту мы знаем, что в горячей схватке иной раз незаметно для себя можно израсходовать все боеприпасы. Так вот, чтобы не попасть живыми к шакалам из гестапо, советую каждому приберечь в надежном месте один патрон... Вы понимаете, что я хочу этим сказать?

Рихард неторопливо достал из нагрудного кармана патрон и, показав его всем, положил обратно.

Молча все извлекли из запасных обойм по патрону и запрятали кто в нагрудный карман френча, кто в кармашек для часов.

...Над Москвой спускались сумерки, когда со школьного двора выехала полуторка с крытым кузовом, в

* Капитан (нем.).

** Встать (нем.).

котором среди парашютных мешков и груза разместились старший лейтенант Алексей Ильин, военврач третьего ранга Александр Серебряков и шесть немцев-антифашистов, еще до войны нашедших политическое убежище в Советской стране и ставших ее равноправными гражданами. Это были Отто Вильке, его сын — Фриц Вильке, Альфред Майер, Фридрих Гобрицхоффер, Вилли Фишер и Ганс Хеслер. А в кабине, рядом с шофером, с неизменной трубкой в зубах сидел Рихард Краммер. По возрасту и положению он был старше всех.

Машина выехала на площадь Пушкина, свернув по улице Горького, миновала Московский Совет, здания Телеграфа, Совнаркома и гостиницы «Москва» и въехала на Красную площадь. Рихард Краммер, плохо владевший русским языком, жестом попросил шофера остановить машину.

На площади было безлюдно и тревожно. Рихард вышел из кабины и размеренным шагом направился к мавзолею. За ним последовали остальные. Все были в десантных комбинезонах и шлемах.

В нескольких шагах от металлической ограды, за которой у дверей с едва мерцавшей синей лампочкой застыли в почетном карауле часовые, остановились девять человек — двое русских, остальные немцы — все коммунисты.

Они молча всматривались в надпись на гранитном парапете мавзолея и, как бы давая клятву верности великому Ленину, сняли шлемы.

Когда раздался перезвон кремлевских курантов, десантники безмолвно направились к своей машине, у переднего крыла которой, словно часовой на посту, стоял шофер. Вскоре полуторка исчезла за храмом Василия Блаженного. Позади осталась Красная площадь, впереди — пустынные улицы. Лишь недалеко от Калужской заставы им встретилась казачья конница, потом загрели колеса пулеметных тачанок и уже где-то на шоссе полуторка разминулась с колонной танков «Т-34». Рев их моторов долго стоял в ушах десантников. Позже его сменил гул двухмоторного транспортного самолета, пробивавшего толщу облаков. Рихард выделялся среди сидевших в самолете. У него было два парашюта — по одному спереди и сзади — и потому

он сидел на грузовом мешке. Краммер весил больше ста килограммов...

Через мелькавшие в облаках «окна» в иллюминаторы можно было увидеть обозначенный вспышками выстрелов передний край фронта. И вскоре тьму ночного неба стали прорезать лучи прожекторов, вспышки рвущихся зенитных снарядов. С каждой минутой усиливался огонь вражеских зениток. Все это живо напоминало Рихарду Краммеру и Отто Вильке многое из пережитого ими.

Им было о чем вспомнить. Не раз Рихард — гамбургский портовый рабочий и Отто — молодой потомственный офицер вместе слушали Эрнста Тельмана, вместе попадали в разные переделки. Бывало, что рабочие нуждались в оружии, и тогда Рихард добывал его через Отто.

Позднее, когда по всей Германии банды молодчиков в коричневых рубашках со скрюченными гадюками на рукавах стали бить витрины магазинов, врывать в квартиры, истязать и убивать ни в чем не повинных людей, когда по всей стране запылали костры из книг, как-то при очередной встрече с Рихардом Отто с грустью напомнил ему слова Генриха Гейне: «Там, где горят книги, горят люди!..»

Как старший офицер Отто Вильке участвовал в маневрах нового вермахта, общался с жаждущими реванша офицерами и генералами, работал в штабах, склоняясь над картами, испещренными зловещими стрелами. Он по-прежнему тайно встречался с Рихардом: то в каком-то сыром подвале читал пахнущую свежей краской подпольную газету, то давал для этой газеты материалы, разоблачающие замыслы гитлеровцев, их бредовое стремление к мировому господству... Рихард и Отто были неразлучны. Особенно их дружба окрепла в рядах интернациональной бригады, где они мужественно сражались за республиканскую Испанию. Разрывом одного и того же снаряда Рихарда ранило в голову, а Отто контузило. На всю жизнь запомнилось обоим мгновение, когда в бою под Барселоной Рихард, желая уберечь Отто, поднялся из-за укрытия и успел только крикнуть: «Шнель!»

— Шнель, шнель!.. — раздался властный хрипловатый голос Рихарда. Началась выброска парашютистов.

Последним вслед за Рихардом покинул самолет Отто Вильке.

Сбор десантников происходил у грузового парашюта. Подходившие прежде всего с беспокойством спрашивали — как Рихард?

И когда поодаль, на сером фоне наступающего расцвета они увидели силуэт человека, спускавшегося на двух белых куполах, все кинулись к нему.

— А, черт! — ворчал Рихард. — Почет какой моему брюху, отдельный ему парашют! Можно подумать, что я состою из двух частей...

Ему помогли отстегнуть лямки, собрать парашюты, и все направились к месту сбора. Навстречу уже бежали лейтенант Ильин и военврач Серебряков.

— Ну как, товарищ Рихард?

— Точно так, как сказано в библии: «И это пройдет!»

Быстро разобрали грузы. Надо было как можно скорее уйти от места приземления. Но куда? По расчетам, должны были приземлиться в Гомельской области, километрах в восьмистах от Москвы и примерно в шестистах от линии фронта. Предрасветный мрак скрывал ориентиры, по которым можно было бы точно установить место приземления. Все казалось таинственным: и необычайная тишина, и непроницаемая серая мгла. Ориентируясь по компасу, пошли строго на северо-восток. Там должны быть обширные лесные массивы.

Медленно продвигалась цепочка навьюченных людей. На долю каждого досталась тяжелая ноша. «Экипировка» десантников не ограничивалась минимальным запасом продуктов, оружием, боеприпасами, минами различного действия, рациями с батареями и динамо-машинами. Хорошая половина поклажи состояла из предметов, казалось бы, совсем ненужных: одеколон и пудра, широко известное в Рейхе эрзац-мыло «шмутц-фрессер»* и полный ассортимент регалий для солдат и офицеров гитлеровской армии, сигареты и шоколад с фабричными марками известных немецких фирм, шапирограф, портативная пишущая машинка, к ней две каретки с латинским и готическим шрифтами и, наконец, в каждом рюкзаке десятки туто спрессован-

* Особый сорт мыла, буквально «пожирающее грязь» (нем.).

ных пачек райхсмарок. А высоченный здоровяк Майер, некогда известный альпинист, захватил с собой даже утюг!.. Да, самый обыкновенный паровой утюг — предмет весьма необходимый для выполнения задания.

Впереди, с автоматом наперевес, шел старший лейтенант Алексей Ильин — молодой коренастый кареглазый парень. Он уже не раз переправлялся в тыл врага и потому чувствовал себя увереннее остальных. Время от времени Ильин останавливался, чтобы сверить направление движения по компасу, и тогда останавливалась вся цепочка. В эти мгновения невнятные звуки и шорохи отчетливее доносились до слуха десантников и заставляли их тревожно настораживаться. Ведь они легко могли набрести на хуторок или деревню и тогда собачий лай выдал бы их присутствие, поднял на ноги гарнизон оккупантов или их прислужников — полицейских.

Далеко на востоке забрезжила заря, когда до десантников донеслись звуки, предвещавшие близость леса. То где-то в стороне, то поблизости от них попеременно с отрывистым тьяканьем лисицы пренеприятно аукала сова. Постепенно заря окрашивалась в розоватый цвет, из полумрака все отчетливее стали вырисовываться верхушки деревьев, наконец десантники достигли леса и поспешно углубились в него.

Стало совсем светло, и десантники с облегчением вздохнули, когда убедились в том, что здесь давно не ступала нога человека. Теперь они двигались гуськом, стараясь ступать в след впереди идущего, чтобы постороннему было трудно определить, сколько тут прошло людей. Солнце уже взошло, когда десантники остановились на дневку и, установив очередность дежурства, уснули крепким сном.

День прошел спокойно. Снова тронулись в путь еще засветло. Шли долго, гораздо дольше, чем намечалось по заранее разработанному маршруту, а лесному массиву все еще не было конца. И с каждой минутой крепла тревожная мысль, что приземлились, должно быть, не там, где предполагалось. Лишь поздно ночью вышли к опушке леса и увидели впереди, метрах в трехстах, силуэт покосившейся хатенки. Разведав местность, десантники установили, что она стоит на отшибе за селом.

Ильин и Серебряков в сопровождении двух товарищей, следовавших за ними на небольшом расстоянии, пошли к домику, осторожно постучали в окошко. И тотчас же до них донесся женский голос:

— Кто там?

— Свои,— глухо ответил Ильин.

Женщина отодвинула засов и, чуть приоткрыв дверь, тут же скрылась в хате, на ходу дружелюбно пригласив входить. Десантникам это показалось странным. Почему женщина запросто приглашает зайти незнакомых людей? Ильин настороженно открыл дверь и, держа автомат наготове, шагнул через порог в темные сенцы. Серебряков притаился у входа, а сопровождающие — поодаль у изгороди.

Тем временем хозяйка дома деловито и тщательно завешивала окна, потом подошла к печи и зажгла от тлевших угольков длинную лучинку. При свете разгоревшейся лучины она взглянула на вошедшего в хату Ильина и на мгновение застыла с выражением удивления и испуга на лице. Стало очевидно, что хозяйка дома ожидала кого-то другого.

— В селе есть немцы? — спросил Алексей.

— Немцы? — о чем-то напряженно думая, переспросила женщина. — А кто их ведает? У городе, верно ёсть... але тут нема...

Вошел Серебряков, стал спрашивать хозяйку, нет ли в селе или поблизости в лесах партизан.

— Ой, да што вы, люди добренькие! Откеда ж я ведаю про то? — отвечала та.

Так бы, наверное, и не удалось десантникам что-либо узнать, если бы не счастливая случайность. Проснулся парнишка лет четырех или пяти, протер глаза, привстал и радостно залепетал:

— У! Дяденьки пальтизаны плишли!

Женщина прикрикнула на мальчика, снова уложила его в постель и, невзирая на настойчивые просьбы Ильина и Серебрякова, на их уверения, что они свои, советские, продолжала упорно уверять, будто и понятия ни о чем не имеет. Слова мальчика она объяснила тем, что, дескать, еще осенью «заходили какие-то люди из леса». А на просьбу связать их с этими «людьми из леса» ответила:

— Ой, боже ж мой, люди добренькие! Ежели толич-

ко придут, то, пожалуйста, скажу, коль просите. На здоровычко! Наше дело такое: стучат? Отворяй да помалкивай... Темнота!

Теперь десантники не сомневались, что в местных лесах есть партизаны. Это обстоятельство было тем более отрадным, что приземлились они, как окончательно выяснилось из беседы с женщиной, в нескольких десятках километров от намеченного заранее места. Попрощавшись с хозяйкой хаты, они отошли в лес и после короткого завтрака весь отряд дружно приступил к работе. Сообща устроили шалаш из парашюта, замаскировали его ветками сосны, ели и только-только зазеленевших орешника и клена, а дальше каждый занялся своим делом: один натягивал антенну для рации, проверял работу аппаратуры, другой рыл колодец, третий оборудовал и маскировал место, отведенное для кухни. Алексей Ильин и Отто Вильке изучали местность на случай вынужденного отхода. Так прошел день, а ночью Ильин и Серебряков вновь отправились к уже знакомой хатке. Они не сомневались, что хозяйка этого неказистого домика имеет связь с партизанами, но никак не могли предположить, что в то самое время, когда они пробирались лесом, женщина, торопясь и волнуясь, рассказывала «лесным людям», как минувшей ночью к ней постучали и как она спросонья приняла незнакомого за своего.

— Ой, родимые,—покачивая головой, говорила женщина,—как же ж я злякалась, коли лучинка загорелась! Гляжу—а от што хотите, не наш он! Все спрашивает, спрашивает, а я чую дверь скрипит... Гляжу з фонариком у руках второй заявляется... А тут еще Колька, бес такой, проснулся. «Дяденьки партизаны!»—кричит что есть сил... Ну, думаю, спялят мне ироды хату...

Тем временем Ильин и Серебряков вышли к опушке леса и осторожно направились к знакомой изгороди, тихо миновали ее, подошли к домику. Как и прошлой ночью, Ильин постучал в окошко, а Серебряков осмотрел двор и притаился за клуней. И снова из хаты слышалось: «Кто?», но дверь хозяйка открыла не сразу. Лучина уже горела, а на печи лежал человек, которого прошлый раз здесь не было. Он делал вид, будто чувствует себя как дома: лениво потянулся, зевнул,

нехотя слез с печи и, не говоря ни слова, поплелся к ведру с водой. Ильин насторожился. Черпнув большой медной кружкой, незнакомец стал неторопливо пить, затем так же не спеша возвратился к печи и сел на лавочку напротив Ильина. Это был высокий, сухощавый, белобрысый парень с длинным чубом, свисавшим на лоб. Начались расспросы, взаимное прощупывание. Но вдруг в хату вошли еще двое. Эти были уже с оружием. Ильин вскочил, готовый открыть огонь, но, увидев на шапках обоих парней красные лычки, сдержался.

— Что хватаешься за оружие? Или совесть не чиста?..— сказал один из вошедших.

— На лбу не написано, у кого она есть, а у кого вся вышла,— ответил Ильин.

Но вскоре беседа приняла дружеский характер. Выяснилось, что партизаны устроили здесь засаду. В хату позвали Серебрякова и тут же решили, не теряя времени, тронуться в путь, а спустя два часа десантники уже сидели в партизанском штабе. Встретили их с распростертыми объятиями, тискали, целовали, обнимали, снова целовали. Шутка ли! Прибыли люди с Большой земли! Из самой Москвы!..

В радостном порыве, обнимая всех подряд, Алексей оказался в объятиях краснощекой девушки с черными глазами и длинной русой косой. Поцеловал он ее так крепко, что она слегка вскрикнула. И только тогда десантник сообразил, что это девушка. Растерянно взглянули они друг на друга, и, хотя это длилось считанные секунды, замешательство Алексея и Оксаны не прошло незамеченным. Партизаны дружно засмеялись, а смущенная девушка торопливо скрылась за их спинами.

В честь гостей рано утром партизаны устроили праздничный обед. На столе то и дело появлялись тарелки с нарезанным ломтями салом, жареной картошкой, квашеной капустой, одну за другой подавали яичницы на огромных сковородах. В центре стола водрузили большой жбан с жидкостью малинового цвета. От нее исходил не очень привлекательный аромат, однако присутствующие охотно наполнили жестяные кружки и дружно опустошили их, предварительно подняв несколько тостов — и за гостей-десантников, и за гостеприимных хозяев-партизан, и за Красную Армию, и за

победу над врагом... Ильин и Серебряков не успевали отвечать на вопросы партизан о жизни в Москве, о налетах вражеской авиации и причиненных ею разрушениях и о многом другом. Особенное воодушевление вызвало сообщение десантников о наличии у них радики и возможности установить постоянную связь с Москвой.

— Вот это порядок! — воскликнул низенький щуплый партизан. Его пышные усы, как, впрочем, и болтавшийся на бедре маузер в деревянной колодке, придавали их обладателю вид подростка, воображающего себя бесстрашным, боевым командиром.

— А где ж ваша рация и прочие вещички? — прищурив глаз и покручивая ус, спросил он.

В самом деле, десантники пришли налегке. При них было только оружие и полевые сумки.

— Там, в лесу... с товарищами остались, — неопределенно ответил Серебряков.

— Как?! Вас, значит, не двое?

— Еще есть... — нехотя признался Ильин.

— Ай да начальник штаба! Маленький, маленький, да, оказывается, удаленький! Смекнул задать не хитрый, но дельный вопросик, — с иронией сказал один из партизанских командиров. — У тебя, товарищ начштаба, видать, глаз наметан...

— И видит всё и всех насквозь! — перебив партизана, многозначительно произнес начальник штаба Скоршинин. Он нахохлился и, продолжая крутить ус, поглядывал на всех притворно равнодушным взглядом. Дескать, я себе цену знаю, меня не проведешь...

— Братцы, родные! — с упреком воскликнул командир отряда Афанасенко, черноволосый крупный человек в темно-синей гимнастерке. — Да вы что, остерегаетесь нас? Мы — советские люди! Я вот бывший директор МТС, член партии... Вот партбилет!

— Вы, товарищи, не обижайтесь, — ответил Ильин. — Ведь во вражеском тылу можно встретить всяких людей... Мы обязаны были убедиться в том, что все вы действительно партизаны, узнать, кто вами командует... Теперь, разумеется, мы доложим старшему нашей группы, что тут люди свои...

— И передайте, хлопцы, — по-дружески обнимая десантников, добавил Афанасенко, — что место у нас

обжитое, милости просим переселяться к нам в лагерь. Уступим вам лучшие землянки, отдохнете малость, привыкнете к лесу, и тогда вместе будем бить фашистов! Идет?

Ильин и Серебряков переглянулись. Что они могли ответить на радушное предложение командира? Даже этим, родным и близким людям, в помощи которых они нуждались, и не сомневались, что получают ее, они не могли рассказать о том, что группа у них необычная и задание тоже необычное. Строго-настрого им было приказано соблюдать конспирацию, ни при каких обстоятельствах без санкции командования, то есть Москвы, никому не открывать ни состава группы, ни цели ее прибытия в тыл противника. И Ильин ограничился уверением, что обо всем непременно доложит...

Перед самым уходом Ильин, улучив момент, когда они остались один на один, сказал командиру отряда, что хотел бы заручиться его согласием на встречу с остальными десанниками.

— Но встретиться придется не здесь, а где-либо поближе к нашему расположению. И еще желательно, чтобы в первой встрече участвовали только вы, Николай Иванович, и комиссар...

В этот момент подошел Скоршинин, и Ильин добавил:

— Пусть вот и начальник штаба придет. Почему так, вы поймете при встрече...

Афанасенко дал согласие, но заметил, что комиссар находится на заставе и в лагерь вернется только через два-три дня.

Десантники покинули гостеприимный лагерь в приподнятом настроении, получив в подарок для остальных товарищей по мешку с салом и сухарями и объемистую флягу с малиновой жидкостью.

Перевалило за полдень, когда Ильин и Серебряков вернулись в свое расположение. Обступившие их товарищи, затаив дыхание, слушали рассказ о встрече с партизанами, о наличии в районе дислокации гитлеровских войск, полиции и о прочем, что удалось узнать у партизан.

Щедрые дары и, главное, установление связи с надежными друзьями-партизанами сделали этот день во вражеском тылу радостным для десантников. В малень-

ком, еще необжитом лагере воцарилось праздничное настроение. За обедом не смолкали шутки и смех. Рихард, сидя на бревне и уписывая за обе щеки хлеб с салом, то и дело качал головой и приговаривал:

— О, «шпек» отменный!

— А «шнапс»? — не выдержав искушения, кивнул Майер на флягу.

Намек был в адрес Рихарда. Разрешив выпить по стопке за здоровье партизан, он велел приберечь остаток содержимого фляги для «более важной цели». Майеру это не понравилось. Рихард понял намек, но промолчал и насупился. Таков был Рихард Краммер. Он не терпел возражений и не переносил в тоне собеседника ноток панибратства. Во всем должна быть абсолютная дисциплина, каждый должен знать свое место. И за нарушение этих непреложных правил он журил Майера больше, чем кого бы то ни было, хотя ценил его не меньше других.

Никто не решился поддержать Майера. Только Фридрих Гобрицхоффер, выполнявший роль телохранителя Рихарда, в угоду шефу иронически заметил:

— Майер прав. Это не «шнапс», а мечта! От одного аромата выворачивает наизнанку!..

— В этом-то вся прелесть! — щелкнув пальцами, игриво ответил Майер. — В наших условиях — чудесная находка!

— Для краснодеревца!.. Заменит любую политуру, — усмехнулся Отто Вильке.

— Как бы там ни было, — добродушно парировал Майер, — мозги прочищает по всем правилам!

— Конечно, — оживился Рихард, — кто в чем нуждается, тот того и ищет! Но... есть и другой способ «прочищать мозги»! Прошу не забывать этого...

Майер, конечно, понял, какой «способ» имеет в виду Рихард, но не обиделся. Вообще ему не свойственно было обижаться и сердиться. Девизом этого человека атлетического сложения и огромного роста было: «спокойствие и уравновешенность». Он хотел было сказать что-то примиряющее о пользе обоих способов чистки мозгов, как вдруг с поста послышался условный сигнал тревоги. Мгновенно все кинулись к оружию. Прибежавший к посту Ильин далеко впереди на узкой просеке увидел трех всадников. Взглянув на них в би-

нокль, он сразу узнал двух молодых парней, ночью провожавших его и Серебрякова в партизанский штаб. Третий, в матросском бушлате и ухарски сдвинутой на затылок ушанке, был ему незнаком.

Ильин быстро пошел навстречу всадникам, чтобы остановить и под каким-нибудь благовидным предлогом не допустить в расположение десантников. Но, увидев Ильина, партизаны поскакали ему навстречу. Особенно в восторге был парень в бушлате. Спешившись на ходу, он бросился обнимать Ильина.

— Эх, мать честная, услышал, москвичи прибыли! Как же, думаю, не повидать земляков? А?! Не услышать живого слова, как там наши-то живут?.. Вот уговорил хлопцев вас разыскать, место примерно знали... Так и помчались сюда...

Ильин всячески старался отвлечь гостей от шалаша, но попытки его были тщетны... Пока он обнимался с парнем в бушлате, двое других заметили людей и устремились к ним. Навстречу бежал Серебряков. Он тоже пытался задержать партизан, но те, ничего не подозревая, приветливо махали руками остальным десанникам, которые все еще стояли с оружием наготове. Увидев Серебрякова, парень в бушлате кинулся к нему, но, заметив в петлице врача «шпалу», словно опомнившись, сделал шаг назад, энергично поправил совсем съехавшую на затылок ушанку и, придав лицу серьезное выражение, четко отрапортовал:

— Товарищ капитан! Докладывает рядовой Черноморского флота Иван Катышков! В октябре прошлого года попал в окружение под Одессой. Всю зиму пробыл к фронту, но... тут застрял... Теперь подрывник партизанского отряда «За правое дело». Родом сам из Москвы, столицы нашей Родины!

Пока Серебряков поневоле принимал «рапорт» у сиявшего от радости Катышкова, высокий партизан в казачьей фуражке с пышным золотистым чубом уже сердечно жал руки остальным десанникам. Теперь Ильин старался хотя бы «дирижировать» встречей...

Но вот восторженный Катышков устремился к шалашу. Увидев Рихарда в белоснежной сорочке, элегантных подтяжках и с автоматом в руке, он кинулся к нему.

— Папаша, привет! Партизанить, земляк, будем? А?!
Фрицев душить!

Оказавшись в объятиях Катышкова, Рихард неловко жестикулировал, издавал какие-то невнятные звуки, улыбался, всячески стараясь выразить партизану свое благорасположение.

— Ого, папаша!..— продолжал Катышков тоном бывалого воина.— Это «хозяйство» тут придется малость того... сбросить!— И парень по-приятельски слегка хлопнул Рихарда по животу.— Небось, в рестфранчике или в пивном шалмане директором был?

Рихарда Краммера с его приверженностью к строжайшему соблюдению субординации этот жест обескуражил. Он стоял с растерянным видом, то и дело повторяя:

— Корошо! Корошо!

А Катышков, завидев высокого Майера, бросился к нему.

— У-у, мать честная, вот так каланча, будь здоров!.. Этот прямо с земли рукой будет срывать телеграфные провода!.. — И Катышков потряс руку «земляка», которому едва достигал до груди. Обычно флегматичный Майер был глубоко тронут сердечностью партизана. Он улыбался, одобрительно кивал головой и взволнованно приговаривал:

— Гут, гут, гу-ут!

— Видали?— обратился Катышков к друзьям.— Без году неделя в партизанах, а уж хвастает, что выучился калякать по-немецки: «гут», «фарштейн», «капут»?.. Эге, браток, и мы не лыком шиты... В Москве-то где живешь? Может быть, нашенский, с Марьиной Роши? Во район! — и он энергично вытянул руку с оттопыренным большим пальцем.— А что, нет?

Майер, не поняв ни слова, продолжал улыбаться и одобрительно кивать головой. Ильин же и Серебряков, стараясь отвлечь внимание неожиданных гостей, стали угощать их немецкими сигаретами. Все еще не замечая поведения «москвичей», партизаны охотно брали сигареты и удивлялись, что они так быстро раздобыли трофеи. А тут еще партизан в казачьей фуражке заметил висевшие в шалаше немецкие френчи с крестами и погонами. Выполняя приказ Краммера готовиться к отправке на задание, Майер успел уже от-

утюжить френчи и развесить их на самодельных вешалках-палочках.

— Тю-у, Ванька! — окликнул партизан Катышкова. — Поди погляди, фрицев-то сколько они уже нарубали!

Катышков подбежал к шалашу, заглянул внутрь, но вдруг замер, вобрав голову в плечи, и тихо, но решительно произнес:

— Полундра! Оружие наготове... сниматься с якоря... Ясно?

— Чего, чего? — тревожным шепотом спросил чубатый.

— Влипли, говорю... Не видишь, что ли?

Теперь уже сами партизаны, стараясь не выдать возникших подозрений, старались скорее выбраться из «ловушки». Катышков взглянул на часы и деловито сказал:

— Загостились мы, братцы! Опаздываем...

— Верно, верно... Пора отчаливать, — заторопился и партизан с золотистым чубом.

Ильин и Серебряков, всячески стараясь, чтобы партизаны не почувствовали себя нежеланными гостями, наперебой уговаривали их повременить с отъездом, но гости, раскланиваясь и птясь от людей, которых по какому-то наваждению приняли за москвичей, едва добравшись до своих коней, с места рванули галопом, на ходу вскакивая в самодельные седла.

Десантники не поняли истинной причины столь поспешного отъезда гостей, но Ильин и Серебряков догадывались и это их беспокоило. Надо было что-то предпринять, чтобы предупредить распространение слухов о необычном составе группы.

В шалаше возобновилась работа. Майер гладил свою шинель с погонами гауптмана. Сменившийся с поста Фриц Вильке чистил оружие, а Фридрих убирал в рюкзак пачки сигарет, которые приготовил для партизан...

— Каковы гости? — спросил Отто, обращаясь ко всем сразу.

— Симпатичные ребята! — добродушно ответил Майер.

— Не зря говорят, что у русских душа нараспашку! — заметил Фридрих.

— Душевный народ! — вставил Фриц, обычно молчавший, когда разговор вели старшие.

— И как это печально, что наши соотечественники принесли им столько горя, — задумчиво произнес Отто.

Наступила пауза. Лица собеседников помрачнели, никто не смотрел в глаза друг другу. И только Майер почему-то продолжал сдержанно улыбаться. Желая отвлечь товарищей от грустных мыслей, он шепотом сказал, предварительно бросив настороженный взгляд на выход:

— А вы видели, какое лицо было у товарища Рихарда, когда партизан хлопнул его по животу? Я думал, друзья, не выдержу, лопну от смеха! Наш шеф так вытаращил глаза, словно на него свалился потолок! — И Майер попытался изобразить Рихарда, но не выдержал, добродушно рассмеялся. Засмеялись и остальные. В этот момент в шалаш своей размеренной походкой вошел Рихард.

Моментально каждый углубился в свое занятие, воцарилась полнейшая тишина, будто разговоров и смеха не было и в помине.

Рихард неторопливо щелкнул зажигалкой, зажег бумажку и стал раскуривать трубку. Выпустив несколько густых клубов дыма и не отрывая глаз от трубки, он, наконец, нарушил тягостное молчание.

— Что ж вы не смеетесь? Ведь смешно как будто?

Все поняли, что Рихард слышал разговор, но никто не решался проронить хотя бы слово в ответ. Обведя всех холодным взглядом и несколько раз затянувшись так, что трубка заклокотала, Рихард саркастически добавил:

— А-а! Это я, видимо, помешал?!.. Что ж, извините...

Чувствуя себя виновником щекотливой ситуации, Майер отважился:

— Прошу прощения, но... мы просто так... Русские парни — веселыэ...

— А кто говорит, что они грустные? — прервал его Рихард. — Но имейте в виду, от такого «веселья» всем нам может стать тошно! Расползется слух, что из Москвы прибыли десантники-немцы, да еще в нацистской форме, станет этот слух достоянием наших «братьев» из гестапо, вот тогда будет по-настоящему весе-

ло! Это, надеюсь, вы понимаете? Или думаете, что сюда нас послали отсиживаться в лесу и получать от партизан шпек и шнапс?!

Десантники уже стояли навытяжку и молча смотрели Рихарду в глаза. Не сказав больше ни слова, он вышел из шалаша, заложив руки в карманы и усиленно дымя трубкой.

— Прав,— вздохнув, проговорил Отто.

— Кто отрицает? — отозвался Майер, словно хотел оправдаться.

Рихард прогуливался с Ильиным в стороне от шалаша. У Алексея возник план действий. Он его изложил Рихарду.

— Завтра рано утром надо переменить место, а я и врач вновь отправимся к партизанам. Уладим, товарищ Рихард. Не беспокойтесь...

* * *

Солнце заходило, бросая оранжевые отблески на макушки могучих деревьев, когда на взмыленных конях примчались в отряд Катышков и его друзья. Вспотевшие, с взволнованными лицами, вбежали они в штабную землянку.

— Командир тут? — едва переводя дыхание, спросил Катышков Скоршнина. Глянув свысока на запарившихся партизан, он лениво и сухо ответил:

— Нет его. А что надо?

— Шо, в лагере нету или в штабе? — переспросил белобрысый парень в казачьей фуражке.

— Ушел с бойцами на задание,— нехотя добавил Скоршнин и нетерпеливо переспросил: — А что случилось?

Партизаны разочарованно переглянулись.

— Ладно. Нет так нет,— сказал Катышков, подходя к столу, за которым сидел Скоршнин.— Так, значит, кого вы, товарищ начальник штаба, тут утром принимали?

— Как кого? — недоумевал Скоршнин.— Ты про десантников, что ли?

Катышков зло усмехнулся. Сняв ушанку, он вытер изнанкой вспотевшее лицо и шею:

— Жорка! Вася! Слыхали? Начальник штаба говорит «десантников»! Умора!..

Катышков, как, впрочем, и многие в отряде, недолюбливал начальника штаба. Не нравилось ему, что Скоршинин вечно важничает, всех поучает своим птичьим голосом. И разговаривает с людьми так, будто все они олухи царя небесного и только он один умник. Теперь он не мог отказать себе в удовольствии продемонстрировать Скоршину свое возмущение за допущенный им промах.

Скоршину не нравился тон, которым партизан позволял себе разговаривать с ним, но, все еще не понимая, из-за чего парни всполошились, сдержался.

— Ты толком говорить можешь или нет?

— Хе, слыхали? Толком!..

— Я повторяю: это не пивная, а штаб партизанского отряда! Говорите толково, в чем дело?

— Толково хотите? — с издевкой переспросил Катышков. — Пожалуйста! Говорите, десантников принимали, москвичей?! Маху дали, товарищ начальник штаба! Фашистов вы тут принимали... Вот кого!

— Что ты мелешь! — вытаращил глаза Скоршинин.

— Не мелю, а говорю, — настаивал Катышков. — Факт! Фашисты они самые что ни есть настоящие!

— Точно! — подхватил белобрысый.

— Френчи фашистские, а на них кресты и бляхи надраены, как на парад! И все-то у них на вешалочках, будто не в лесу они, а дома, в Берлине...

От волнения партизан замялся, но Катышков тотчас же его подзадорил:

— Говори, говори, Жора! Не бойся! Крой толково!

— Ну я ж говорю... И автоматы у них немецкие, у каждого вальтерок в новенькой кобуре, шинели отутюженные, все с погонями и свастикой на рукавах. да значки с черепами в петлицах... Ну, все, решительно все фашистское!

— А главное, все они — ни бум-бум по-русски... Во как! Только и твердят, как попки, «корошо» да «корошо»...

— Верно хлопцы говорят, товарищ начальник, верно... Насквозь фашисты! — поддержал и третий парень, зарекомендовавший себя в отряде человеком уравновешенным.

Скоршинин молчал, вид у него был растерянный, а Катышков торжествовал и, не щадя уязвленного самолюбия начштаба, назидательно продолжал:

— А те два типа, с которыми вы тут спозаранку выпивончик устроили,— шкуры предательские! Ловко они зубы вам заговорили!.. И нам хотели своей брехней да сигаретками мозги затуманить, но, шалишь, не на таковских напали!

— Верно, верно, товарищ начальник штаба. Гады они настоящие! Вот, гляньте, какими сигаретами одаривали,— подтвердил третий парень и поднес к лицу Скоршнина лежавшие на ладони сигаретки. Скоршинин сморщился, хотел было брезгливо отвернуться, но передумал и, наклонившись, стал разглядывать на сигаретах немецкие фирменные марки. А Катышков не унимался...

— Во, мать честная, видали?! Вот вам и «толком»,— с укором произнес он.— Хороши десантники, нечего сказать... Один там у них, должно быть, главный, старый фашистский черт, с трубкой, в белой рубашечке с подтяжечками да в лаковых бутылочкой сапогах... Живот у него во-о-о, буржуйский, втроем не обхватишь! Такого и морской канат не выдержит, не то что парашют!.. А начальство все думает «москвичи пожаловали!»... Пожаловали, как бы не так...

* * *

Раннее утро застало десантников за работой. Уже сняли парашют, свернули антенны, уложили остатки багажа. Чтобы не помять отутюженную одежду, надели ее на себя и уже были готовы тронуться в путь, когда с поста прибежал Ганс Хеслер и, едва переводя дыхание, сообщил, что по просеке движется колонна вооруженных людей. Кто они, эти люди — оккупанты или полицейские, — постовой не мог разглядеть. Да это и не имело значения. Принять бой — даже в случае самого благоприятного его исхода — означало выдать свое присутствие и тем самым надолго оттянуть, а то и вовсе сорвать выполнение возложенных на десантников задач. И девять одетых в немецкую форму человек, сгибаясь под тяжестью набитых до отказа рюк-

заков, поспешно двинулись в противоположную сторону.

Но не успели десантники сделать и сотни шагов, как заметили, что их догоняют и обходят с обеих сторон. Ничего не оставалось, как пробиваться с боем. Но что это? На шапках подступавших к ним людей десантники увидели красные партизанские ленточки. А по мере приближения наступавших Ильин и Серебряков узнали некоторых партизан, радушно принимавших их вчера в своем лагере. Наконец исчезли всякие сомнения, Ильин и Серебряков поднялись во весь рост и закричали:

— Слушайте, товарищи, это мы... свои!..

Однако их слова не возымели никакого действия. Наступающие продолжали молча перебегать, прячась за стволами деревьев и все плотнее окружая группу. Наконец раздался повелительный окрик:

— Хенде хох!

Ильин взглянул в ту сторону, откуда раздался голос, и увидел боязливо высывающегося из-за дерева Скоршнина.

— Бросай оружие к чертовой матери, не то как чесанем! — слышался голос Катышкова.

Ильин был уверен, что произошло какое-то недоразумение, что все выяснится и встанет на свое место и, чтобы избежать напрасных жертв, предложил товарищам бросить оружие. Парашютисты оказались в плену... у партизан! Скоршнин запретил партизанам вступать в какие-либо разговоры с пленными, а на вопрос Ильина — что все это означает, — коротко отрезал:

— Молчи, шкура!

Пленных десантников поместили в партизанской бане под усиленной охраной. Вскоре начались допросы. Собственно, допрашивали только русских, так как никто из партизан не владел немецким языком.

«Следствие» Скоршнин начал с Серебрякова. И когда конвойные выводили его из штабной землянки, Ильин увидел на лице врача синяки. В ходе допроса Ильин, не стесняясь в выражениях, предупредил Скоршнина, что он ответит за самоуправство и рукоприкладство. Это окончательно взбесило начальника штаба.

— Ах ты, сволочь! Угрожать вздумал? На... — он с размаху ударил Ильина по лицу и занес руку, чтобы ударить еще. Но один из охранявших Ильина партизан заслонил его собою. Разъяренный усач приказал партизану выйти из землянки, но все же стал сдержанней.

На настойчивую просьбу Ильина запросить Москву Скоршинин, размахивая маузером, разразился руганью:

— Сукин сын! Канючишь? Запутать хочешь? Сознавайся, гад, какое задание получили от гестапо?

Этот щупленький, страдавший болезненным самомнением, но недалекий человек обладал непомерной фантазией. Она порождалась тщательно скрываемым чувством страха. Во всей истории с десантниками ему мерещились какие-то дьявольские хитросплетения гестапо. Ему чудилось, будто гитлеровцы уже протянули свои щупальца к партизанскому отряду, к его штабу и лично к нему, Скоршину. Он вспомнил, что накануне во время обеда Ильин предложил командиру отряда, комиссару и начальнику штаба встретиться с десантниками где-либо поблизости от их расположения, но только не в партизанском лагере.

— Все ясно! Хотели взять живьем командование отряда? Так что ли? — твердил Скоршинин и размахивал маузером перед самым носом Ильина, которого охраняли дюжие партизаны, вооруженные автоматами, отобранными у десантников.

— Погоди! Ты у меня заговоришь! И не таких мы видывали! — с перекосившимся лицом цедил он сквозь зубы. — Да я и сам могу сказать тебе, кто ты такой, — и усач достал отобранные у десантников удостоверения, среди которых был документ Ильина (разумеется, на другую фамилию), но фотография не оставляла сомнений в том, что документ принадлежит ему. На документе отчетливо была тиснута печать Главного имперского управления безопасности. С яростью Скоршинин тыкал в нее пальцем и злобно приговаривал:

— Вот откуда ты приполз, гад! Вот...

Он дотошно перебирал все предметы экипировки десантников и каждый раз ядовито вопрошал:

— Немецкий шоколад — тоже из Москвы? А?

— И деньги гитлеровские в Москве раздобыли?!

— А пудру, одеколон для чего? Фашистов бить или кого подкупать?!

Попытки Ильина объяснить, что все эти вещи необходимы для выполнения задания командования, наталкивались на глухое и в создавшейся обстановке естественное недоверие:

— А чем докажете?

— Запросите Москву — и все станет ясно! — твердил Ильин.

— А может, Берлин запросить? Гиммлера?

Лишь на рассвете, когда уже сам Скоршинин изнемогал от усталости, допрос был прерван и конвойные доставили десантников в баню. Товарищи ждали их с нетерпением. Они ужаснулись, узнав, что их принимают за гитлеровцев, а русских считают предателями и почему-то слушать не хотят, когда им предлагают запросить Москву. Долго обсуждали десантники создавшееся положение, но так ничего и не придумали. Приходилось ждать возвращения в лагерь командира или комиссара отряда в надежде на то, что они сумеют разобраться.

Утром партизаны принесли пленникам ведро с варевом и сухари. И тут Рихарда вдруг осенило. Он предложил объявить в знак протеста голодовку.

— Это испытанный метод борьбы коммунистов, — сказал он. — Фашисты на такой акт не способны, и партизаны поймут это!

Но Скоршинин истолковал это по-своему.

— Хитрят, сукины сыны! Прикидываются бывалыми революционерами...

* * *

В Москве беспокоились. Рации десантников, словно по команде, прекратили выход в эфир. Что случилось? Неужели все погибли или угодили в лапы противника? Не может же быть, чтобы сразу испортились все рации... Ведь некоторые должны уже отправляться на задание. А путь к месту назначения — не короткий и не легкий!..

Опытнейшие радисты-слухачи рыскали по диапазо-

ну, слушали и вызывали рации десантников на основной и дополнительной волнах, но все было безрезультатно...

Между тем положение десантников усложнялось. Оккупанты предприняли карательную экспедицию в район, освобожденный партизанами. На заставах развернулись тяжелые бои. Кое-где партизанам пришлось потесниться. А остававшийся в лагере Скоршинин не преминул объяснить неожиданную активизацию оккупантов их стремлением вызволить пленников. Он совсем потерял самообладание, когда немецкий самолет сбросил бомбу в распоряжение партизанской кухни.

— Нащупали,— с тревожной уверенностью сказал он.— Теперь вот-вот налетит целая эскадрилья! Чего доброго, сбросят сюда еще один десант...

И Скоршинин приказал оставшимся с ним партизанам немедленно покинуть лагерь. Он метался по лагерю как угорелый, торопил и назойливо твердил всем:

— Осторожность — не трусость...

Этот принцип, сам по себе правильный, Скоршинин применял только для того, чтобы избежать опасности, но отнюдь не с целью нанести врагу наибольший урон.

Партизаны ушли в глубь леса, конвоируя истощенных голодовкой подавленных десантников. Только на четвертые сутки Скоршинин наконец убедился, что оккупанты и не пытаются выбрасывать десант на партизанский лагерь. К тому же высланные им связные, сообщали, что бои на заставах прекратились, каратели ушли восвояси. И снова Скоршинин суетливо поторапливал всех в обратный путь, но на этот раз предусмотрительно не вспоминая свой девиз.

Печальной вестью встретили партизан прибывшие в расположение лагеря раненые бойцы — убит командир отряда Афанасенко. Эта тяжелая для партизан утрата была вдвойне тяжелой для десантников. Рухнула их надежда на то, что командир отряда вернется и разберется. Теперь же до возвращения в лагерь комиссара за командира отряда оставался Скоршинин. Не было никакой надежды поколебать его уверенность в том, что десантники действовали по заданию гестапо. Никакие разумные доводы не могли сломить его упорства. А категорический отказ связаться по радио с

Москвой заставлял думать, что этот недалекий и вместе с тем самоуверенный и несдержанный человек способен собственной властью решить судьбу пленных.

Тревожно было на душе у десантников. А в Москве отчаялись окончательно. Теперь было ясно, что с десанниками что-то произошло. По-прежнему ни одна их рация не выходила на связь, хотя уже несколько дней мощнейший передатчик круглосуточно вызывал своих корреспондентов одновременно на основной и запасной волнах...

* * *

С вечера разразилась первая весенняя гроза. Она оказалась предвестницей неприятных событий. Прибыли связные и сообщили, что карательные войска дотла сожгли шесть деревень. Жители одной из них не успели бежать в лес, их согнали в деревянное здание школы и заживо сожгли. Среди сгоревших оказалось много родственников партизан. К утру партизаны привезли трупы своих родных, чтобы похоронить их в лесу. Были здесь и останки старушки-матери комиссара отряда Иванова, его жены и двух дочерей.

В лагере творилось невообразимое, когда к трупам стеклись родные и близкие. Сюда, по приказанию Скоршнина, под усиленным конвоем привели и пленников. Дескать, смотрите, изверги, смотрите и трепещите! Пощады не будет!

Скоршнин и не подозревал, что для этих людей нельзя было бы придумать более жестокую казнь, чем присутствие здесь не только в качестве соотечественников оккупантов, но и в роли матерых гестаповцев.

Десантники стояли с окаменевшими лицами. Они слышали гневный ропот партизан, понимали, какие чувства их бушуют, разделяли их горе и... молчали, молчали, опустив головы и не глядя людям в глаза.

Прощаясь с останками жен, детей, стариков-родителей, люди плакали навзрыд и разражались проклятьями и угрозами в адрес все еще стоявших поблизости и украдкой смахивавших слезы пленников.

Покойников похоронили, у могильных холмиков остались только те, кто вдруг лишился самых дорогих и любимых людей, а пленников все еще не уводи-

ли. «Смотрите, изверги, смотрите и трепещите! Пощады не будет!»

Совсем опустела лесная полянка, ставшая теперь кладбищем, когда Скоршинин подошел к старшему конвоя и приказал увести пленных.

— Всех вас, гадов, расстреляем за такие дела! Фарштейн? — сказал он, с ненавистью глядя на проходивших мимо десантников. — А вас, предателей Родины, повесим! — добавил он, пропуская Ильина и Серебрякова.

Десантники понимали, что теперь только комиссар мог повлиять на Скоршинина и предотвратить задуманную им расправу. Но как поведет себя комиссар, узнав о постигшем его и многих товарищей по борьбе жестоком горе? Найдет ли он в себе силы не поддаться естественной в таких обстоятельствах жажде мщения?

Всю ночь десантники не сомкнули глаз. На рассвете до них донесся шум необычного для этого времени суток оживления: скрип колес и топот лошадей сливались с голосами людей. Все происходящее в лагере и доступное наблюдению десантники невольно связывали с мыслями о том, что ждет их в ближайшие часы и, быть может, минуты. Наступившая вскоре тишина, как и неожиданно возникший шум, казалась зловещей.

Тревожно забилося сердце Алексея, когда утром открылась дверь бани и ему приказали выйти. Конвойные повели его не по той тропинке, по которой прежде водили на допрос к Скоршину, и Ильин решил, что ему уже не суждено вернуться к товарищам. Он шел не чувствуя ни рук, ни ног. «Погибнуть так глупо! От своих же!..» — твердил про себя Алексей. Он старался собраться с мыслями, что-то придумать, как-то убедить партизан, но мозг не подчинялся, мысли путались, обрывались...

Алексей не заметил, как его подвели к небольшой землянке. Когда он вошел и осмотрелся, к нему вернулись и ясность мысли и самообладание. На застланном плащ-палаткой топчане лежал человек с забинтованной грудью. Находившиеся здесь же врач отряда и Оксана, обращаясь к раненому, называли его комис-

* Понятно (нем.).

саром. В углу на табуретке лежала одежда комиссара, и на свисавшем рукаве выцветшей гимнастерки Ильин увидел эмблему ЧК. Волна безотчетной радости охватила его. Он верил, что этот человек сумеет распутать клубок подозрений, созданных воображением начальника штаба. Он понял, что нарушившие ночную тишину и встревожившие десантников звуки были вызваны возвращением в лагерь группы партизан. Вспомнилась и незнакомая ему тропинка, по которой всего несколько минут назад он шагал в состоянии полной обреченности. Теперь же она представлялась дорогой к жизни, борьбе и, быть может, к смерти, но к смерти достойной, оправданной. Алексей совсем забыл, что в глазах окружающих он все еще был предателем, изменником, и, встретив озабоченный и, как ему почудилось, укоризненный взгляд Оксаны, он смущенно отвернулся, будто и в самом деле был в чем-то непростительно виноват перед этими людьми.

Разговор комиссар начал с вопросов, на которые Ильин уже не раз отвечал за эти дни. Его раздражала необходимость опять и опять говорить о том, что, казалось бы, не подлежит сомнению, само собою разумеется. Но он всячески старался не выдать своего раздражения ни словом, ни тоном. Ранение у комиссара было тяжелое, он с трудом говорил, время от времени замолкал, закусив губу и плотно сомкнув веки. Испытывал ли он в эти секунды приступы острой физической боли или перед его глазами всплывали образы заживо сожженных дочурок, жены, старушки-матери,— этого Ильин, конечно, не знал, но он видел и понимал, что человек этот тяжко страдает и все же говорит с ним без предубеждения, тактично, стремится трезво взвесить все обстоятельства. И все-таки Ильин не смог сдержаться, когда речь зашла о том, как убедиться в правдивости слов десантников. С возмущением рассказывал Алексей комиссару об упорном и необъяснимом нежелании начальника штаба связаться по радио с Большой землей и получить необходимое подтверждение из Москвы.

— Ведь речь идет не только о судьбе девяти человек,— говорил Ильин,— но, что гораздо важнее, о выполнении очень серьезного боевого задания... Скоршинин просто не желает помочь нам. Да, да! Не желает!

Он вбил себе в голову, что поймал гестаповцев, угрозами и кулаками хочет заставить нас подтвердить его фантастические подозрения, оклеветать самих себя...

Комиссар внимательно, не прерывая, выслушал взволнованную речь Ильина и, когда Алексей замолчал, спокойно и доброжелательно сказал:

— Связаться с Большой землей, с Москвой... Это разумно. Но как? Москву мы только слушаем, есть у нас радиоприемник, а вот двусторонней связи нет, рации нет!..

Слова эти привели Алексея в замешательство. «Как же партизаны проверяют, кто мы такие? Опять тупик?». «И зачем, спрашивается, усатый карлик скрывал это от нас? Что же теперь делать?..»

Наступила пауза. Ее прервала Оксана.

— Рация есть... У них вот отобрали, да не одну, а несколько...

По изнуренному лицу комиссара пробежала легкая улыбка. На реплику Оксаны никто не ответил, но это замечание направило мысли Алексея в новое русло.

— А что если сделать так,— сказал он комиссару.— Я сообщу вам свои позывные для выхода в эфир на связь с Москвой, больше того, открою вам один из шифров и тогда под вашим контролем по одной из наших раций установлю связь с командованием и вы получите необходимое подтверждение...

— Ничего из этого не выйдет,— ответил комиссар после некоторого раздумья.— Ведь мы ничего не поймем. У нас никто не знает азбуку Морзе. Ты будешь стучать на ключе, ты же будешь записывать ответную шифровку, а мы все равно не будем иметь уверенности в том, что говорил ты с Москвой... А ведь это главное!

Комиссар по-своему был прав. Алексей понимал это, но не мог заглушить чувство обиды.

— Я, товарищ комиссар, предложив открыть вам шифр, пошел на крайнюю меру. Вы чекист и должны понимать, чем это грозит лично мне. Но я не вижу другого выхода. А вы тоже не доверяете. Что же остается делать? Сложить руки и окончательно сорвать выполнение задания Москвы?! Так, что ли? Ведь каждый день пребывания в вашей бане только на руку врагу!

Я уж не говорю о том, что ваш начштаба грозил нам расстрелом.

— Говоришь ты складно, но... — комиссар вдруг застонал и замолк. К нему тотчас же подошел врач. Проверив пульс, он шепотом приказал караульному увести Ильина, но раненый, не открывая глаз, подал знак, чтобы Алексея не уводили.

Спустя минуту он едва слышно сказал:

— Сам знаю... что надо разобраться... Но как?

И снова надолго замолчал. Глядя на него, Алексей думал: «Вот человек! Тяжело ранен, потерял всех своих родных, а думает о нас!»

— Ладно, — вдруг произнес комиссар, — попытаемся... Не подтверждай — в смоле кипятить будем! Сделаем так: дадим тебе рацию... Свяжешься со своим командованием, доложишь, что партизаны приняли вас за фашистов, грозят расстрелять... И пусть Москва скажет, кто вы. Но так, чтобы мы слышали это по нашему приемнику!.. — комиссар с трудом произносил эти короткие фразы.

— Пусть Москва передаст в сводке...

Опять наступила томительная пауза.

Ильин напряженно старался разгадать замысел комиссара. Ведь он не сказал самого главного — как может Москва в открытой передаче что-либо сказать о сугубо секретных делах? О какой сводке говорит комиссар? Совинформбюро?! Но не скажут же в ней, что в тыл врага сброшен десант... Тем более не скажут, из кого он состоит. Снова и снова Алексей пытался проследить ход мыслей комиссара и, доходя до слова «сводка», становился в тупик.

А комиссар молчал. Состояние его ухудшилось, и врач настоял на том, чтобы увести пленного.

Ильина отвели в баню. Рассказывая товарищам о беседе с комиссаром, Алексей неожиданно нашел разгадку его последних слов. Она состояла в том, чтобы включить в сводку Совинформбюро условную фразу или какие-то отдельные слова, цифры...

Ильин не успел сообщить подробностей, как его снова повели в землянку комиссара. Кроме врача и Оксаны теперь здесь был Скоршинин. Когда Ильина ввели, он насупился и отвернулся. По выражению лиц при-

существующих можно было догадаться, что до прихода Ильина разговор шел «на высоких тонах».

— Значит, договариваемся так,— начал комиссар, возвращаясь к прерванному разговору.— Даем тебе рацию, передашь своему командованию, в каком вы оказались положении, и сообщишь, что мы требуем подтверждения по открытому радиовещанию. Для этого пусть Москва включит в очередную сводку Совинформбюро, например, такую фразу: «Партизанский отряд «За правое дело» в боях с немецко-фашистскими захватчиками освободил 9 населенных пунктов, пустил под откос 6 воинских эшелонов...» Вот так. Текст радиogramмы показать мне до передачи... Все ясно?

— Ясно, товарищ комиссар! Можно выполнять? — вытянувшись в струнку и опустив руки по швам, бодро отчеканил Алексей.

— Выполняй... И скажи там своим, чтобы кончали голодовку... Делу она не поможет. Если правду о себе говорите, то силы беречь надо, а если брешете, то все равно не жить вам...

Уходя, Алексей впервые открыто и радостно взглянул на Оксану. Его привели в штабную землянку, усадили за стол, дали карандаш и бумагу. До связи с Москвой оставалось чуть больше двух часов, и Алексей не теряя времени, принялся за составление радиogramмы. Он писал, перечеркивал, исправлял, стремясь изложить все предельно ясно и коротко. После условной фразы Алексей написал: «Если эта фраза завтра не будет включена в сводку Совинформбюро и не будет передана по общему радиовещанию, всех нас расстреляют».

Радиogramму отнесли комиссару. В ожидании ответа от него Ильин по памяти повторял содержание, стараясь представить себе, какое впечатление она произведет в Москве, не возникнут ли сомнения, все ли будет ясно...

Скоршнин лично принес завизированную комиссаром радиogramму. Принес и одну из раций и динамо-машину с ручным приводом. Он неотступно следил за Ильиным, когда тот, стараясь сохранять спокойствие, стал шифровать. У радиста, как и у сапера, ошибка смерти подобна: достаточно спутать всего одну цифру, и в Москве могут не понять депешу...

По просьбе Алексея привели Альфреда Майера. Он установил антенну, натянул провода противовеса, опробовал работу динамомашин и задумчиво сидел в ожидании, когда Алексей подаст ему знак крутить.

Скрипнула дверь. В землянку вошел Иван Катышков. Он принес два котелка с каким-то ароматным варевом и большой свежий круглый хлеб. От запаха пищи у изголодавшихся Ильина и Майера закружилась голова. Ильин невольно вспомнил разумный совет комиссара прекратить голодовку. Но он еще не видел своих товарищей, не мог передать им слова комиссара, а решить это в одиночку или вдвоем с Майером было бы предательством. И Алексей решил ничего не говорить Альфреду и отказаться от пищи. Он гневно взглянул на Скоршнина, подозревая его в желании лишний раз поиздеваться над пленниками. Но на этот раз выражение лица Скоршнина не показалось Алексею враждебным. Скорее оно отражало растерянность и даже раскаяние. Тем не менее на предложение Скоршнина поест Алексей ~~с~~ нескрываемой неприязнью ответил отказом.

— Рубай, рубай! — обратился Катышков не столько к продолжавшему шифровать Ильину, сколько к судорожно глотавшему слюни Майеру. — Не отравишься. Жратва гут! Не какой-нибудь «эрзац» из опилок, а щи партизанские с мясом, будь здоров!..

Майер все понял. Бросив взгляд на Ильина, он решительно отодвинул котелки, обернулся к партизанам и внушительно сказал:

— Коммунист!.. Понималь? Ленин! Москвау!

Скоршнин от удивления разинул рот. Жалкий у него был вид, как у побитой собаки. Катышков многозначительно подмигнул ему:

— Во, мать честная, видали?!

И не спросив разрешения, сконфуженно унес котелки и хлеб.

Кончив шифровать, Ильин стал проверять рацию. Надев наушники, он включил приемник и начал прослушивать, есть ли помехи на волне, на которой будет работать Москва. Но что это? Он услышал позывные Москвы, хотя до установленного времени оставалось более получаса... Алексей насторожился. По мере того как он устранил помехи, все отчетливее звучала мор-

зянка: «СА-ноль, «СА-ноль».. Наконец позывной «СА» зазвучал так громко, что его услышал и Майер. Весь подавшись вперед, он вопросительно смотрел на Ильина. Они не знали, что обеспокоенная молчанием стольких раций десантников Москва уже несколько дней вызывала их круглосуточно.

— Москау? — прошептал Альфред.

— Москау! — ответил Алексей. — Крути! — кивнул он на динамку.

Завизжала динамка, на передатчике замигала контрольная лампочка. Несколько секунд Алексей отстукивал свой позывной, потом перешел на прием и тотчас же услышал позывной «СА-пять!» Москва слышала Алексея на «пятерку!» Началась передача шифрованной радиограммы. Никогда еще, работая на рации, Алексей не испытывал такого напряжения, как в этот раз. Когда, наконец, радиограмма была передана, он почувствовал себя вконец обессиленным, веки смыкались, голова неудержимо клонилась вниз. Непрерывно крутивший рукоятку динамики великан Альфред дышал, как загнанный конь, и вытирал обильно выступивший пот с лица, шеи, груди. Сказались бессонные ночи, голодовка.

Как во сне добрели они до своей землянки-бани. Впрошающим взглядом встретили их товарищи.

— Гут, гут! — все еще тяжело дыша и улыбаясь, сказал Альфред.

Собравшись с силами, Ильин воспроизвел по памяти содержание радиограммы.

— Остается терпеливо ждать, — заключил он и спохватился. — Да, вот еще что! Комиссар настаивает на прекращении голодовки...

Договорить ему не дали. Оказалось, что, когда Ильин и Майер были в штабной землянке, комиссар вызвал Серебрякова и через него повторно передал десанникам предложение кончать «забастовку». Не дожидаясь их решения, он приказал доставить пленникам хлеб и молоко. Но десантники не притронулись к пище. Они ждали Ильина и Майера, чтобы принять решение сообща. И теперь все молчали, так как первое слово должен был сказать, конечно, Рихард Краммер.

— Что ж, — начал он, — положение изменилось. Навивно было бы думать, что комиссар поверит нам на

слово. Однако он не впадает в крайности, что свойственно начштабу. Больше того, он нашел разумный выход из положения. Завтра, надеюсь, все станет на свое место... Предлагаю прекратить голодовку.

— И выпить за здоровье комиссара по стопке... «млека»! — подхватил Майер.

— Именно по стопке плюс сто граммов хлеба и ни капли больше! — серьезно сказал Серебряков. — Иначе, после стольких дней голодовки, не поручусь, что не наживете заворот кишок.

— В таком случае рекомендую избрать «виночерпием» и хлеборезом доктора Серебрякова, — заметил Отто Вильке.

Дрожащими руками Серебряков разлил молоко, нарезал кусочки хлеба. Дрожащими руками взяли десантники свои порции и медленно, стараясь продлить удовольствие, съели их.

— О-о! «Шпек» отличный! — улыбнулся Майер одними глазами, и все невольно вспомнили о блаженстве, с которым совсем недавно Рихард насыщался салом, присланным партизанами.

— А «шнапс» тебе все-таки не удалось допить! — парировал Рихард.

Пока ели и разговаривали, настроение у всех было приподнятое. Наступил вечер, и десантники благоразумно легли пораньше, чтобы отоспаться за все бессонные ночи, но никто не уснул. Множество тревожных вопросов возникало в мыслях каждого: «Нет ли ошибки в шифре?», «Как отнесется Москва?», «Успеют ли включить в сводку условную фразу?», «Надежный ли у партизан радиоприемник?..»

Незаметно подкралось утро. Все оживленнее становилось щебетание просыпавшихся птиц. Послышалось фырканье коней, получивших утреннюю порцию овса. Закипела работа на кухне: раздались удары колуна, донесся женский говор... Наконец послышались шаги множества людей, приближавшихся к бане, короткая команда «стой» и... на пороге появился Скоршинин с маузером в руке.

Под усиленной охраной десантников отвели в штабную землянку. Сюда же перенесли раненого комиссара. Он полулежал на нарах. Обросших людей в немецкой форме комиссар встретил жестом, приглашав-

шим садиться на скамью у столика, на котором стоял старенький радиоприемник с большим облезлым громкоговорителем. Наступила гнетущая тишина, словно в зале суда в ожидании вынесения приговора. В сущности так оно и было...

Сидевшие тут командиры подразделений старались не смотреть в глаза пленникам, будто чувствовали себя виновными в постигшей их участи, и только Скоршинин делал вид, что ничего достойного сожаления не произошло и, как всегда в таких случаях, был весьма деятельным: то шептал кому-то на ухо, то наказывал дежурившему у радиоприемника не прозевать Москву, то выбегал из землянки и проверял готовность выставленного им усиленного наряда для охраны штаба...

Минутная стрелка на помятом будильнике с паровозом на циферблате приблизилась к двенадцати... Зазвучали позывные московской радиостанции. Все заерзали, с трудом сдерживая волнение. Не выдержав, шумно вздохнул Серебряков. Он-то действительно был москвич! Но вот раздался перезвон курантов, последовали шесть ударов и полилась торжественная мелодия «Интернационала».

Рихард встал. Как по команде за ним встали все десантники. Поднялись и партизаны. И только комиссар Иванов продолжал лежать. Судорожно забежавшие на скулах желваки выдавали охватившее его волнение. Наконец раздался хорошо знакомый всем голос диктора:

— Говорит Москва! Говорит Москва! Радиостанция «Р. В. имени Коминтерна!..»

• Диктор начал читать сводку. Слушала ее вся страна Советов, весь мир!.. Но не было на всем свете людей, которые слушали бы ее с таким всепоглощающим вниманием, как собравшиеся здесь. Затаив дыхание, сидели десантники. А диктор рассказывал о событиях минувшего дня, переходил от одного фронта к другому, наконец заговорил о сбитых зенитной артиллерией фашистских самолетах, о показаниях пленных гитлеровцев... Сводка подходила к концу, но ничего похожего на условную фразу не было произнесено... По лицу Ильина, на которого все чаще тревожно поглядывали остальные десантники, катился градом пот. «Неужели ошибся при шифровке или работая на ключе?»—

с ужасом думал он. Скоршинин ерзал на сундуке, слегка барабанил короткими пальцами по деревянной колодке маузера. Он уже вновь возвращался в мир своих односторонних, превратных суждений и под конец сводки едва сдерживал рвущийся наружу торжествующий взглас: «А что я говорил?! Теперь ясно, кто прав?!»

Диктор замолчал. В репродукторе отчетливо слышалось шуршание бумаги. Как замороженные, немигающими глазами смотрели люди на репродуктор. «Неужели конец?..» И тут на этот молчаливый вопрос последовал ответ. Отчетливо, с особой выразительностью, диктор снова заговорил:

— Партизанский отряд «За правое дело» в боях с немецко-фашистскими захватчиками освободил девять населенных пунктов, пустил под откос шесть воинских...

Присутствовавшие в землянке не успели дослушать фразу, как комиссар восторженно вскрикнул:

— Эх, братцы родные! Вот оно... Москва! Москва ответила!..

Взрыв восторженных возгласов потряс землянку. Люди ликовали, обнимались, жали друг другу руки. Комиссар с каждым десантником обменялся крепким рукопожатием, а Алексея пригнул к себе и поцеловал. Один Скоршинин стоял в углу и натянуто улыбался. Спohватившись, он выбежал из землянки, чтобы срочно снять усиленную охрану, и не вернулся обратно.

Десантников отвели отдыхать, конечно, не в баню, а в лучшую землянку. Тотчас же специально для них затопили баню. Врач отряда вместе с Серебряковым выработали особый рацион питания на ближайшие дни, чтобы предупредить возникновение каких-либо осложнений после голодовки.

...Прошло всего несколько дней, и десантники вплотную приступили к выполнению возложенного на них задания. Партизаны помогали им, добывая сведения о расположении, численности и родах войск противника, о чинах и фамилиях офицеров вермахта, гестаповцев и эсэсовцев. На территории Советского Союза, оккупированной фашистами, десантникам предстояло начать свои действия. Выполнение же конечной и главной задачи должно было произойти в самой Германии. Чтобы

добраться туда целыми и невредимыми, мало было вырядиться в мундиры гитлеровцев и в совершенстве владеть немецким языком. Нужна была еще большая осведомленность, чтобы при вынужденных беседах с подлинными гитлеровцами не попасть впросак.

Как-то один из партизанских разведчиков, рассказывая об эсэсовских частях, сказал, что всеми эсэсовцами верховодит некий Витенберг.

— Витенберг? А может быть, Вихтенберг? — настоялся Отто Вильке.

Разведчик извлек из полевой сумки тетрадь и не без удивления подтвердил:

— Правильно... Вихтенберг. Я ошибся.

Отто попросил рассказать подробнее об этом эсэсовце. Положить конец кровавой деятельности этого палача давно уже входило в планы партизан, но добраться до него было трудно. Стало известно, что эсэсовец выезжает по воскресным дням в своем автомобиле на прогулку за город. Однако его машина ни на метр не сворачивает с шоссе, а до него от леса более четырнадцати километров. Обычная засада среди бела дня исключалась.

Персона Вихтенберга и его машина (по всем данным, это был вместительный «Майбах») привлекли внимание десантников. И тот и другая могли сослужить им хорошую службу в самом начале предстоящего пути, чреватого всякими неожиданностями. Взвесив все обстоятельства, они решили привести в исполнение намерение партизан — пресечь деятельность этого палача. Для этой цели десанникам понадобилась легковая автомашина. Партизаны добыли маленький, изношенный «Опель». В его капоте были две изрядной величины пробоины — следы партизанской бронебойки.

Воскресный день выдался пасмурный, но не дождливый, тихий. Можно было рассчитывать, что Вихтенберг не откажет себе в удовольствии совершить традиционную прогулку. И «оппелек» выехал на шоссе.

На заднем сиденье расположились Отто Вильке в форме полковника вермахта и «оберлейтенант» Алексей Ильин; за рулем — Фриц Вильке в форме шарфюрера СС, рядом с ним Фридрих Гобрицхоффер в форме оберштурмфюрера СС с черной повязкой на правом глазу. Фридрих больше чем кто-либо из десантников

своей внешностью походил на щеголеватого высокомерного эсэсовца.

«Оппелек» катил по пустынному шоссе. Движение в этот день было не столь интенсивным, как в будни. Отъезжать далеко от места, где они выехали с проселка на асфальт, не входило в расчеты десантников. И потому «оппелек» время от времени, когда ни впереди, ни сзади не было видно транспорта, разворачивался в обратную сторону и до минимума убавлял ход. Глядя со стороны, его можно было принять за патрульную машину. С изредка появлявшимися встречными грузовиками «оппелек» разъезжался на полной скорости, а следовавших в одном с ним направлении пропускал вперед.

Далеко позади показалась легковая автомашина. Фриц убавил ход, давая ей возможность догнать «оппелек». Но это был приземистый «Адлер», да и шел он не с того направления, откуда должен был с минуты на минуту появиться «Майбах». Но вот, наконец, далеко впереди показалась черная точка, которая быстро разрасталась в пятно и вскоре приняла очертания, не оставлявшие сомнения в том, что это и есть «Майбах». «Оппелек» рванулся навстречу. Когда расстояние между машинами сократилось до двухсот-трехсот метров, «оппелек» притормозил, из него поспешно выскочил Фридрих Гобрицхоффер и, пробежав несколько шагов навстречу черному лимузину, встал посреди шоссе, размахивая над головой обеими руками. «Майбах» затормозил и остановился поодаль. Фридрих подбежал к лимузину и чинно приветствовал развалившихся на заднем сиденье сухопарого, с изрезанной шрамами физиономией, штандартенфюрера СС и его соседа в штатском — толстяка с круглым свекольного цвета лицом. Наклонясь к приспущенному стеклу передней дверцы, за которой рядом с шофером сидел рослый адъютант штандартенфюрера — оберштурмфюрер СС, Фридрих извинился за беспокойство и взволнованно предупредил, что впереди, в километре отсюда, машина с его спутниками подверглась обстрелу.

Сухопарый эсэсовец с посеребренным черепом на черной фуражке пренебрежительно процедил:

— А вам не почудилось? Быть может, не выветрились винные пары?

— Прошу прощения, господин штандартенфюрер,— с достоинством ответил Фридрих,— можно, разумеется, усомниться в моей способности отличать звуки выстрелов от карканья ворон, но вы можете лично убедиться в том, что в капоте нашей машины есть пробойны!

Адъютант штандартенфюрера оглянулся на шефа, ожидая его распоряжения. Тот молча подал знак. Эсэсовец тотчас же вышел из «Майбаха» и направился к «Оппелю». Отдав честь сидевшему в машине полковнику, он бросил беглый взгляд на пробойны, сокрушенно покачал головой и вернулся к своей машине. Вслед за ним из «Оппеля» вышел Отто Вильке. В белых перчатках, с моноклем в глазу, важно и спокойно он направился к лимузину. За ним в качестве адъютанта следовал Ильин, которому на время проведения этой операции было дано имя Альфреда Майера. Они подошли к лимузину, когда эсэсовец уже доложил своему шефу о пробойнах в капоте «Оппеля». Штандартенфюрер взглянул на подошедшего полковника, и на лице его отразилось крайнее изумление. Он приоткрыл дверку, чуть подался вперед и, не отводя глаза от полковника, высокомерным тоном спросил:

— Фон Вильке?

Отто неторопливо поправил монокль и сухо ответил:

— Совершенно точно, герр Вихтенберг. Как видите, у нас обоих недурная память.

— Да, но... вы, насколько мне известно, были в Испании?! С так называемыми республиканцами?! Затем вообще исчезли... Или я что-то путаю?

— Нет, вы не путаете. Именно в связи с предстоящей поездкой в Испанию вы имели удовольствие допрашивать меня на Бендлерштрассе 14. Но... с тех пор многое изменилось, герр Вихтенберг...

— Да, я вижу... Вы снова в составе вермахта?

— Это долго рассказывать да и некстати. Надеюсь, у нас будет время поговорить. А сейчас попрошу всех вас проявить благоразумие и... поднять руки. Вы арестованы.

В одно мгновение Фридрих выхватил из кобуры пистолет и направил его на шофера, а Ильин навел автомат на адъютанта эсэсовца. Одновременно из «Оппеля» выскочил Фриц. И только Отто Вильке по-преж-

нему стоял неподвижно, опустив руки в белых перчатках.

Не сразу гитлеровцы поверили, что вся эта сцена не шутка. Полковник говорил так спокойно, невозмутимо... «Нет, нет! Конечно, это шутка, неумная шутка!..» — эта мысль сквозила в промелькнувшей на лице Вихтенберга снисходительной улыбке. И тут впервые десантники увидели, как внезапно преобразился Отто Вильке. Он помрачнел, сжал кулаки и резким, повелительным голосом скомандовал:

— Руки вверх!

Руки гитлеровцев дернулись кверху, но стоявший у открытой передней дверцы машины адъютант поднимал их медленно и вдруг рванулся к открытой дверце, схватил лежавший на сиденье автомат... В ту же секунду короткой очередью из автомата Фриц свалил его.

Вскоре тяжелый «Майбах» и подпрыгивающий на ухабах «оппелек» пылили уже по проселочной дороге и через полчаса углубились в лес. За рулем «Майбаха» сидел Фриц Вильке, рядом с ним Фридрих Гобрицхоффер. Он снял повязку с глаза и навел автомат на заднее сиденье, где, прижатые друг к другу, с закинутыми на затылок руками, сидели трясущийся от страха круглолицый штатский, прыщеватый шофер и побледневший штандартенфюрер СС. В ногах у них лежал труп адъютанта.

Пленных доставили в распоряжение десантников, которые теперь обосновались рядом с партизанским лагерем. Сразу сюда пришел комиссар отряда Иванов. Он уже ходил по лагерю, но грудь еще была перебинтована. Здороваясь с Отто Вильке, комиссар пошутил:

— Это тоже десантники? Из Москвы?

Отто понял намек и со свойственной ему едва заметной усмешкой отрицательно покачал головой:

— На этот раз — нет... Это из Берлина! Наци!..

Стоявший рядом с трубкой в зубах Рихард взял комиссара под руку и, обращаясь к Серебрякову, сказал:

— Прошу, доктор, переведите товарищу комиссару, что эти, — указал он на пленных, — не способны объявить голодовку протеста!.. Нет!.. Разные бывают немцы. Да, да...

Подошел Ильин. Он уже успел переодеться. Увидев

красную лычку на его фуражке, штандартенфюрер безнадёжно пробормотал:

— Партэзан?

Тотчас же спохватившись, он крикнул, напыжился и презрительно покосился на толстяка в штатском, совсем раскисшего и не перестававшего шептать трясущимися губами: «О-о майн гот, майн гот!»

Пленных увели. В кругу партизан, обступивших десантников, Отто Вильке показывал отобранный у штандартенфюрера «вальтер». Серебряков перевел надпись, выгравированную на кожухе пистолета: «Тигру Вихтенбергу за Францию и Скандинавию. Г. Гиммлер, рейхсфюрер СС. Берлин, 1941».

Заметив, как жадно Катышков разглядывает пистолет, его постоянный спутник белобрысый Жора в казачьей фуражке подзадорил:

— Вот бы, Ваня, тебе такой, порядочек был бы!..

Катышков причмокнул, почесал затылок и решительно шагнул вперед.

— Товарищ Отто! Может, махнем? Даю два, понимаете, цвай парабеллум и в придачу три... нет, четыре штуки трофейных часов! Идет?

Под дружный смех окружающих Катышков полез в карман и достал целую горсть часов. Серебряков перевел ответ Отто:

— Охотно, дорогой друг, отдал бы тебе его и так, но... с этой надписью он еще может нам пригодиться...

Разочарование Катышкова было недолгим. Многозначительный намек на предстоящие десанникам дела разжег его воображение. Ему уже рисовались картины, как Отто Вильке выдает себя за «тигра Вихтенберга» и захватывает в плен Гиммлера, Гитлера и всю их бандитскую шайку.

— Товарищ Отто, молчу... Все ясно! — таинственно и восхищенно заключил Катышков.

Ему давно уже хотелось оправдаться перед десанниками за доставленные им тревобления. И вот сейчас такая возможность представилась.

— А вам, товарищ, — обратился он к Рихарду, — передряга эта, будь она неладна, на пользу пошла! Живот-то, гляжу, малость поубавился!.. Эх, мать честная! Чуть было не натворил бед... И кто всех взбаламутил?

Я-то что — рядовой! А вот некоторые начальники не скумекали что к чему...

Выслушав перевод, Рихард покровительственно хлопал Катышкова по плечу и попросил Серебрякова передать ему, что «мы — свои люди. Важно другое — чтобы гестаповцы не пронюхали о нас...» Рихарда это беспокоило, и он не упускал случая напомнить молодым партизанам, чтобы они, как говорят, держали язык за зубами.

В тот же вечер из Москвы была получена ответная радиограмма, в которой командованию партизанского отряда предлагалось подготовить посадочную площадку для приема самолета. Штадартенфюрера и его спутников — шофера и инженера по деревообработке, прибывшего на оккупированную территорию «изучать» лесные запасы России, предстояло отправить в Москву.

Начались поиски подходящего места для посадки самолета. Найти его было не просто: повсюду в населенных пунктах противник держал гарнизоны, а вдали от них, в зоне, где партизаны могли бы спокойно принять самолет, лесные поляны были малы да и почва либо болотистая, либо песчаная. Наконец решили подготовить посадочную площадку на поле, недалеко от села, дотла сожженного оккупантами. Оно было достаточно ровное и удалено от гарнизонов противника.

Все было готово к приему самолета, но как назло наступила нелетная погода, шли дожди, почва разбухла. В довершение всего занемог Вихтенберг. Оказалось, что он страдает диабетом, нуждается в строго определенной диете и ежедневной инъекции инсулина. Оповещенная об этом Москва требовала оказать пленному квалифицированную медицинскую помощь. Но если проблему соблюдения диеты Серебряков и врач отряда кое-как разрешили, то инсулина в их распоряжении не было. Между тем состояние больного резко ухудшилось, появились признаки грозного осложнения, так называемой диабетической комы, могущей окончиться смертельным исходом. Надо было срочно раздобыть инсулин. На помощь пришли партизаны. Они достали этот препарат через своих связных в ближайшем крупном населенном пункте, где была больница и при ней аптека. Присмотр и уход за больным эсэсовцем возложили на Фрица Вильке. Теперь он проводил дни и ночи

у постели больного, безропотно выполнял самые прозаические обязанности санитара и при этом тщательно скрывал от больного чувство непримиримой враждебности, которое, естественно, питал к этому человеку-палачу.

Тем временем группа десантников из четырех человек закончила подготовку к отъезду в Германию. Ее возглавлял Рихард Краммер. С ним уезжали Фридрих Гобрицхоффер, Альфред Майер и в качестве водителя «Майбаха» опытный шофер такси берлинец Ганс Хеслер. Старый номер машины Ганс снял и заменил новым, предусмотрительно заготовленным по немецкому образцу еще в Москве, и так отполировал машину, словно ей предстояло участвовать в параде. Партизаны и тут оказали десантникам бесценную помощь: они раздобыли восемь полных канистр бензина, бидон масла и вполне пригодные для «Майбаха» запасные камеры.

Прощание было сдержанным. Друзья похлопали друг друга по плечам и пожелали скорой встречи в Берлине... Перед рассветом «Майбах» тронулся в далекий путь. До магистрального шоссе его проводили верхом на конях Алексей Ильин и группа партизан. Они молча смотрели вслед удалявшейся на запад машине, пока ее огонек не утонул в туманном сумраке наступавшего весеннего утра.

Затянувшееся пребывание штандартенфюрера СС среди десантников Отто Вильке использовал для всестороннего ознакомления с жизнью страны, которую он вынужден был покинуть задолго до войны. Он часто навещал высокопоставленного эсэсовца и заводил разговоры о судьбе общих знакомых, особенно офицеров вермахта, об их положении в обществе. Попутно выяснялись, казалось бы, не имеющие значения подробности быта, нравов, служебной субординации правящих слоев современной Германии. Состояние здоровья эсэсовца уже не внушало опасений. Он совсем воспрянул духом и не переставал рассыпаться в благодарностях за человеческое к нему отношение. Особенно признателен он был Фрицу и даже как-то сказал Отто Вильке, что искренне завидует ему, отцу столь великодушного, воспитанного и мужественного сына.

— Признаюсь,— сказал он,— если бы все это произошло не лично со мной, никогда не поверил бы в воз-

возможность такого отношения коммунистов к своим непреклонным и по необходимости порою жестоким противникам...

Отто молчал. Не было у него желания вступать с отъявленным фашистом в никому не нужную полемику. А Вихтенберг расценил это молчание как признак сомнений фон Вильке в правильности избранного им пути. И Вихтенберг решился:

— И все же не могу понять, как это вы, потомственный офицер рейха, чистокровный немец из столь известного в стране рода, и вдруг эмигрировали в Россию!.. Более того, вы с партизанами!.. Непостижимо! Фон Вильке с большевиками, которых цивилизованный мир считает варварами XX века!..

Как в калейдоскопе, замелькали в памяти Отто картины разнузданного варварства, чинимого сворой коричневорубашечников на протяжении вот уже десяти лет. И вдруг перед его глазами с ужасающей отчетливостью возникла картина недавних похорон изуродованных огнем трупов детей, женщин, стариков. В ушах зазвучали причитания и плач, клятвы и проклятия партизан и партизанок, прощавшихся с останками родных и любимых, глухой ропот и угрожающие выкрики по адресу десантников. Он смотрел на голый пол землянки, а видел кусочек поляны с притоптанной травой, на которую, понунив голову, смотрел тогда, не в силах ни вздохнуть, ни шевельнуться. Он вновь, как и тогда, болезненно ощутил всю трагедию немецкого народа, ответственного перед человечеством за чудовищные преступления нацистских мракобесов.

С презрением и ненавистью взглянул он на Вихтенберга и впервые в разговоре с ним дал волю чувствам.

— А на каком, собственно, основании вы причисляете себя и вам подобных к цивилизованному миру? Не на том ли, что сжигаете младенцев и книги, насиуете женщин и истязаете пленных? Или потому, что душой и телом причастны к массовому истреблению славян и евреев?!. Конечно, не волчья шкура, а хорошо сшитый мундир облегал ваше холеное тело в момент, когда вы, Вихтенберг, отдали приказ сжечь запертых в школе детей и женщин! Нет! Не хорошо сшитый френч или смокинг, не белые перчатки и начищенные до блеска сапоги, не железные кресты и свастика делают челове-

ка цивилизованным! У вас, нацистов, нет главного, что присуще подлинно цивилизованным людям; вы лишены горячего человеческого сердца...

Это был последний разговор Вильке с эсэсовским бонзой. Между тем прошло еще несколько дней, прежде чем установилась летняя погода и Москва радировала о посылке самолета.

В тот же день под вечер десантники и две роты партизан построились в колонну и направились на подготовленную для приема самолета площадку.

Колонна двигалась по узкой лесной просеке. Впереди шли дозорные, за ними следовали три телеги с ездовыми: на первой сидел шофер-эсэсовец и конвоир, на второй — толстяк-инженер, также с конвоиром. На третьей — комиссар Иванов, Отто Вильке и Алексей Ильин. Следом шел штандартенфюрер СС и, как обычно, сопровождавший его Фриц Вильке с автоматом наперевес. А за ними, поскрипывая и тарахтя, двигались телеги с соломой для сигнальных костров. Колонну замыкали две роты партизан, предназначавшиеся для охраны посадочной площадки.

Местами просека сужалась, и сквозь густые кроны деревьев, черневшие над головами, нельзя было различить сгустившуюся синь вечернего небосвода. Штандартенфюрер шагал бодро. Он не раз говорил Фрицу, что всегда был страстным любителем пеших походов и теперь как бы демонстрировал свою выносливость. Но через некоторое время Фриц заметил, что эсэсовец на ходу достал платок и вытер лицо. Спустя несколько секунд он еще и еще раз проделал то же. Фриц предложил ему сесть на телегу, отдохнуть.

— О! Благодарю, юноша, я не устал и, кажется, готов был бы идти бесконечно. Но... гнетет назойливая мысль: к какой развязке неумолимо приближаюсь я с каждым шагом?.. Вы были столь внимательны, предложив отдохнуть, так уж не откажите в пустяке: разрешите прикурить сигарету.

— Прикуривайте...

Ухо партизан привыкло к перекличке кузнечиков, таившихся в придорожном густом кустарнике, к тарахтению телег. И вдруг в сплетение этих убаюкивающих звуков и тишины ворвалась короткая очередь из автомата. Колонна моментально остановилась.

— Кто стрелял? — тотчас же крикнул комиссар Иванов.

Сзади в колонне послышались голоса партизан:

— Кто стрелял?

— Кто стрелял?

Ильин соскочил с телеги и бросился к ротам, но уже через несколько шагов споткнулся о человека, лежавшего на земле.

— Скорей сюда! Быстрей!

Подбежавший партизан осветил лежавшего фонариком. Это был Фриц. Его глаза были полузакрыты и на лице застыла едва заметная улыбка. Отто Вильке приник к нему:

— Фриц! Фриц, что с тобой, мальчик мой?!

Но Фриц лежал неподвижно.

— Где штандартенфюрер? — спохватился Ильин.

— И автомата нет! — тревожно бросил Серебряков, расстегивая на Фрице френч и разрывая рубашку, взмокшую от крови.

Стало очевидно, что стрелял эсэсовец, что он бежал.

Моментально комиссар дал команду ротам прочесть лес по обоим сторонам просеки. Раздались команды ротных, и уже минуту спустя партизаны рассыпались в цепи. Быстро, насколько позволяла непроглядная тьма, углубились они в лес. Назад в лагерь помчался верховой. Поднятые им по тревоге партизаны выступили из лагеря, чтобы перекрыть дороги, ведущие из леса, выставить посты наблюдения в местах, где мог проскользнуть гитлеровский бандит. Печальная процессия тронулась в обратный путь. Отто шел, держа за телегу, на которой везли тело убитого. Его сопровождали доктор и несколько партизан.

В полдень Отто вернулся к месту гибели сына. За ним неотступно следовал Серебряков. На земле они нашли четыре стреляных гильзы, недокуренную и совсем целую, только чуть прижатую сигареты. Больше ничего.

Убитый горем Отто за все это время не произнес ни слова. Молча он долго смотрел на подобранные сигареты...

Почти целые сутки шли поиски, но безрезультатно. Эсэсовец как сквозь землю провалился. А самолет

так и не сел, летчики не обнаружили сигнальных костров.

Партизаны вернулись в лагерь, когда солнце уже опустилось за тянувшуюся по горизонту лесную гряду и выбрасывало из-за нее широкие огненные полосы. И чем больше оно уходило за горизонт, тем больше оранжевые тона переходили в багрово-красные.

На следующий день партизаны провожали в последний путь Фрица Вильке. В отряде не было человека, который не пришел бы проститься с молодым десантником. У могилы сына Отто впервые за это время заговорил, заговорил глухо, но твердо.

— Нацизм нанес мне еще один жестокий удар... Тяжело сознавать, что больше не увижу своего мальчика, с которым дружил как с равным, как с товарищем, которого так любил... Но мы, коммунисты, были бы недостойны носить звание членов партии, если бы не смогли выдержать даже такое испытание... Я перенесу эту тяжелую утрату, найду в себе силы сохранить ясность ума, способность бороться с фашизмом, карать нацистов за преступления, за горе, которое они принесли комиссару Иванову, вам — партизанам, мне — немцу, всему человечеству!..

Отто замолчал. Его душили спазмы. Когда раздался прощальный залп, он вскинул руку с крепко сжатым кулаком.

На исходе дня десантники нашли его уединившимся неподалеку от лагеря. Он не стал выслушивать слова утешения и, прервав товарищей, сказал:

— Плохо, друзья, складываются обстоятельства... беглец, несомненно, доберется или уже добрался до своих. Там он поднимет всех на ноги... Боюсь, мерзавец догадывается, что Рихард с товарищами куда-то исчез на «Майбахе»...

Отто Вильке уже заставил себя думать о судьбе товарищей, об угрозе срыва выполнения задания. Ильин ответил, что предусмотрел это и уже радировал в Москву.

— Но что может сделать Москва? Ведь на связь Майер выйдет не раньше чем через несколько недель, после прибытия в Берлин. Не просто найти и всесторонне подготовить две-три конспиративных квартиры, пригодных для такого дела. Тут спешить нельзя, а ге-

стапо, конечно, будет очень торопиться, — с огорчением заметил Вилли Фишер.

Он был прав. Оставалось надеяться на опыт подпольной работы Рихарда и его товарищей.

Вечером Ильин вышел на связь с Москвой и принял две радиogramмы: одну — с выражением соболезнования Отто Вильке, вторую — с указанием на возможные последствия побега штандартенфюрера и с предложением ускорить сбор всей группы на месте ее назначения.

Началась подготовка к отправке остальных десантников. Через несколько дней партизаны под командованием Иванова, ставшего к тому времени командиром отряда, ночью подорвали железнодорожный состав с гитлеровцами, отправлявшимися в отпуск. Едва затих грохот взрыва, десантники простились с партизанами. На этот раз Алексей не случайно, как при первом знакомстве, обнял Оксану и крепко поцеловал. Прощаясь с комиссаром, Отто Вильке сказал:

— До встречи в Берлине!

Тепло простились они и с доктором Серебряковым.

Воспользовавшись суматохой, возникшей после взрыва, Отто Вильке, Вилли Фишер и Алексей Ильин — все в форме офицеров вермахта — приблизились к насыпи и смешались с толпой суетившихся в испуге солдат и офицеров. Тотчас же Отто Вильке, нарочито громко и властно отдавая распоряжения оберлейтенантам Ильину, опять переименованному в Альфреда Майера, и Вилли Фишеру, организовал «самооборону на случай нападения партизан».

Только на рассвете к месту крушения подошел ремонтный поезд и следом за ним порожняк. Началась погрузка, у вагонов образовалась давка. И опять Отто взял инициативу в свои руки. Он приказал всем встать в строй, затем, указав вагоны для раненых, заставил прежде всего погрузить их, «господам офицерам» предложил размещаться в классном вагоне в центре состава и, наконец, пересчитав оставшихся, разделил их на равные группы по числу свободных вагонов. Назначив старших в каждой группе, полковник Вильке приказал им в строю развести своих солдат по вагонам.

Утро следующего дня застало трех «офицеров вермахта» в купе вагона второго класса пассажирского поезда уже на земле «фатерланда». Поезд стоял на небольшой станции еще с ночи. Оказалось, что «какие-то злоумышленники» вывели из строя водонапорную башню. По платформе шныряли гестаповцы. Десантники многозначительно переглянулись. «Значит, и здесь люди не дремлют!»

К соседнему пути подошел встречный состав, груженный танками, выкрашенными в светло-коричневый цвет. Отто вскользя заметил, что танки, видимо, предназначались для армии Роммеля, сражавшейся на севере Африки, но теперь их завернули на восточный фронт, не успев даже перекрасить.

— Должно быть, наши поприжали...— заметил Алексей и осекся. В купе проснулся газетчик со свисавшим пустым рукавом. Купив газету, Отто сел у припущенного окна, через которое доносилась воинственная песня подвыпивших танкистов:

Убьют ли на Волге,
Помру ли на Висле —
Душу свою не продам,
Как рыцарь ее я отдам!

Ильин и Фишер приготовились слушать Отто, но он, будто замороженный, замер с газетой в руках. На первой полосе была помещена фотография Гитлера в наполеоновской позе с руками, сложенными на груди, рядом с бежавшим штандартенфюрером СС Вихтенбергом, удостоенным за это железного креста с дубовыми листьями...

Только теперь стали ясны обстоятельства гибели Фрица. В статье под фотографией после напыщенного описания заслуг «тигра Вихтенберга» перед рейхом и фюрером автор, не жалея красок, повествовал о том, как этот «тигр» оказался в плену у «большевистских партизан» и как бежал из плена. При этом предостережительно умалчивалось о том, что некоторые «большевистские партизаны» были чистокровными арийцами. Стройный, атлетического сложения Фриц Вильке превратился в «здоровенного увальня». Излагая рассказ героя повествования, автор статейки писал: «На

ходу конвоир курил, и я рискнул попросить разрешения прикурить. Достал сигарету, замедлил шаг и, обернувшись к конвоиру, знаками дал ему понять, о чем прошу. Как это ни странно, увалень быстро понял меня и, со свойственной русским бесшабашной доверчивостью приблизившись вплотную, протянул горящую сигарету. В одно мгновение я сорвал с его плеча автомат, к счастью, немецкий, что давно заметил, молниеносным рывком вывернул его, в упор дал короткую очередь и... как гончая бросился в кусты, в непроглядную тьму леса...»

«Об одном сожалеет наш герой,— писал в заключение автор.— У красных бандитов остался подаренный ему рейхсфюрером СС пистолет, которого он был удостоен за подвиги, совершенные во славу германской империи на землях Франции и Скандинавии».

Пока Алексей и Вилли читали эту статейку, Отто неотрывно смотрел в одну точку. Перед его не видящими окружающее глазами промелькнуло все, что произошло тогда на лесной дороге. Он видел мгновенную растерянность на лице сына в момент, когда эсэсовец сорвал с его плеча автомат, угасающие глаза, когда пули вонзились в его сердце. Он слышал его последний слабый вздох и тупой звук безжизненно упавшего тела...

Отто вздрогнул. Видение исчезло. Глубоко вздохнув, он промолвил:

— В одном прав этот негодяй: мой мальчик действительно был доверчив и... порою безрассудно смел... Что ж, герр Вихтенберг! Не теряю надежды на встречу и тогда... доставлю вам удовольствие — верну подаренный пистолет...

Вильке инстинктивно дотронулся до кобуры, в которой находилось трофейное оружие, словно хотел убедиться, на месте ли оно, и отвернулся к окну: мимо мелькали деревья, кустарники, вдали виднелись остроконечные башни какого-то старинного замка.

* * *

Лето было в разгаре, однако все вокруг выглядело по осеннему: частые монотонные дожди, сырость и внезапно налетающие ветры наводили грусть. Вести с

Восточного фронта тоже были неутешительны, хотя войска вермахта подходили к берегам Волги, миновав Армавир, Майкоп, подступали к предгорьям Кавказа, и рейхсминистр пропаганды Геббельс с редким усердием хрипел в микрофон: «Москва — столица, Кавказ — не граница!» «Блицкриг» не удался.

Война приобрела еще более затяжной характер. На полях России гибли десятки тысяч немцев. Поток траурных оповещений рос с каждым днем. «Фатерланд» был окутан черным саваном гибельной, бесперспективной войны. Еще густая пелена лжепатриотического воинственного угара, охватившая массы под влиянием нацистской демагогии и триумфального шествия гитлеровских дивизий по Европе, медленно, но неуклонно рассеивалась. Все чаще и чаще появлялись листовки и газеты, печатавшиеся невидимой рукой бесстрашных патриотов. И все больше немцев уже начинали задавать себе вопрос, повторяя слова одной из листовок: «Немецкий народ! Долго ли ты будешь терпеть?»

Весь сыскной и карательный аппарат фашистского государства был доставлен на ноги, но сюрпризы следовали один за другим. В Берлине гестаповцы засекли появление газеты «Фриденскемпфер», в Вуппертале в руки полиции СА попал очередной номер «Рур-эхо», в эсэсовских частях распространялся листок «Штурмовик-патриот», в Дюссельдорфе на рекламной тумбе около ратуши обнаружена листовка, в которой говорилось:

«Мы, коммунисты, протягиваем руку всем честным немцам, борющимся за мир. Мы протягиваем руку всем тем, кто старается работать медленнее или отказывается от сверхурочной работы, тем, кто совершает хотя бы незначительные, самые мелкие акты саботажа и, дезорганизуя работу в промышленности и на транспорте, помогает тем самым скорее покончить с войной...»

На мобилизационных пунктах, в госпиталях стали появляться листки-бюллетени с призывом «Солдаты! За что вы сражаетесь?» На верфях крупнейшего предприятия «Бонн унд Рихтер» в Маннгейме рабочие передавали из рук в руки экземпляры местной подпольной газеты «Форботе», в которой жирным шрифтом было напечатано: «Чтобы положить конец войне, необходи-

мо свергнуть Гитлера!..» И все это было делом рук коммунистов-подпольщиков. Об этом знало гестапо точно так же, как знало оно от Вихтенберга, что четыре немецких патриота, уехавшие из партизанского лагеря на его «Майбахе», должны находиться где-то в сердце рейха. Сыщики полиции СД, ищейки гестапо, агенты «крипо», «зипо» и их осведомители «арбайтсleiterы», рядовые и высокопоставленные нацисты сбились с ног, разыскивая Рихарда Краммера и его товарищей. Эсэсовец Вихтенберг, получивший теперь новую должность в Берлине, выходил из себя: «Четверку подпольщиков достать хоть из-под земли!»

В свою очередь Рихард и его друзья уже знали о побеге Вихтенберга. Регулярная связь с Москвой была установлена. Со дня на день ждали они остальных товарищей, но группы Отто Вильке все еще не было в Берлине.

Работы было уйма. Несмотря на исключительные трудности и опасность, постепенно укреплялись контакты на специализированных предприятиях, заводах, в военных учреждениях, восстанавливались и некоторые связи с бывшими функционерами*, прерванные Рихардом много лет назад.

Рихард тяжело поднимался по ступенькам на четвертый этаж. Условный звонок, и на пороге появилась немолодая женщина. Здесь уже был Майер. Вскоре пришел и Фридрих Гобрицхоффер, по-прежнему в форме СС. Он шел следом за Рихардом и, дойдя до парадного, оглянулся, чтобы убедиться, нет ли за ними «хвоста».

— Отто все еще не появился... Остальное в порядке,— ответил Рихард на вопрошающий взгляд Альфреда. Он сразу принялся составлять радиogramму, передавая исписанные листки Майеру для зашифровки. По мере чтения добродушное лицо Майера расплывалось в улыбке. Особенно важной была весть об установлении связи с некоторыми заключенными в концентрационном лагере «Дора», которые сообщили, что

* Работники рабочих и профсоюзных организаций в некоторых странах, активисты.

на его территории имеются подземные цехи, где изготавливают ракетные снаряды «ФАУ-1».

Альфред закончил шифровать и стал развертывать рацию. Подходило время связи. В последние дни он регулярно выходил в эфир. Особенно много пришлось радировать на прошлой неделе. Это было небезопасно: гестаповские пеленгаторы могли засечь место работы нелегальной рации... Накануне уже поступила от командования депеша с требованием соблюдать меры предосторожности. Но разве можно было комкать важные для советского командования данные? Накопилось их немало — одно важнее другого.

На днях Майер переменял район и теперь только второй раз выходил в эфир с нового места. Ровно в четырнадцать часов по московскому времени он включил приемник. Тотчас в наушниках послышался знакомый позывной «СА». Связь была установлена, и Майер приступил к передаче радиограммы.

Фридрих неотрывно смотрел на улицу. Там, из-за угла видневшегося поодаль переулка, выглядывала часть кузова грузовика «Оппель-блиц», в котором сидел Ганс Хеслер. При малейшем признаке опасности машина должна была скрыться в переулке. Это был сигнал, по которому радиопередача немедленно прерывалась, подпольщики через запасной выход покидали конспиративную квартиру и направлялись к заранее условленному месту. Здесь их должен был ожидать Ганс.

Однако гестаповцы тоже не дремали. В ту же минуту, когда Майер начал передачу радиограммы, с разных сторон к улице, где работала рация, на бешеной скорости помчались радиопеленгаторы. Но это были не обычные крытые машины с торчащими антеннами. Обозленные неудачными попытками накрыть нелегальную рацию, гестаповцы догадались, что подпольщики при появлении знакомой им по внешнему виду радиопеленгаторной машины немедленно каким-то способом оповещают своего радиста и он замолкает. Надо было найти способ обмануть наблюдателей, и гестаповцы нашли его. Они срочно оснастили пеленгационным оборудованием несколько машин специального назначения — почтовых, аварийных, продуктовых холодильников и т. п.

И вот теперь, когда шла передача радиограммы, по-

явление автохолодильника, а затем почтовой машины, ехавших навстречу друг другу, естественно, не привлекло внимания Ганса Хеслера. И только тогда, когда обе они почти одновременно остановились по обе стороны дома, а в переулке появилась аварийная машина с ревущей сиреной, Ганс почувал неладное. Он тотчас же повел машину к условленному месту.

Фридрих заметил это. По его сигналу Майер прекратил передачу. Но было поздно. Эсэсовцы и гестаповцы уже выскочили из машин и устремились в парадное.

Рихард сжег депешу и вместе с Фридрихом, захватившим рацию, бросился к запасному выходу.

— Бегите! Не задерживайтесь... Я догоню,— сказал им Майер. Он остался, чтобы уничтожить все улики: растер в пепел сожженную депешу, вставил в розетку запыленный штепсель настольной лампы, вытряхнул себе в карман окурки из пепельницы и, сматывая на ходу антенну, направился уже к запасному выходу, ведущему во двор, как вдруг внизу послышались выстрелы. Майер выбежал на балкон и увидел, что несколько гестаповцев преследуют Рихарда и Фридриха. Не раздумывая, Альфред выхватил из кармана пистолет и стал стрелять по преследователям. Один из них упал на мостовую, остальные кинулись врассыпную. Тем временем Рихард и Фридрих успели пересечь двор и проникнуть в соседний. Но Майеру путь отступления был отрезан: запасной выход заблокирован, а в парадную дверь уже ломались враги. Удар, еще удар — и дверь сорвалась с петель. Альфред едва успел скрыться за портьерой, отделявшей прихожую от комнаты, из которой несколько минут назад он вел передачу. Не сразу враги решились переступить порог. Это дало возможность Майеру перезарядить пистолет-автомат и извлечь второй из заднего кармана брюк. Он встретил щедрым огнем в упор ринувшихся было в дверной проем эсэсовцев. Передние свалились как скошенные, задние попятились, беспорядочно отстреливаясь. В этот момент Майер почувствовал обжигающий удар в левое плечо...

Недолго длилась эта неравная борьба. Все кассеты пистолетов опустели. Эсэсовцы догадались и решили взять его живьем.

— Гауптман, сдавайся!

— Руки вверх! — кричали они, подступая к Майеру.

Быстрым движением Майер вогнал последний, оставленный еще в Москве, патрон, с ненавистью взглянул на врагов. Так хотелось жить, чтобы видеть этих бандитов поверженными!

Переступая через трупы, эсэсовцы шли на Майера, а он стоял неподвижно, как скала. Кровь текла по его лицу и груди. Оставались последние секунды, и Майер использовал их, чтобы еще и еще бить ненавистных нацистов. Он схватил с пианино бронзовый бюст Гитлера и запустил им в офицера: тот пошатнулся и рухнул на пол. Уже схваченный врагами, он направил ствол пистолета в сердце и нажал курок...

Пока Майер самоотверженно боролся, Рихард и Фридрих пробирались через проходной двор и уже надеялись благополучно уйти. Но здесь их настигли преследователи.

Рихард едва переводил дыхание. Он остановился, выхватил пистолет, но Фридрих потянул его в сторону. Рихард огрызнулся:

— Беги, говорю! Уноси рацию! Слышишь?

Но на этот раз Фридрих не повиновался. Он несколько раз выстрелил и заставил преследователей укрыться за выступом стены. Подталкивая Рихарда, он повелительно прикрикнул, впервые обращаясь к нему на «ты»:

— Беги! Именем партии, беги! Я прикрою...

Рихард скрылся за каким-то флигелем, а Фридрих продолжал методично стрелять, как только преследователи осмеливались высунуться из-за укрытия. Когда же он последовал за Рихардом, на него обрушился град пуль. Фридрих остановился, широко расставив ноги. Мелькнула мысль: «Конец!.. Последний патрон...» Силы покинули его, он упал, хотел достать гранату, но потерял сознание...

В квартире гестаповцы учинили полный разгром: они перевернули все вверх дном, сняли радиаторы, распороли матрацы и диваны, сорвали с пола паркет, но, разумеется, ничего не обнаружили. В разгромленную квартиру прибыл штандартенфюрер СС Вихтенберг в сопровождении оравы эсэсовцев. Он опознал Майера,

узнал и френч подполковника, в котором видел Рихарда в лесу. Вихтенберг был вне себя:

— Ушел главный! — вопил он на вытянувшегося перед ним эсэсовца. — Понимаете, слюнтяи! Главный ушел, ушел с рацией, шифрами, явками...

В квартиру, запыхавшись, вбежал эсэсовский офицер и, отдаваясь, доложил, что взят еще один.

— Живьем?

— Так точно, господин штандартенфюрер. Увезли...

— Какой он из себя, — нетерпеливо прервал Вихтенберг. — Пожилой, толстый, со шрамом на лбу?

— Прошу прощения, господин штандартенфюрер. Я заметил только, что он в форме оберштурмфюрера. Ранен в плечо, горло и, кажется, ноги перебиты... Но будет жить, господин штандартенфюрер! Хотел подорвать себя и рацию, но не успел...

— Рацию захватили?! — воскликнул Вихтенберг.

— Так точно, господин штандартенфюрер.

— Болван! Что же вы сразу не сказали? Понимаете, рация Москвы в наших руках!

Эсэсовский офицер смахнул повисшую на конце носа каплю пота и щелкнул каблуками. Вихтенберг стремглав выбежал из комнаты...

Солдаты выносили трупы. Один из них поднял с пола голову, отколовшуюся от бюста Гитлера, заглянул внутрь ее и, убедившись, что она совершенно пуста, равнодушно отбросил в сторону.

Вихтенберг не скрывал злорадства, когда к нему в кабинет на носилках принесли раненого Фридриха.

— А, старый знакомый! — воскликнул он. — Теперь я сам вижу, что у тебя действительно имеются «пробоины»... Не так ли, красавчик?

Фридрих молчал, до боли сжав зубы.

Ехидная улыбка не сходила с лица эсэсовца. Глубокие морщины по обеим сторонам рта еще резче подчеркнули садистское выражение его физиономии.

— Кстати, — с наигранной наивностью заговорил он вновь, — у тебя, помнится, был один глаз? Или я что-то путаю?

Ответа не последовало. Фридрих молчал, будто перед ним было пустое пространство.

— О, конечно, я понимаю,— с издевкой продолжал эсэсовец,— Москва всемогуща! Она в силах лишить глаза и... восстановить его... Ну, а мы не кудесники. Восстановить не сможем. Удалить — это в наших силах. Будет больно, но что поделаешь? Надо же как-то вывести соотечественника из состояния оцепенения!.. Надеюсь, ты меня понимаешь? Говори, где скрывается главарь, тот пузатый «подполковник»?

Фридрих не произнес ни слова. Он молчал на первом допросе, молчал и на последующих, когда в присутствии Вихтенберга его истязали гестаповские заплочных дел мастера. Только однажды он с презрением бросил в лицо своим палачам:

— Я не намерен разговаривать с фашистской мразью!

Фридрих Гобрицхоффер умер от тяжелых ран и истязаний, не назвав гестаповцам даже своего имени...

...Шли дни, недели, месяцы. Прошел 1942 год. Наступил 1943. Миновал и он. Вступила в свои права весна 1944 года. Прилетели ласточки, засвистели скворцы. А в отдаленном предместье Берлина порывом предгрозового вихря оторвало крыло железному орлу со свастикой в когтях, висевшему над входом в ратушу поселка...

Именно здесь, в живописном предместье столицы, Вихтенберг в придачу к чину бригаденфюрера получил в дар от самого фюрера участок земли с уютной рощицей и скромной виллой. От поселка виллу отделяла речка с берегами, заросшими ивняком, от лесного массива, простиравшегося перед ней, узкая полоса пашни. Этот уголок с полным основанием можно было бы назвать райским, если бы денно и ночью из глубины леса не доносился то затихающий, то бурно нарастающий рокот моторов. Там, в лесу, на обширной территории, огороженной колючей проволокой со сторожевыми вышками, размещался завод, к которому бригаденфюрер имел прямое отношение.

Бегство из плена, захват рации, поимка «опаснейшего антифашиста» прославили Вихтенберга, о нем среди нацистских бонз рассказывали легенды, и фюрер считал за благо поставить его во главе службы безопас-

ности и охраны заводов, таящих в своих корпусах величайшую государственную и военную тайну. Эта «тайна» стала панацеей от всех бед, нависших над гитлеровской Германией к началу 1944 года.

На востоке фронт трещал по швам. Бесславно гибли десятки немецких дивизий и дивизий сателлитов фашистской Германии. Тотальная мобилизация немцев, способных носить оружие, начатая еще летом 1943 года, вконец истощила людские резервы вермахта. Между тем русские неудержимо рвались вперед. На севере они прорвали блокаду Ленинграда и вклинились из района озера Ильмень в Прибалтику. На Украине окружили и уничтожили две крупных группировки в районе Корсунь-Шевченковский и Звенигородка—Умань. Чуть южнее вынудили германское командование уйти из Криворожского железнорудного района. Еще южнее вышли на границу с Румынией. Появление советских армий на подступах к Балканам и в предгорьях Карпат усиливало разброд среди союзников фашистской Германии, грозило ей полной изоляцией. Давно уже иссякла вера населения «фатерланда» да и солдатской массы в геббельсовские утешительные и обнадеживающие комментарии, в «эластичные обороны», «планомерные отходы» и «стратегические выравнивания фронтов». Все эти ухищрения остались позади. И нацистские пропагандисты из кожи вон лезли, чтобы заставить народ и армию уверовать в чудодейственную силу нового «секретного оружия», которое вот-вот будет введено в действие.

Геббельс патетически хрипел перед микрофоном: «Теперь, больше чем когда-либо, фюрер уверен в победе, ради которой днем и ночью пребывает в непрерывном труде... Доблестные воины! Близок день, когда наш великий фюрер даст вам новейшее оружие, с помощью которого великая германская нация повергнет в прах своих врагов!»

«Тайное», «секретное» оружие стало новым символом веры нацистов в грядущую победу. Над освоением этого оружия трудились ученые-нацисты, на секретных заводах в подземных цехах работали обреченные на смерть тысячи рабочих. Их везли навалом в вагонах для скота почти из всех стран Европы. Глава СС Гиммлер подхлестывал их ободряющим лозунгом: «Труд при-

носит освобождение!» Но люди здесь стали безымянными — имена им заменили вытатуированные на теле номера, и свободными они становились лишь после смерти...

Первой ступенью изобретения были ракетные снаряды «ФАУ-1», потом появились усовершенствованные «ФАУ-2»... Нацисты не теряли надежды достигнуть и третьей ступени — получить и применить оружие невиданной силы, способное в одно мгновение опустошать целые города и уничтожать тысячи людей.

...Первые дни мая выдались солнечные и тихие. Цвели черемуха, сирень, жасмин. Воздух благоухал. Из приоткрытых массивных дверей сельской церкви доносились унылые аккорды фисгармонии, заменявшей орган. Шла воскресная служба. Верующие оплакивали родных, погибших в «азиатской пустыне». Наискосок от церкви к уютной пивной по выложенному плитками тротуару, постукивая костылями, ковыляли безногие, их обгоняли соотечественники с развевающимися на ветерке пустыми рукавами.

Было около одиннадцати часов, когда к пивной подъехал грузовик с ящиком в кузове. Шофер остался в машине, а двое, сопровождавшие груз, зашли в пивную. Под звуки патефона по столикам разносили кружки с эрзац-пивом, хор детей исполнял песню о фюре, который любит голубоглазых ребят. Звонкие детские голоса заглушал доносившийся из-за леса рокот моторов. Местные жители знали, что там завод, но остерегались заговаривать о нем и тем паче спрашивать о его назначении. Люди привыкли не задавать личных вопросов. Не проявляли они особого интереса и к выстроенной недавно вилле в рощице у реки. Знали лишь, что там постоянно живет пожилой эсэсовец, что ему прислуживают две женщины из числа привезенных с Украины, а по воскресным дням на вилле уединяется какой-то высокопоставленный эсэсовский чин.

Как всегда, бригаденфюрер СС Вихтенберг прибыл на виллу для воскресного отдыха еще вечером в субботу. Он хорошо выспался, уже успел заняться гимнастикой, обойти сад, побриться и бегло просмотреть газеты, когда к дверям спальни подошел старик-эсэсо-

вещ. В этот утренний час обычно никто не беспокоил бригаденфюрера, он вел дневник событий за истекшую неделю. Но старик все же постучался и доложил, что на виллу пожаловал какой-то генерал-интендант.

Вихтенберг поморщился, накиннул на себя длинный халат, подтянул потуже пояс и бросил взгляд в зеркало. В хорошем расположении духа он вышел на веранду.

Навстречу ему с кресла поднялся генерал-интендант.

— Прошу прощения, господин бригаденфюрер, за беспокойство,— сказал он.

— ...Хайль Гитлер! Слушаю. Чем могу служить?

Генерал-интендант не торопился. Он чинно снял фуражку, потом темные очки. Вихтенберг обомлел:

— Фон Вильке?!

— Я,— спокойно ответил Отто.— И представьте себе, у вас в гостях!

Вихтенберг ринулся обратно в дом, но из-за двери, прикрывая ее, появился с пистолетом в руке оберлейтенант. У Вихтенберга застрял ком в горле и, непроизвольно поднимая руки, он скорее выдохнул, чем прошептал: -

— Партэзан?

Бригаденфюрер и представить себе не мог, что не прошло и недели в том памятном 1942 году, когда ему удалось захватить разбитую рацию Майера, как Отто Вильке, Алексей Ильин и Вилли Фишер уже обосновались в Берлине. Установив связь с Рихардом и Хеслером, группа вскоре возобновила свою деятельность. Теперь разведчики действовали еще более осмотрительно. И сделано ими было немало.

Сейчас разговор был без лирических отступлений. Ильин и Вильке обещали сохранить Вихтенбергу жизнь при условии, если он поможет им вызволить одного заключенного мастера, работающего в подземном цехе подведомственного ему «сотого» завода...

— И сделать это нужно сегодня. Сейчас же! — резко, тоном приказа произнес Ильин.

— Я не смогу... Это невозможно, господа...— едва переводя дыхание, проговорил Вихтенберг.— Никто из заключенных без специального приказа самого рейхсфюрера СС Гиммлера не может покинуть завод. Это совершенно исключено!

— А что, завод разве такой большой важности? — спросил невинным голосом Вильке.

Вихтенберг пожал плечами, посмотрел по очереди на одного, на другого и неохотно сказал:

— Да...

— Впрочем, успокойтесь, — оборвал его Ильин. — Нас не интересует ни завод, ни его назначение. Нам нужен человек. И если вы сейчас же не отдадите распоряжение, я с наслаждением выпущу разрывную пулю в ваш череп, Вихтенберг. Мы не для того рисковали, приезжая сюда, чтобы разводить торговлю!

— Понимаю, господа, понимаю! Я готов выполнить ваше требование, но, поверьте, практически это неосуществимо. На заводе я распоряжаюсь только охраной.

— Арбайтслейтер там Бамлер? — как бы невзначай спросил Отто Вильке.

— Совершенно верно, фон Вильке, гауптштурмфюрер Гюнтер Бамлер. Вы его помните?

— Помню, помню... Когда-то полотер, затем убийца...

Ильин и Вильке коротко изложили свой план, вернее требование: Вихтенберг должен отдать приказ арбайтслейтеру Бамлеру пропустить на территорию завода грузовую автомашину с большим ящиком, который надлежало доставить во второй цех. В двенадцать часов, когда рабочие уйдут на обед, один из них задержится. Пользуясь отсутствием людей, он влезет в ящик. И около часа дня, когда все вновь приступят к работе, Вихтенберг отдаст второй приказ — вывезти ящик с завода.

— Скажете при этом, что ящик ошибочно заслан на завод и предназначен для другого объекта, — пояснил Вильке. — А исчезновение одного человека, надеюсь, вы вместе с Бамлером сумеете замаскировать? Ведь для вас, герр Вихтенберг, не секрет, что ежедневно там гибнут от изнурения, болезней и «гуманного» обращения десятки и сотни людей!

Вихтенберг хотел что-то возразить, но Ильин ткнул ему в подбородок ствол пистолета.

— Не вздумайте крутить, Вихтенберг!.. Ясно?

— Ясно, ясно... — покорно залепетал Вихтенберг. — Но поймите, господа, Бамлер никого не пропустит на территорию завода. Это исключено! Машину поведет

дежурный эсэсовец, разгружать будет охрана и грузить ящик обратно будут те же охранники... Они, конечно, заметят, что он стал намного тяжелее.

— Пусть это вас не беспокоит, Вихтенберг,— прервал эсэсовца Вильке.— Ящик будет не такой уж легкий и вначале. К тому же человек этот очень худ.

Бригаденфюреру приходилось выбирать между пулей в лоб и беспрекословным подчинением. Вихтенберг предпочел последнее, надеясь, что ему вновь удастся улизнуть. Он хотел позвонить Бамлеру по обычному телефону. Это, несомненно, вызвало бы у него подозрение, так как для переговоров с заводом он пользовался только особым аппаратом. Но едва Вихтенберг потянулся к телефонной трубке, как Вильке вскрикнул:

— Руки вверх, проклятая свинья!

Бригаденфюрер подчинился. Вильке наклонился к эсэсовцу, отвернул полу халата и потянул за уходившую в карман цепочку. Достав кошелек с ключами, он подошел к стене, отодвинул портрет Гитлера и сунул нужный ключ в отверстие.

Вихтенберг был до того поражен осведомленностью своих «гостей», что на какое-то время профессиональный интерес погасил острое чувство страха, прервал судорожные попытки найти выход из положения...

Дверца сейфа открылась. Там был установлен массивный серо-зеленый телефонный аппарат. Ильин снова напомнил эсэсовцу, что именно он должен сказать и каким тоном.

— Предупреждаю, Вихтенберг, останетесь живы, если сделаете так. Малейшее отклонение — и я без предупреждения стреляю. Ясно?

— Очень ясно...

— Все! Звоните.

Вихтенберг вытер испарину, взял трубку и стал набирать номер. Откликнулся голос телефонистки-диспетчера. Она сообщила, что гауптштурмфюрер где-то на территории завода... Вихтенберг повесил трубку. Это было хуже. По расчетам Ильина и Вильке, Бамлер должен был находиться в это время у себя.

Вторично позвонил уже сам Вильке. Он приказал телефонистке немедленно найти арбайтслейтера Бамлера и передать ему, чтобы он сейчас же позвонил бригаденфюреру Вихтенбергу на виллу.

Не прошло и пяти минут, как в углу комнаты раздался пронзительный трезвон. Звонок высокочастотного аппарата был установлен вне сейфа.

Ильин кивнул Вихтенбергу. Под дулами направленных на него пистолетов бригаденфюрер отдал распоряжение Бамлеру доставить во второй цех ящик, который поступит на завод, и без него не вскрывать. В трубке было отчетливо слышно, как подобострастно захлебывался арбайтслейтер: «Слушаюсь, господин бригаденфюрер... Ясно, господин бригаденфюрер... Будет выполнено, господин бригаденфюрер! Хайль Гит...»

Вильке нажал рычажок аппарата, закрыл дверцу сейфа и ключ положил к себе в карман.

Ильин отвел Вихтенберга в сторону и, усадив на диван, приказал не двигаться. Тем временем Вильке уже набирал номер по обычному телефону, стоявшему на столе.

— Пивная? — спросил Отто.

— Да, — послышалось в ответ.

— Пиво у вас сегодня свежее?

— Конечно. Утром привезли...

— Превосходно! Я немедленно пришлю за пивом, — и Отто Вильке повесил трубку.

Вихтенберга трясло. Пожалуй, теперь эсэсовец волновался несравненно больше, чем в тот раз, когда его привезли на «Майбахе» в лес. К этому у него было достаточно оснований. В данное ему слово сохранить жизнь он, разумеется, не очень верил. Весь лоск с него сошел, и в своем длинном халате с бледным, трясущимся лицом он походил отнюдь не на «тигра», а скорее на разорившегося бюргера. Дрожащим голосом попросил он дать ему со стола сигарету.

Ильин не тронулся с места. Молчал и Отто. Немного спустя Вильке извлек из кармана портсигар. Алексей удивился: никогда прежде не видел, чтобы Отто курил. Вильке открыл портсигар и достал пожелтевшую сигарету с чуть прижженным концом. Подавая ее Вихтенбергу, с трудом сдерживаясь, сказал:

— Это ваша сигарета. Вы тогда не докурили ее в лесу... Берите! Она успела подсохнуть и отлично загорится...

Вихтенберг низко опустил голову. Он не взял сигарету и не повторил свою просьбу. О, сколько бы он

отдал, чтобы уйти от возмездия! Как жестоко корил он себя за то, что легкомысленно отнесся к охране своей персоны и даже своим ближайшим эсэсовцам, охранявшим виллу, запретил входить к нему без вызова...

Время тянулось медленно. Невероятно медленно. Большие настольные часы пробили только половину двенадцатого... Прошла целая вечность, пока они отметили еще четверть часа... По расчетам Ильина и Вильке, ящик уже должен был находиться на заводе. Но кто знает, как там все происходит?

На веранде было очень тихо. Лишь со стороны сада, уходившего в глубь двора виллы, едва слышно доносилась веселая песенка. Это часовой-эсэсовец наигрывал на губной гармонике, поглядывая на украинок. Они вскапывали клумбу: хозяин виллы, оказывается, любил цветы, что, однако, не мешало ему быть убийцей...

Часы пробили двенадцать, потом четверть первого, половину первого... Большая стрелка уже вновь стала взбираться вверх... Подошло время обеда. Вихтенберг знал, что старик-эсэсовец должен был осведомиться, как обычно, подавать ли ему обед. Но его почему-то не было. Бригаденфюрер тяжело вздохнул. И тут словно молнией ударило по окнам, задребезжали стекла, будто что-то хлынуло из-под земли и встряхнуло виллу. Почти одновременно донесся оглушительный грохот взрыва.

Вихтенберг вскочил, испуганно глядя на окна. Из-за леса поднимался столб густого дыма. Поглядывая то на Ильина, то на Вильке, то вновь бросая взгляд на бушевавший над лесом вулкан, Вихтенберг вдруг понял, и у него вырвалось:

— Это ваш ящик?!

Вильке кивнул, сунул руку в карман и достал пистолет. Вихтенберг смотрел на него, как за гипнотизированный. Но Отто спокойно подал ему «вальтер».

— Вы поклялись фюреру вернуть подаренное вам оружие... Не так ли? Пожалуйста, возьмите его...

Вихтенберг остолебенел.

— Берите, — повторил Ильин, перерезая провода телефонов. — Он заряжен! Там один патрон... Пожалуй, теперь это для вас лучше, чем предстать с объяснениями перед Гиммлером...

Бригаденфюрер дрожал.

— Накиньте на себя что-нибудь, Вихтенберг... Простудитесь! — сказал Алексей Ильин на прощание.

* * *

Генерал-интендант в сопровождении оберлейтенанта покинул «гостеприимную виллу» на поджидавшей их санитарной машине. Надо было торопиться. Со всех сторон к заводу мчались пожарные машины, грузовики с эсэсовцами, легковые с гестаповцами, немало попадалось и санитарных машин. В этот час им давалось предпочтение, их пропускали без проверки. В санитарной машине рядом с Хеслером сидел Ильин, а на носилках лежал прихваченный около пивной Рихард Краммер. Ему и шоферу грузовика Вилли Фишеру пришлось немало поработать...

Санитарная машина с визжащей сиреной была уже далеко от места событий, а облако дыма, окутавшее всю окрестность, по-прежнему было огромно. Хеслер гнал машину всю: друзьям, борющимся против фашизма под единым знаменем, предстояло осуществить еще много сложных операций...

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Вот уже более двух недель лучшие разведчики изучают несколько сильно укрепленных немцами сел, расположенных поблизости от железной дороги и железобетонного моста через реку с высокими обрывистыми берегами. Судя по карте, эта ветка имеет сугубо второстепенное значение, но наблюдения разведчиков и рассказы местных жителей свидетельствовали о том, что гитлеровское командование придает ей большое значение. В самом деле, движение по ветке происходит только днем, а на ночь оккупанты выставляют усиленную охрану. В окрестных селах они держат многочисленные гарнизоны полиции, в обязанности которой входит прежде всего охрана подходов к железнодорожному полотну.

Все это привлекло внимание партизан. Вскоре было установлено, что по этой дороге в течение дня непрерывным потоком идут эшелоны с танками, пушками, самолетами, автомашинами, цистернами с горючим...

Партизанское командование тотчас же направило на дорогу несколько групп минеров, но ни одной из них не удалось прорваться к полотну. На базу минеры вернулись с потерями. Оказалось, что лес, под прикрытием которого подрывники пытались приблизиться к железной дороге, на подступах к полотну густо заминирован.

Эта неудача не остановила партизан. Группы минеров вторично вышли на задание, но лишь одной из них удалось добраться до насыпи и заложить под рельсы

взрывчатку. Результаты не порадовали. Утром, перед началом движения, немцы пропустили контрольный (он же ремонтный) поезд. Шел он медленно, и впереди паровоза катилась вереница платформ с песком. Взрыв заложенной партизанами мины не причинил поезду большого вреда, а дорога тотчас же была отремонтирована.

Партизанский штаб принял решение взорвать мост. Задача была очень трудной. Охране моста оккупанты уделили, пожалуй, даже больше внимания и сил, чем охране всей дороги. На подступах к нему они воздвигли дзоты, бункера и всякого рода укрепления, прорыли к ним траншеи и подземные ходы, весь предмостный район обнесли колючей проволокой, а прилегающую местность, конечно, пристреляли. Каждый засевший в укреплениях гитлеровец был способен чуть ли не с закрытыми глазами вести точный прицельный огонь.

Шла уже третья неделя, как партизанские разведчики рыскали по округе, изучая местность, пути подхода к мосту, систему охраны, ее вооружение и прочие детали, необходимые для успешного проведения операции.

По сведениям разведчиков, ночью охрана состояла из двадцати немецких солдат, одного офицера, двух унтеров и полусотни полицейских из окрестных гарнизонов. Все они довольно усердно стерегли мост. Зато в дневное время всего несколько полицейских несло караульно-наблюдательную службу. Остальные в первой половине дня, как правило, отдыхали в дощатом бараке у подножья моста, а во второй, если погода благоприятствовала, гоняли мяч, а то и отлучались в близкие села.

С первого взгляда все эти обстоятельства казались благоприятными для того, чтобы совершить диверсию в дневное время, но, взвесив все «за» и «против», партизаны все же решили действовать ночью. И прежде всего по тем соображениям, что днем по пути к мосту партизанские части, которые предпримут такую попытку, неизбежно будут обнаружены гитлеровскими гарнизонами, расположенными в окрестных селах, и, таким образом, будут вынуждены ввязаться в бой, не успев подойти к намеченной цели.

План налета на мост, разработанный командованием партизан, в общих чертах сводился к следующему. На выполнение задания отправляются три отборные партизанские роты. Две из них, двигаясь с юга на север, заблаговременно переправляются через реку вдали от моста и близлежащих к нему населенных пунктов, обходят их, а с наступлением полной темноты поворачивают на юг и движутся к железной дороге, чтобы к 23 часам примерно в километре от моста занять исходные позиции для атаки... Третья же рота, усиленная легкой пушкой, батальонными и ротными минометами, с наступлением темноты направляется непосредственно к мосту с южной стороны. Ее задача — не обнаруживая себя, максимально приблизиться к объекту, окопаться по всем правилам позиционной войны и ровно в 23 часа внезапно обрушить всю свою огневую мощь на фашистскую охрану, создавая впечатление, будто партизаны собираются захватить мост с этого направления.

В действительности же, третья рота, оставаясь на месте, должна лишь отвлечь внимание противника, а захватить мост на короткий отрезок времени, необходимый подрывникам, чтобы заложить взрывчатку, должны первая и вторая роты.

Командиры рот сделали пометки на картах, согласовали детали взаимодействия и, сверив часы, разошлись по ротам, чтобы готовить бойцов к выполнению задания.

...Время было около полуночи. Еще с вечера небо заволокло, только что взошедшая луна изредка на мгновение проглядывала в разрывах темных, бегущих на запад грозовых туч. Духота, утомительный марш так измотали партизан, что и полуторачасового привала им показалось бы мало, если бы можно было прилечь, расслабить мускулы, не шевелиться. Но отдыха не было. Мириады невидимых комаров и мошек одолевали усталых, взмокших от пота людей.

— Спасу нет! — взмолился кто-то в темноте.

— Ей-ей хуже фашистов эти крылатые кровопийцы... Тех гадов хоть перестрелять можно, а этих чем возьмешь? — поддержал его другой голос.

— Заедают заживо! Одно спасение — уходить скорее... — резюмировал третий.

Так и не отдохнув, партизаны вновь тронулись в путь. Достигнув исходного рубежа, роты развернулись в боевой порядок. Более полутораста человек, пригибаясь к влажной высокой траве, что стелилась по лугу вплоть до самого моста, шаг за шагом стало продвигаться к цели. Время от времени в скупом лунном свете, пробивавшемся сквозь облака, впереди всплывали очертания полукруглых бетонных арок моста. И с каждым разом все больше беспокоился и суетился один из проводников, взятых разведчиками в ближней деревне. Без умолку он нашептывал шедшему рядом с ним командиру разведчиков, мастеру спорта Игорю Лобанову об опасностях, ожидающих партизан. Сперва он уверял, что немцы заминировали все подступы к своей казарме-бараку, что стоит по ту сторону речки, будто оставили они лишь узкую, только им известную тропинку. Потом начал уверять, что и луг, по которому идут партизаны, где-то впереди густо начинен минами, что пройти там никак невозможно — и мины, и вязко, и будто псы там у немцев есть в дозорах, а они уж непременно еще издали почуют приближение людей. Но партизаны чем больше слушали этого испуганного, щуплого мужичонку с трясущейся козлиной бородкой, тем меньше верили ему и продолжали упорно идти вперед. Конечно, проводник ненадежный, но времени для выбора у разведчиков не было, — взяли его из первой с краю хаты, а теперь уж нельзя отпускать от себя до окончания операции.

— Как же это, братцы-товарищи! Сами на гибель идете и меня неволите, — взмолился проводник, убедившись в тщете своих попыток повернуть партизан вспять.

— У нас, дядька, за паникерство и ложные сведения дают девять граммов... Ясно? — ответил ему Игорь Лобанов, уже не раз побывавший со своими разведчиками в этих местах. — Говорить надо то, что знаешь, а не то, что со страху мерещится. Ты, дядька, намотай на свою бородку вот что — если мы подойдем к мосту и луг окажется не заминированным, то отзвоним тебе все двенадцать евангелий... Понял?

— Как не понять... — уныло ответил проводник и больше уже ни о чем не заговаривал, только беспокойно озирался по сторонам.

Опасаясь, как бы этот трусливый человечийшко, а может быть, и немецкий прихвостень не убежал и не наделал шуму, Лобанов приказал одному разведчику не спускать с него глаз.

Медленно, бесшумно цепь партизан приближалась к мосту. По расчетам разведчиков, до него осталось менее километра. Кругом царил тишина. «Значит, на том берегу все идет хорошо, третья рота подошла, не обнаружив себя», — с облегчением подумал Лобанов, не переставая всматриваться в темную даль. Ведь он со своим взводом был в ответе за правильность выхода рот к цели. Но теперь все уже как будто позади. Менее четверти часа остается до того, как с противоположной стороны реки обрушится шквал огня. Затаив дыхание, крадутся партизаны. Кашлянуть или чихнуть в эти секунды смерти подобно!

Примерно в трехстах метрах позади цепи партизан, в жиденьком кустарнике, осталась шестерка приземистых откормленных лошадей, навьюченных доброй полутонной взрывчатки. Их сопровождают минеры — асы партизанского подрывного искусства — во главе с Сашей Гибовым, рослым, стройным, красивым парнем с пышными вьющимися волосами. Но последнее время Саша сутулится. Пришлось ему как-то просидеть в студеной воде с рассвета до темна, с тех пор его мучают фурункулы. Но Саша не унывал, он избрал оригинальный способ борьбы с болячками — стал азартным игроком в чехарду, притом постоянно исполнял роль «козла». От резких толчков в момент прыжка фурункулы лопались, а Саша издавал пронзительный крик, эхо которого долго перекатывалось по лесу.

Однажды, когда Сашу вновь одолели фурункулы, минерам предстояло выполнить ответственное задание, а обстановка в районе лагеря была такой, что приходилось соблюдать полнейшую тишину, даже разговаривали шепотом. Гибов не мог ходить, и потому, решили его заменить. Но Саша сыграл в чехарду, предварительно засунув себе в рот кляп. Сделал он это так добросовестно, что когда кончилась игра, то вместе с кляпом вывалился совершенно здоровый зуб. В тот же день Саша отправился с товарищами на задание, а несколько суток спустя два вражеских эшелона сле-

тели под откос. Один из них, состоявший из цистерн с горючим, горел четверо суток. С тех пор партизаны подшучивали над Сашей Гибовым:

— За один зуб — два эшелона!

— Не просто два эшелона, а с четырехдневным фейерверком!

Вот и теперь кто-то из подрывников шутит:

— А за мост, Саша, дашь зуб?

— Полчелюсти отдам, но при условии, что немцы восстановят мост не раньше чем мне вставят зубы...

Шутливый разговор затихает по мере приближения большой и малой часовых стрелок к цифре 11. Все чаще подрывники поглядывают на часы, ждут начала... Тогда и они вслед за атакующими цепями партизан ринутся с навьюченными лошадьми к мосту. Лишь бы удалось хоть на 10—15 минут захватить мост, а за подрывниками дело не станет. У них все подготовлено, подсчитано, проверено...

Последние минуты тянутся особенно медленно. Всматриваясь в темную даль, каждый представляет себе, как на том берегу их товарищи, закончив последние приготовления, ждут команды открыть огонь. Еще несколько секунд томительного ожидания — и треск залпов разорвет тишину... Но что это? Минутная стрелка отклонилась на одно, два, три деления от цифры 12, а тишину ничто не нарушает. Лишь по-прежнему где-то ближе к мосту нестройно квакают лягушки.

Загадочная тишина! В цепи наступающих командиры рот сверяют свои часы с часами Лобанова и еще раз убеждаются, что ошибки нет, что установленное время прошло. Партизаны невольно замедляют шаг. Душно. Темно. На какую-то долю минуты лунный свет проникает сквозь разрывы облаков и из тьмы отчетливо выплывает мост. До него теперь рукой подать. А третья рота по-прежнему безмолвствует...

Что же делать? Короткий совет на ходу, и командиры рот шепотом передают по цепочке приказ остановиться и залечь. Проходит еще несколько минут злобещей тишины. У всех на уме один вопрос — что случилось с товарищами и что теперь делать?

Вдруг со стороны моста раздался глухой выстрел ракетницы, и огненный шарик прорезал ночную тьму. На несколько секунд становится светло, а затем еще

темнее, чем было. Партизаны лежат. Кажется, гитлеровцы ничего не заметили, но почему вдруг там, в расположении врага, кто-то перестал играть на губной гармошке? Почему? И как бы в ответ на это взлетает вторая ракета, следом за ней третья, четвертая... «Заметили!» — но партизаны продолжают лежать, все еще надеясь, что вот-вот третья рота даст о себе знать.

Непродолжительная пауза нарушается взлетом почти одновременно выброшенных с разных мест ракет. Весь луг виден как днем! И тут с моста раздается длинная очередь крупнокалиберного пулемета, К нему тотчас же присоединилось еще несколько. Мгновенно на темном фоне неба образовалась густая сеть трассирующих пуль, словно осы зажужжали они в воздухе. Забухали и минометы. То тут, то там на лугу вздымаются огненные фонтаны. Партизаны кипят от злости, бранят и фашистов, и куда-то запропадившихся товарищей. Попытаться овладеть мостом, действуя с одного направления и потеряв преимущество внезапности, было бы просто преступлением, но и лежать на открытом лугу под огнем врага, ожидая, когда к нему придут, несомненно, уже вызванные подкрепления, не было никакого резона. Теперь, пожалуй, и третья рота, появившись она на том берегу, не смогла бы обеспечить успех операции. Уже по всей округе, а не только из расположения охраны моста взлетают разноцветные ракеты. Это означает, что гарнизоны в близлежащих деревнях подняты по тревоге и спешат сюда.

Трезво оценив создавшееся положение, партизанские командиры решили отходить, пока не отрезаны пути отступления. Итог печальный: есть раненые и один убит, задание не выполнено.

— Сорвали, дьяволы, операцию! — негодует высокий партизан со вскинутым на плечо трофейным пулеметом. Эта пудового веса ноша для Володи Голуба ни почем. Он мастер спорта и, к сожалению, «мастер» на крепкие словечки. Негодуя, он сыплет ими как из рога изобилия.

— Не спеши, Володя, осуждать третью роту. Мало ли что могло с ними в пути случиться, — пытается урезонить его Олег Лоран.

Этот уравновешенный, застенчивый паренек дружит с Володей еще со школьной скамьи. Вместе они

начинали заниматься спортом, вместе пришли на «Динамо» просить отправить их в тыл врага. Тогда на стадионе формировалась из спортсменов-добровольцев Бригада особого назначения. В ее ряды уже были зачислены прославленные мастера советского спорта Королев, Шатов, Иванкович, Митропольский, братья Знаменские, Щербаков и другие. Зачислили и друзей-спортсменов Голуба и Лорана. Почти все разведчики и подрывники, участвующие в этой операции, добровольцы-спортсмены.

Обычно Голуб прислушивается к мнению Олега, но на этот раз и ему не удается уговорить друга.

— Набаловали их, вот что! — кипятится Володя. — Носится командование с этой ротой, будто они самого Гитлера поймали... Подумать только, какое задание, сучьи дети, сорвали! Ведь два шага осталось — и мосту «капец»!.. А теперь что? Попробуй сунься снова! Фрицы так рубанут, что ноги не унесешь... У них теперь уши на макушке! А завтра как часы — чих-пых, чих-пых — и понесутся эшелоны к фронту...

— Будет шуметь! — прервал Голуба повелительный голос Лобанова. — Установи-ка вон у того дерева свою «бандуру» и смотрите в оба. Дорога там проходит. Перекрыть надо...

Стрельба совсем уже прекратилась, но гитлеровцы все еще продолжали неистово выбрасывать ракеты, освещая подступы к мосту.

Люди отходили молчаливые, усталые, злые. Когда мост остался далеко позади, Лобанов отпустил проводника с козлиной бородкой.

— Не поминай лихом, дядька, но и не забывай, с чем предупреждал тебя! У нас, учти, слово с делом не расходится...

Бормоча благодарности и уверения, проводник вскоре исчез.

Когда роты, переправившись через речку, двигались кратчайшим путем, чтобы до рассвета миновать два укрепленных немцами села, где-то позади возник шум боя. Остановились, прислушались. Отчетливо различили буханье партизанской пушки-сорокапятки. Сомнений не было. Это вступила в бой третья рота.

Время было далеко за полночь, но командиры рот не стали раздумывать. Оставив одно отделение для

охраны раненых, они снова повели людей к мосту, почти по тому же маршруту, по которому недавно прошла третья рота. Они заходили ей с тыла. Иначе было не успеть.

Бой у моста разгорался. Частые взрывы мин и снарядов подчас заглушали перепалку пулеметов и стрелкотню автоматов. Послышались трескучие разрывы гранат. Заполыхало зарево пожара. По всей вероятности, это горел барак гитлеровцев.

Еще два-три километра отделяли роты от места боя. Партизаны, не щадя сил, торопились на помощь товарищам. Одним из первых был Володя Голуб, который, делая семимильные шаги, догнал и даже опередил разведку. Весь мокрый, он разодрал спереди гимнастерку, и она развевалась словно куртка. У изнемогавшего от усталости Олега, своего второго номера, Володя давно уже забрал добрую половину запасных коробок с патронами к пулемету.

Впереди вспыхнул огромный огненный столб и моментально погас. А спустя одну-две секунды, вслед за подземным толчком, прогремел мощный взрыв. Партизаны невольно пригнулись и замерли. Послышались радостные возгласы:

— Мост рванули!

— Вот тебе и третья рота! Молодцы!

На мгновение, пока эхо взрыва еще перекатывалось вдаль, перестрелка прекратилась. Казалось, там, у моста, никто не уцелел. Но мост был невредим. В свете догорающего барака он был отчетливо виден. Слово заколдованный стоял он во всем своем зловещем величии. Стрельба возобновилась.

Что же в таком случае взорвано? Вражеский склад с боеприпасами? Или немцы прямым попаданием мины взорвали припасенный партизанами тол?

Беспокойство за судьбу товарищей овладело партизанами. Они ринулись вперед, но вскоре им встретились группы партизан третьей роты. Они несли убитых и тяжело раненных товарищей.

Бой постепенно затихал. Вслед за первыми группами показались остальные партизаны третьей роты. Помощь запоздала.

В этот день третья рота понесла большие потери, из строя выбыло более трети состава. Тяжело ранен

был и командир роты, капитан Николаев. Рассказывали, что в тот момент, когда рота огнем прикрывала подход минеров к мосту, вышел из строя весь расчет единственной партизанской пушки. Минеры группы сибиряка-спортсмена Алексея Завгороднего, ташившие тяжелые ящики с толом, были вынуждены залечь под самой насыпью. Двигаться дальше не было никакой возможности. Выход к мосту гитлеровцы преградили ураганным огнем. Узнав об этом, раненный в грудь капитан Николаев вырвался из рук перевязывавшей его санитарки и побежал к осиротевшей пушке. Следом за ним приползла санитарка Татьяна Александрова со связным, доложившим о случившемся с пушками. Только они втроем подкатили «сорокапятку» к самой насыпи, как был убит связной. Татьяна едва успевала подносить снаряды. Метким огнем Николаев подавил несколько огневых точек врага, но снаряды были на исходе и капитан передал минерам приказание всем запасом тола взорвать насыпь. Как только грянул мощный взрыв, Николаев, дал команду: «Всем отходить!» — и рухнул на землю, потеряв сознание. Его спасла Татьяна. Бинты у нее давно кончились, но надо было немедленно перевязать капитана, и она сорвала с себя гимнастерку и полотняную армейскую рубашку, сделала перевязку и, взвалив раненого на спину, ползком вытащила его с поля боя.

Всех раненых и убитых партизаны вынесли, но пушка осталась. Единственную, чудом уцелевшую лошадь они впрягли в передок пушки и положили на него Николаева. Следом шла Татьяна. Вся ее одежда состояла из лифчика и изодранной юбчонки. Партизаны любили ее за храбрость, веселый нрав и порядочность. Любили и уважали. Никто не позволял себе никаких вольностей, в ее присутствии никто не осмеливался произносить бранные, непристойные слова. Так сумела она поставить себя, хотя было ей всего девятнадцать лет. Даже закоренелый сквернослов Володя Голуб тотчас замолкал, когда партизаны потехи ради пугали его: «Тише, Татьяна идет!»

Вскоре со стороны моста показались и подрывники со своим командиром Алексеем Завгородним. Навстречу им бросился Саша Гибов и другие партизаны.

Всех интересовали результаты. Оказалось, что после взрыва четырехсоткилограммового заряда образовался большой котлован, но мост остался невредимым.

Наконец показались взводы, прикрывавшие отход роты, командование которой принял на себя военный врач Александр Александрович Бронзов. Сухощавый, всегда собранный и серьезный капитан медицинской службы Бронзов шел сейчас вразвалку. Он был легко ранен в плечо, но никому не сказал об этом. Окончив Московский медицинский институт в день нападения фашистов на нашу страну, Бронзов уже успел прославиться среди партизан как искусный хирург и... талантливый разведчик. Из всего командного состава роты только он остался в строю. Остальные были убиты или тяжело ранены, когда рота по пути к мосту оказалась вынужденной вступить в бой с фашистами. В этом и была причина того, что рота не успела к мосту в назначенное время. Случилось это километрах в пятнадцать от железной дороги.

...Солнце близилось к закату, когда третья рота, проделав тридцатикилометровый марш на пути к вражескому мосту, расположилась в лесочке на отдых. С наступлением темноты предстояло преодолеть совершенно открытую местность, приблизиться к мосту и, окопавшись, в 23 часа открыть огонь по врагу. Перед последним, самым трудным переходом надо было отдохнуть, плотно закусить, проверить исправность оружия.

В полутора километрах от леса виднелась деревня. Тянувшийся от опушки леса до деревни пологий, густо заросший кустарником овраг позволял скрытно приблизиться к окраине селения. Командир роты решил воспользоваться этой возможностью, чтобы, пока светло, произвести разведку. По возвращении разведчики доложили, что в деревне нет ни немцев, ни полицасов и что ближайший немецкий гарнизон расположен в шести километрах в сторону железной дороги. Оттуда часто приезжают за продуктами полицейские, а иной раз и немцы. Бывает это в первой половине дня. По словам жителей деревни, партизаны у них еще никогда не бывали.

— Значит, люди ничего не знают о событиях на фронте, питаются гитлеровской пропагандой! Это не

годится... — решил политрук роты, старший лейтенант Боголюбов.

Взяв последнюю полученную с Большой земли газету и пачку листовок с обращением к населению временно оккупированной фашистами территории, он отправился в деревню. Его сопровождали три партизана, вооруженные пулеметом и автоматами. Один из них, разведчик Александр Бавтута, любимец политрука, только что вернулся оттуда.

Деревня раскинулась в живописной низине среди множества фруктовых садов. Было в ней десятка два далеко отстоявших друг от друга дворов. Однако весть о приходе партизан мгновенно облетела все дома. Посмотреть на них и послушать, что они скажут, собрались и стар и млад. Слушали Боголюбова не дыша, а потом засыпали вопросами. Изголодались люди по правдивому слову и, наверное, не разошлись бы до утра, если бы женщины не стали наперебой приглашать партизан угоститься перед уходом. Боголюбов раздал листовки, взглянул на часы. Время позволяло задержаться еще на час, и партизаны, сопровождаемые женщинами, отправились в дом, что стоял наискосок. Только Боголюбов по просьбе прикованного к постели старика-хозяина дома задержался на несколько минут. Старик попросил оставить ему газету, которую читал им Боголюбов. Узнав, что это единственный экземпляр и потому оставить его нельзя, старик захотел хотя бы взглянуть на нее, подержать ее в руках. Дрожащими руками взял он газету, прочел вслух заголовок и несколько раз поцеловал его, приговаривая: «Правдушка наша родная, коли ж снова сможем тебя иметь?!» С волнением он вспоминал о том, как довелось ему побывать в Москве по сельским делам, как принимал его всероссийский староста Михаил Иванович Калинин...

С интересом слушал Боголюбов старика и не сразу обратил внимание на какой-то быстро нараставший шум. Когда же послышался отчетливый рокот моторов и он осознал надвигающуюся опасность, было уже поздно. На предельной скорости в деревню въехало четыре грузовика с немецкими солдатами. Машины подкатили к дому, где полчаса назад собирались крестьяне, резко затормозили, и соскочившие с них гитлеровцы стали окружать дом.

Боголюбов схватился было за автомат, но, взглянув на испуганные лица хозяйки и ее дочери, медленно опустил его. Он понял, что если станет стрелять, то погибнет не только сам, но погубит и всю семью старика. Он успел сунуть автомат и полевую сумку в стоявшую в сенцах кадку с дождевой водой, спрятать пилотку со звездочкой и снять с себя гимнастерку, прежде чем в хату ворвались фашисты, но выдать себя за местного жителя не удалось. Его скрутили и стали обычными для фашистов методами пытать у него, где находятся остальные партизаны и куда он дел свое оружие.

Было очевидно, что оккупанты прибыли по доносу, что нет смысла отпираться, и Боголюбов думал только, как отвести угрозу расправы от гостеприимной семьи старика. Подумал он и о том, что если сопровождавшие его товарищи не попали так же глупо, как он, в лапы врагов, то еще не все потеряно, надо только сделать так, чтобы они знали о его положении. И когда немецкий офицер еще раз ударил его, Боголюбов решил прикинуться простачком:

— Так я ж, господа, и пришел сюда за оружием... — и он экспромтом придумал, что здесь в одном месте, известном только ему, в дни отступления Красной Армии был закопан целый склад оружия и боеприпасов.

Немецкий офицер потребовал немедленно указать это место, и Боголюбова вытолкали на улицу. В окружении целого взвода солдат он медленно побрел в сторону дома, где должны были отдыхать его товарищи.

Тем временем разведчик Бавтута, пулеметчики Мартынов и Сидоренко, увидев на улице немцев, залезли на чердак и подготовились к круговой обороне. Они могли, конечно, попытаться задворками уйти из деревни, но, не зная ничего о судьбе политрука, без колебаний решили остаться и в случае надобности прийти ему на помощь.

И вот с чердака они увидели приближающуюся к их дому толпу фашистов и среди них полураздетого, истерзанного Боголюбова.

— За нами, гады, идут, а стрелять нельзя! — с до-

садой произнес Мартынов, не спуская с прицела гитлеровцев.

— Повремени, успеем... — отозвался Бавтута.

По мере приближения всей группы партизаны заметили, что Боголюбов идет впереди один. Велико было их удивление, когда он решительно повернул к их дому.

— Сюда ведет!.. Неужто за нами? — сам себе не веря, сказал Сидоренко.

— Цыц! — одернул его Мартынов. — Политрука нашего не знаешь?..

А Боголюбов и в самом деле направился к воротам дома, где ждали его товарищи.

Молча наблюдали партизаны за происходящим внизу, прислушивались к доносившемуся галдежу, старались понять, что задумал политрук. Они увидели, что Боголюбов повел гитлеровцев в глубь двора, к плетню, отгораживавшему двор от гумна.

— Верно, хочет, чтобы мы ударили по фрицам с тыла! — догадался Бавтута.

— Стрелять? — нетерпеливо спросил Мартынов.

Но Бавтута не успел ответить, как политрук остановился, не дойдя до плетня. Остановились и немцы, обступили его полукругом. Один солдат отделился от группы и побежал обратно к хате. Еще издали он кричал:

— Лёпат, лёпат!.. Бистро давайт лёпат!

Хозяйка, видимо, не сразу поняла, что от нее требуют, и немец стал показывать жестами, что нужна лопата. Через минуту лопата была в руках Боголюбова.

— Расстреливать будут! — воскликнул Сидоренко.

— Нет, тут что-то не так! — ответил Бавтута — Расстрелять его они могли и там, где захватили.

— Да ведь и привел-то их сюда он сам, — недоумевал Мартынов.

Между тем Боголюбов почему-то не начинал копать, а лишь ощупывал землю лопатой, словно что-то искал. Ткнет в одно место, в другое, оглянется и вновь тычет. Немцы неотступно следили за каждым его движением. Но вот он раз-другой, нажав на лопату ногой, копнул глубоко, выпрямился и указал рукой на образовавшуюся яму. Гитлеровский офицер заглянул туда. В то же мгновение политрук вскинул лопату и

со всего размаху ударил его по голове. Немец свалился замертво, а Боголюбов, не лереставая наносить лопатой удары набросившимся на него гитлеровцам, закричал:

— Стреляйте, товарищи! Стреляйте!..

В ту же секунду с чердака ударили ручной пулемет и два автомата; почти одновременно раздалась короткая автоматная очередь какого-то немца. Боголюбов упал....

Немногие из уцелевших гитлеровцев открыли огонь по чердаку. Сбежались сюда и немцы, бродившие по деревне. С каждой минутой положение партизан становилось все более трудным. Враги окружили дом, патронов было мало, едва ли их хватит, чтобы продержаться до тех пор, как подоспеют на выручку товарищи. А в том, что помощь придет, партизаны не сомневались: ведь там, в лесочке, конечно, слышат пальбу...

При первых же выстрелах капитан Николаев поднял бойцов по тревоге и повел их в деревню. Партизаны не шли, а бежали, предчувствуя, что их товарищи попали в беду. И все же за те 10—15 минут, которые понадобились, чтобы преодолеть расстояние до деревни, судьба их товарищей была решена... При первых же выстрелах погиб политрук Боголюбов. Вслед за ним наповал был убит Сидоренко. Дом загорелся, с каждой секундой становилось все труднее дышать, огонь проник на чердак. Бавгуте и Мартынову ничего не оставалось, как попытаться спуститься и в наступившей темноте разорвать вражье кольцо.

Первым стал спускаться по еще не загоревшейся, но уже дымящейся стене Бавтута. Здесь его настигла вражья пуля. Он упал на землю, отполз в сторону и стал стрелять из автомата, чтобы прикрыть отход товарища, но едва дал две короткие очереди, как на него навалилось несколько гитлеровцев. Он успел только крикнуть: «Прощай, Борис!» — и вслед за этим раздался взрыв гранаты. Мартынов понял, что Александра Бавгуты уже нет...

Почти сразу после этого на окраине деревни возникла сильная перестрелка. Подоспевшие бойцы третьей роты обстреляли и подожгли грузовики, стоявшие на дороге. Это заставило немцев, осаждавших загорев-

шийся дом, поспешно ретироваться. Отстреливаясь, они стали отступать.

Стрельба еще не утихла, когда отделение партизан огородами пробралось к горевшему дому. Здесь они нашли Мартынова. Едва живой, он прыгнул, вернее свалился, с чердака. Рядом с ним партизаны нашли бесчувственное тело политрука Боголюбова. Он лежал с лопатой в руке среди груды фашистских трупов. Нашли партизаны и своего разведчика Бавтуту. Лицо его было изуродовано осколками гранаты. Рядом с ним распластались два гитлеровца, тоже убитые осколками.

На окраине деревни бой принимал затяжной характер. На помощь немцам подоспела свора полицейских. Лишь поздно вечером остатки карательного отряда покинули деревню. Преследовать их партизаны не могли. Непредвиденный бой не только отнял время, но и всполошил гитлеровские гарнизоны. Чтобы избежать повторного столкновения с противником, пришлось изменить первоначальный маршрут, а новый оказался намного длиннее.

Еще в пути партизаны третьей роты услышали, что там, у моста, начался бой. Больно было сознавать, что невольно они стали виновниками тяжелого положения своих товарищей. Они спешили, но к назначенному месту подошли с большим опозданием. Стрельба давно уже прекратилась, и было неясно, ушли ли роты, атаковавшие мост с противоположной стороны, или все еще ждут их вступления в бой. Размышления капитана Николаева прервали немцы. Встревоженные недавним нападением, они непрерывно освещали местность ракетами и обнаружили партизан третьей роты прежде, чем они что-либо решили. Немцы открыли бешеный огонь, партизаны ответили огнем из всех видов оружия. Так третья рота втянулась в бой, завершившийся разрушением предмостной части насыпи и железнодорожного полотна. Но задание командования вывести из строя железнодорожную ветку на длительный срок осталось невыполненным. Немцам понадобилось всего четыре дня, чтобы восстановить движение...

А сводки Совинформбюро по-прежнему оставались тревожными. Фашистские полчища рвались к Кавказу...

Командование партизанской Бригады особого назначения приняло решение рвать рельсы на всем протяжении железнодорожной ветки.

Была сформирована объединенная ударная группа подрывников и разведчиков. Ей предстояло пройти по маршруту, уже знакомому минерам.

* * *

Была безоблачная, не по-осеннему теплая ночь. Более полусотни партизан с пятнадцатью навьюченными взрывчаткой лошадьми словно привидения скользили в темноте. Как обычно, впереди Игорь Лобанов с разведчиками, двое из них — Николай Харламов и Василий Филиппов — в головном дозоре. Вместе они отправились в тыл врага и с тех пор были неразлучны. Оба маленького роста, щуплые, по характеру — полная противоположность: Харламов — покладистый, спокойный, стеснительный; Филиппов — настырный, вспыльчивый и разговорчивый. Филиппов вооружен автоматом, а Харламов неразлучен с русской винтовкой, оснащенной оптическим прибором, если же необходимо выстрелить бесшумно, пользуется «мортиркой»... В бригаде, пожалуй, не было равного ему снайпера. Сходство друзей было только в том, что оба отлично ориентировались на любой местности.

Группа двигалась по совершенно открытому полю. Это наиболее сложный участок — недалеко расположены села с гарнизонами немцев и полицейских. То тут, то там взлетают осветительные ракеты. Невольно партизаны пригибаются, озираются по сторонам. Достаточно отклониться на сотню метров вправо или влево, как колонна окажется в поле зрения наблюдателей противника. Проводники знают это и искусно ведут за собой колонну.

— После боя на мосту фрицы не дремлют... — шепчет Вася Филиппов своему напарнику. Харламов не отвечает. Он и сам заметил, что, когда они раньше проходили здесь, гитлеровцы лишь изредка освещали местность. Между тем предстоит одолеть не только этот открытый участок; после мелколесья придется еще три километра идти полем, прежде чем начнется густой

лес. Противоположную его сторону немцы заминировали. И уже не один партизанский разведчик поплатился жизнью, пытаясь найти лазейку к полотну железной дороги. Харламов и Филиппов решили эту трудную задачу. Теперь им предстояло провести всю колонну по зигзагообразной узенькой полоске земли, свободной от мин.

Володя Голуб догнал головной дозор и, едва переводя дыхание, обрушился на проводников за то, что они отрываются от колонны, забывают об усталости своих товарищей.

— Лобанов приказал не отрываться, шаг поубавить!

— А вы хотите, чтоб рассвет тут нас застал? — ворчливо ответил Филиппов, но пошел тише.

Впереди появились контуры кустарника. Проводники облегченно вздохнули. Один особенно опасный отрезок маршрута позади. До рассвета надо пройти рощу и, самое трудное, — открытую местность с близко расположенными по сторонам двумя населенными пунктами, в каждом из которых стоят немецкие войска, отводимые на отдых. Этот «коридор», как прозвали его разведчики, наиболее тяжелый участок на всем пути. Филиппов утверждает, что легче прорваться в ушко иглолки веревку, чем благополучно пройти по «коридору».

По мере движения растут напряжение и усталость, но, невзирая на это, партизаны шагают. Донимают лямки плотно набитых рюкзаков и вещевых мешков с продовольствием и боеприпасами. Они режут так, что кажется — вот-вот руки отвалятся...

Наконец и роща осталась позади. Впереди — просторное ровное поле. Теперь во что бы то ни стало надо достичь леса до рассвета, в противном случае — гибель неминуема...

Справа в темном пятне низины угадывается село. Там наперебой голоса петухи.

По колонне то и дело едва слышно передают приказания Лобанова:

— Шире шаг!

— Поднажать!.. Не отставать!

Уже ощущается приближение предрассветных сумерек.

Постепенно темное пятно расплывается, из него,

словно грибы из-под прелых листьев, начинают выглядывать крыши сельских хат. У каждого одна мысль: «Только бы не заметили!» И люди шагают, хотя каждый шаг стоит им больших усилий.

Наконец сквозь серую мглу вдаль возникают едва уловимые очертания леса. Кажется, что он еще очень далеко, что рассвет наступит раньше, чем удастся углубиться в него. И партизаны еще и еще прибавляют шаг, испытывая при этом такое ощущение, будто они впряжены в плуг и вспахивают поле.

Опушки леса колонна достигла, когда уже забрезжил рассвет. Выражение лиц у партизан такое, словно война окончилась и они пришли в родной дом...

Острые запахи сырой земли, вянущих трав и прелой древесины освежают выбившихся из сил людей. Колонна безостановочно углубляется в лес. Темп движения, конечно, резко замедлился, люди идут, стараясь не шуметь, но это не удается. Хрустят сучья под ногами, трещат ветки, за которые задевают ящики с толом, притороченные к седлам.

Вдруг головные остановились, стали прислушиваться. Замерла на месте и вся колонна. В лесную чащу проник шум приближающегося поезда.

— Это контрольный, — поясняет Филиппов Лобанову.

— После него начнется движение, — коротко добавляет Харламов.

Колонна снова пускается в путь. Лишь через полтора часа партизаны достигают места, намеченного для дневки. Соблюдая полнейшую тишину, люди освобождаются от ноши, а некоторые опускаются на землю вместе с рюкзаками. Подрывники торопливо развьючивают лошадей, и они тотчас же со стоном ложатся, не в силах дожидаться, когда с них снимут подложенные под ящики с толом одеяла, дерюги или трофейные шинели. Беднякам тоже тяжело дался этот пятидесятикилометровый форсированный марш, от них валит пар.

Едва отдышавшись, партизаны приводят в порядок оружие, переобуваются. Здесь каждую секунду надо быть наготове.

Лобанов уже выставил посты наблюдения, назначил дневальных. Со стороны железной дороги через

короткие промежутки времени доносится шум поездов. Вражеские эшелоны непрерывным потоком идут на восток. Партизаны невольно подсчитывают их количество, и с каждым разом тяжелее становится на душе.

— Один за другим гонят, сволочи! Десятый тарактит... — со злостью говорит Володя Голуб.

— Да! Подсчитать эшелоны не трудно, а вот как сосчитать, сколько смертей и увечий везут они нашим людям, сколько заключено в них слез и страданий наших матерей, жен и детей... — задумчиво произносит Лобанов и как бы подытоживает: — Что ж! Пора приниматься за дело...

Харламова и Филиппова он отправил на разведку к железной дороге. Пошел с ними и Костя Смелов, brave, никогда не унывающий паренек. А сам Лобанов, вместе с врачом (он же комиссар группы) Бронзовым и подрывниками Завгородним и Гибовым отправился изучать окружающую местность на случай вынужденного отхода.

Они вернулись, когда было уже около девяти часов. Партизаны крепко спали на золоте осенних листьев. Глухая тишина нарушалась лишь птичьим гомоном и доносившимся время от времени грохотом проходящих поездов. Несмотря на усталость, Лобанов и Бронзов, не откладывая, занялись распределением людей для выхода ночью на разные участки дороги, но не успели довести дело до конца, как им доложили, что Костя Смелов возвращается с дороги один. Встревоженные, бросились ему навстречу Лобанов и Бронзов. Поднялись не успевшие еще заснуть Завгородний и Гибов. Костя сообщил, что его неожиданное появление обеспокоило товарищей и еще издали заулыбался, успокаивающе помахал рукой.

— Что случилось? — с ходу спросил Лобанов, оглядывая его с ног до головы. — Где остальные?

— На железке. Бухгалтерией занимаются... За двадцать пять минут прошло два эшелона с танками, самоходками и грузовиками. В одном сорок шесть вагонов, в другом — тридцать девять...

— Почему один? — перебил его Лобанов.

— Да потому, братцы, что на железке нет ни немцев, ни полиции, ни дьявола... Хоть садись на рельсы и

забивай в «козла»! Мост не виден, но Филиппов лазил на дерево, смотрел. Говорит — до него километра четыре, не более. Вот у меня в связи с этим мыслишка одна созрела...

Бронзов, до сих пор молча разглядывавший Костю, вдруг захохотал.

— Ты, Костя, похож на опереточного тамбур-мажора!

И в самом деле, выглядел Смелов карикатурно. Его приземистая фигура была облачена в длинный, свисающий ниже колен ярко-зеленый френч с отложным малиновым воротником и канареечными, шириной в ладонь застешками поперек груди. Румяное лицо Кости с ямочками на щеках и едва проступающим серебристо-белесым пушком расплылось в улыбке.

— Зачем же ты в этом цирковом балахоне пошел в разведку? — смеясь, спросил Лобанов.

— А что? С расчетом! Любой фриц, заметив меня, с перепугу в струнку вытянется!

— Вот именно «вытянется». Только кто? Даст очередь — и сам вытянешься...

— Не будем пророчить веселую жизнь... И вообще говоря, причем тут мое элегантно облачение? У меня, можно сказать, гениальная мыслишка есть, а вы не даете высказаться...

— Валяй, валяй! Выкладывай... — со смешком ответил Саша Гибов, надеясь, что и на этот раз Костя — любитель помечтать вслух — скажет что-нибудь забавное.

— Не «валяй, валяй», а говорю всерьез, — оборвал его Костя. — Думается мне, братцы, что надо всем нам вот сейчас же рвануть к железке и там — гира на мост!

Гибов рассмеялся:

— Ну и дает!

Выжидающе глядя на Костю, улыбались и другие обступившие его партизаны.

— Погодите смеяться... — обиделся Костя. — Ведь я был у самой дороги, нет там ни души, поэтому и думаю, что вполне возможно в открытую, прямо вдоль полотна, махнуть к мосту...

— Ну и что с того, что на полотне никого нет? За-

то на мосту есть охрана. Попробуй, сунься! — отозвался Завгородний.

— Днем-то полицаи караулят! Много они смыслят! Прикинемся полицейскими, они и подпустят к себе, а дальше дело техники... Будет порядок! Только не павсовать...

— А что? Идея мощная! — поддержал Володя Голуб.

— Заманчиво! — проговорил Лобанов. — Жаль только, что никто из нас не знает немецкого языка, чтобы напустить «туман» на полицейских. Будь у нас такой «немец», пожалуй, можно было бы рискнуть...

— А что если вырядить в немецкую форму Ваську Чеботару? — предложил Гибов.

— Какой же он немец! — удивился Завгородний. — Васька ни слова не знает по-немецки...

— Это не имеет значения! Важно, чтобы он походил на немца, а говорить будет по-молдавски; все равно полицаи ни черта не поймут — ни по-немецки, ни по-молдавски...

— Точно! — подхватил Костя. — А для пущей гарантии пусть почаще выкрикивает известные всем немецкие словечки, вроде «шнель», «фарштейн», «до-нер ветер» и тому подобное...

— Сила! — воскликнул Голуб. — Для начала пусть вернет им «а ля дойч» и будет порядочек... Уверен!

Бронзов и Лобанов переглянулись. От них как от старших группы партизаны ждали решающего слова.

— Идея неплохая... Но вот сумеет ли Василий хорошо сыграть свою роль? — задумчиво произнес Завгородний.

— Уверен! — воскликнул Володя Голуб. — А чтобы не было сомнений, устроим репетицию, оденем Чеботару в немецкую форму и посмотрим, как он будет изображать из себя эсэсовца.

На этом и порешили. Пока Бронзов, Лобанов и Завгородний обсуждали возможные последствия такого рискованного шага, Голуб успел обо всем рассказать Чеботару и переодеть его.

Вернулись из разведки Харламов и Филиппов. Они знали, с какой «мыслишкой» ушел от них Костя Смеров. Сообщив Лобанову, что проходы в заминирован-

ной полосе подготовлены, они очень дружно поддерживали идею Смелова.

— Правильно, — сказал Харламов. — Силой не сумели да и вряд ли теперь удастся, а хитростью можно... Чего-чего, а такого не то что полицейские, но и немцы от нас не ожидают. Именно поэтому они останутся в дураках.

— Молодец, Костя! Варит у него башка... — восхищенно воскликнул Филиппов.

— Ой, смотрите, смотрите, как Голуб нарядил Василия, — и Саша Гибов показал на приближавшихся Голуба и Чеботару.

Не зря товарищи прозвали Чеботару «телеграфным столбом». Долговязый и тощий, как жердь, он был на голову выше самых рослых ребят. А теперь, одетый в длинный трофейный плащ с погонями гауптмана, туго перетянутый широким ремнем, он казался еще более высоким. Вырядил его Голуб весьма искусно. У кого-то раздобыл жандармскую фуражку с задраным верхом, кокардой в виде хищно распахнувшего крылья орла и обрамленным позолоченными листьями козырьком. Нашел и немецкий пояс с надписью на пряжке «Гот мит унс». У правого бедра Чеботару свободно болтался парабеллум в огромной кобуре. Наконец, для придания Василию большей важности, Володя напялил ему на нос очки с толстыми стеклами. Очки пришлось спустить на кончик носа, так как смотреть через них Чеботару не мог — кружилась голова. Прижимая подбородок к груди, он глядел поверх оправы, что придавало ему чудаковато-строгий вид.

Некоторое беспокойство вызывал плащ, у которого обе полы были наискосок срезаны. Его владелец Володя Голуб как-то подсел к костру, чтобы обсушиться, и заснул, а когда проснулся, обнаружил, что край одной полы сгорел. Володя не огорчился, срезал обгоревший край, а для симметрии такой же кусок отрезал и от второй полы. Получился, как говорил Костя Смелов, «смокинг».

— Эка важность! Полицай подумают, что это новая форма, введенная фюрером. Пусть проверяют, если усумнятся, — с напускной небрежностью заметил Василий, приняв величественно-надменную позу.

— Вот что, Чеботару, — серьезно сказал Лобанов, —

шутки-шутками, а дело предстоит трудное и ответственное. Если не уверен, что сможешь сыграть роль до конца, то лучше скажи прямо...

Чеботару снял очки.

— Товарищ командир, Игорь Арсеньевич, положитесь на меня. Ведь я молдаванин, детство провел среди цыган. Все приходилось... даже на клубной сцене играл, как говорили, «подавал большие надежды». Неужто, думаете, не проведу каких-то лапотников-предателей? Со многими из них я встречался, когда после окружения шагал из-под Керчи, и, как видите, остался жив и невредим. А приходилось выкручиваться на все лады, прикидываться и чертом и ангелом. Словом, не беспокойтесь, не подведу.

Выслушав Чеботару, Лобанов молча пожал ему руку и обернулся к Бронзову.

— Что скажет комиссар? Рискнем?

— Рискнем!

О необычной операции вскоре узнали все подрывники и разведчики. Занялись подготовкой: снимали с шапок и фуражек красные лычки, одевали на рукава белые повязки, служившие отличительным знаком прислужников оккупантов — полицейских, договаривались о том, как вести себя, чтобы вернее обмануть врага. И тут Вася Чеботару в обычной для него шутиливой форме заявил Голубу:

— Ты, Володя, не обижайся, если для пущей убедительности мне придется перед мостом или на мосту смазать тебе по физиономии. Терпи! Руки по швам и... молчок! Понял? Ведь я офицер, а ты кто? Холуй!

— Ну, ну, полегче... Не то я тебе так «смажу»! — замахнулся Голуб, и оба рассмеялись. — Черт с тобой, бей, если нужно, только когда будешь гавкать, не забудь вставлять немецкие словечки...

К полудню сборы закончились, и группа в полном составе с навьюченными взрывчаткой лошадьми тронулась на выполнение операции, которой Костя Смеров уже успел дать название «Дранг нах мостен». Несколько раньше к железной дороге ушли Харламов и Филиппов. С ними для связи отправились еще два разведчика.

Недавняя усталость исчезла, будто ее и не бывало. Подтянутые и полные сил шагали партизаны, на ходу.

придирчиво разглядывая друг друга. Забавно выглядела санитарка Татьяна в эсэсовской каске. Над ней то и дело подшучивали, но в ответ она лишь щурила глаза, снисходительно улыбалась.

Колонну вел Костя Смелов. Путь ему был известен, но когда до дороги оставалось не более полутора метров, навстречу вышел один из связных. Он доложил, что на полотне появилась самокатная дрезина с двумя железнодорожниками.

— Судя по одежде, обходчики, должно быть, из местных жителей, — сказал он. — Дрезину сняли с рельс, положили на обочину, а сами подбивают шпалы, костыли заколачивают...

В первый момент Лобанову показалось, что это непредвиденное обстоятельство усложняет дело. Партизаны намеревались незаметно выйти на полотно, чтобы создать впечатление, будто движутся из какого-то села... Но как быть сейчас? Обсудив создавшееся положение с Бронзовым, Лобанов пришел к заключению, что появление дрезины, напротив, может облегчить выполнение задуманной операции. Он отдал приказ без шума захватить обходчиков.

Решили пропустить состав, который должен вот-вот появиться, и под шум удаляющегося поезда быстро приблизиться к обходчикам. Так и сделали. Спустя пять минут после того, как прошел эшелон, побелевшие от испуга железнодорожники уже были доставлены в лес. Это были местные жители, мобилизованные немцами на работу. Они слезно умоляли не трогать их, пожалеть семьи, детей, выражали готовность выполнить любое поручение партизан.

Доктор Бронзов спросил у обходчиков, приходилось ли им бывать на мосту? Оказалось, что именно там хранятся запасные рельсы, костыли, болты, лежат в штабелях шпалы и туда обходчики ездят по нескольку раз в день.

— Тем лучше, — заключил Бронзов.

— Значит, охранники вас знают, — добавил Лобанов.

Прошел еще состав. И как только его хвостовой вагон скрылся из поля зрения, партизаны поставили дрезину на рельсы. На ее передней скамейке важно

уселся Чеботару. Он быстро вошел в роль и стал прямо-таки неузнаваем.

Обходчики заняли свои места позади Чеботару, нажали на педали, и дрезина медленно покати́лась. Рядом с нею вдоль полотна двинулась длинная цепочка партизан и навьюченных лошадей.

В пути пришлось дважды стаскивать дрезину с рельс, чтобы пропустить поезда. Наконец показался мост, а полчаса спустя подошли к нему совсем близко. Видавшие виды партизаны еще никогда не испытывали такого нервного напряжения. Неотрывно смотрели они на постового полицейского, стоящего у ближайшего к ним конца моста. В его позе и движениях нет никаких признаков беспокойства. До моста остались считанные шаги. Полицейский, несомненно, уже признал обходчиков, заметил и гауптмана, восседающего на дрезине. Он выпрямился, встал во фронт и вперил глаза в начальство.

— Хайль! — невозмутимо глядя вперед, самоуверенно-наглым тоном бросил Чеботару, когда дрезина подкатила к мосту.

— Хайль Гитлер! — поспешно отвечивал полицейский и вскинул винтовку для приветствия.

— Кондолянцелe меле!* Контроль мостен, фарштей? — тем же тоном продолжал Вася Чеботару.

— Никс фарштейу дойч, господин охвицер, — с виноватой миной ответил полицейский, по-прежнему тараща глаза на гауптмана.

— Ми контроль! Контроль нах мостен! — говорит Чеботару. — Партизанен никс?

— Никс, никс, господин охвицер... — заискивающе заверяет полицейский. — Партизаны вже капут!

— А-а-а! Капут! Тюх, тюх... Гут! — со вздохом облегчения произносит Чеботару и вновь закатывает какую-то молдавско-немецкую абракадабру.

Увлечшегося своей ролью Чеботару прервал Лобанов:

— Разрешите, господин гауптман, приступить?

— О-о-о, конзшно! Приступайт контроль... Шнел!

Тем временем Костя Смелов подошел вплотную к полицейскому и уперся стволом автомата ему в живот,

* Мои соболезнования (молд.).

а Вася Филиппов выхватил у него винтовку, предварительно предупредив:

— Если жизнь дорога — не вздумай кричать...

Полицейский обомлел, затрясся от страха. А на мосту закипела работа: подрывники таскали ящики с толом, складывали их друг на друга, закладывали капсулы, подсоединяли бикфордов шнур...

Чеботару в сопровождении Николая Харламова и нескольких партизан размеренным шагом направился к противоположному концу моста, где стоял второй часовой, с изумлением взиравший на происходящее. Завидев приближающихся к нему людей, он засуетился, вскинул винтовку... Не было сомнений, что полицейский намерен поднять тревогу, но выстрелить ему не довелось. Его опередил Харламов, бесшумно выстрелив из снайперской винтовки. Полицейский упал и как мешок покатился с высокой насыпи к вновь выстроенному у подножья моста бараку. Немец, охранявший барак, подбежал к нему, наклонился и в страшном смятении бросился к висящему на столбе рельсу, чтобы ударить в набат. Партизаны оцепенели. Все пойдет прахом, если Харламов не уложит этого гитлеровца прежде, чем он успеет прикоснуться к рельсу! Немец уже схватил железный прут, когда щелкнул затвор винтовки Харламова. Часовой рухнул на землю, откинув руку, уже занесенную для удара...

Подрывник Завгородний завершал подготовку к взрыву, партизаны уводили лошадей, все шло как по маслу. Звонким голосом Лобанов подал команду:

— Всем отходить! Шнур подожжен!

И в этот момент из барака высыпали немцы и полицейские. Они открыли по мосту беспорядочную пальбу, но было поздно. Свисающий с моста бикфордов шнур дымил во всю! До взрыва оставались считанные секунды...

Первые попытки гитлеровцев подняться на мост партизаны пресекли огнем, теперь им уже не успеть предотвратить взрыв. Партизаны торжествовали, последние уже сбежали с насыпи, как вдруг до них донесся ликующий вопль фашистов и вслед за ним отчаянный крик Татьяны:

— Ребята! Шнур срезан!

Партизаны хлынули обратно на насыпь, броси-

лись к мосту, но никто не знал, что предпринять. Горящий кусок упал в реку. Поджигать снова остаток бикфордова шнура уже не было возможности. На противоположной стороне моста появились гитлеровцы. Вот-вот должен был подойти очередной эшелон. В отчаянии партизаны стали швырять в ящики с толом гранаты-лимонки, но одна угодила в ферму, другие пролетали между мостовыми балками и падали в реку... И вот в этот момент на мосту вновь появился Вася Чеботару. Он сбросил очки, фуражку, немецкий плащ и, крикнув: «Бегите, хлопцы, мэй! Я сам!» с противотанковой гранатой в руке устремился к полотну. Он бежал по мосту во весь рост и швырнул гранату в ящики, когда был от них в 15—20 шагах. Раздался оглушительный взрыв, огромный столб огня поднялся ввысь, и мост с грохотом обрушился в реку.

Но радость партизан была омрачена: погиб Вася Чеботару, погиб, сознательно отдав свою жизнь.

* * *

На восстановление моста немцам понадобилось около года. Мешали партизаны. Тем временем изменилась обстановка, изменились и роли. Фронт приблизился настолько, что теперь уже немцам впору было подумать о взрыве моста перед отступлением своих частей. И они готовились к этому. Но не дремали и партизаны. Они успешно осуществили операцию, задуманную в самом начале борьбы за мост, но тогда неудавшуюся, и, захватив его, удержали до прихода Советской Армии в целости и неприкосновенности.

ДРУЖБА, СПЯЯННАЯ КРОВЬЮ

Аchtung! Partisanen Kolpacow!» — такие таблички, наскоро написанные от руки, можно было увидеть в мартовские дни 1944 года на польских дорогах, ведущих к Раве-Русской, Холму, Люблину...

«Внимание! Партизаны Ковпака!» — этим же тревожным предупреждением пестрели приказы Главного командования вермахта, циркуляры гестапо и фельд-жандармерии, телефонограммы бургомистров и начальников частей так называемой службы безопасности или СД.

Уже больше месяца партизанская дивизия имени дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака громила фашистов на территории оккупированной ими Польши за сотни километров от линии фронта, поднимая народ на борьбу с гитлеровцами. На марше партизанская колонна растягивалась на шесть-семь километров. Пожары на фашистских фольварках, складах с боеприпасами и горючим были видны ночью за десятки километров, отмечая пройденный дивизией путь.

Встревоженное неожиданным появлением в этих местах партизан, гитлеровское командование в срочном порядке снимало свои части, находившиеся на отдыхе, разгружало эшелоны с войсками, следовавшими на Восточный фронт, чтобы быстрее расправиться с партизанами. Не раз, обнаружив дивизию с воздуха, гитлеровцы бомбили ее на марше, пытались навязать дневные бои, окружить и уничтожить. Однако, искусно маневрируя, партизаны всякий раз с боем прорыва-

лись из окружения и стремительно продолжали рейд.

Однажды после пятидесятикилометрового перехода, к рассвету, части дивизии расположились в близких одно от другого селах на кратковременный отдых. Дежурные роты заняли оборону, перекрыли дороги, ведущие к главным магистралям, а подступы к ним заминировали. Там, где предполагалось появление противника, были выставлены заставы, усиленные легкой артиллерией.

С наступлением дня всякое движение в расположении дивизии прекратилось, жизнь в селе, казалось, замерла. Только серовато-белый дымок струился из труб в пасмурное мартовское небо — это польские крестьяне готовили обед для партизан. Изредка, прижимаясь к изгородям, гуськом торопливо проходили разведчики: одни уходили на выполнение задания, другие возвращались. Через каждые пять-шесть домов, притаившись, стояли часовые и зорко следили за всем, что происходило вокруг, а главное, — за «воздухом».

В полковых санитарных частях не спали. Кипятили воду, стерилизовали шприцы и скальпели, нарезали бинты из грузового парашюта или из кусков домотканого холста. Тишину лишь изредка нарушал приглушенный стон раненых. Оперировали круглосуточно, ведь даже кратковременный отдых создавал «идеальную» обстановку, обычно операции делали чуть ли не на марше.

Стал располагаться на отдых и штаб полка. Войдя в просторную чистую комнату, старший лейтенант Томов, помощник начальника штаба полка по разведке, оглядел помещение. Хатой он остался доволен и тотчас же велел связным вносить имущество.

У большой крестьянской печи хлопотала пожилая полька — хозяйка дома. Обернувшись на шум, она добродушно спросила Томова:

— Пан бендзе у нас мешкать?

— Нет, хозяйка. Мешать мы вам не будем...

Полька сделала удивленное лицо, но промолчала. А когда связные стали вносить вещи, снова задала свой вопрос:

— Пан бендзе мешкать? Мешкать у нас?

— Что вы, мамаша, не беспокойтесь, не будем мы

мешать, — наперебой спешили заверить хозяйку связанные.

В это время с охапкой дров в руках в комнату вошел хозяин. Он о чем-то поговорил с женой и подошел к Томову.

— Пан мувил цо не бендзе мешкать, але юш мешкае... — учтиво проговорил он.

«Что за чертовщина! Придется, видно, перейти в другой дом, раз хозяева считают, что мы им мешаем...» — подумал Томов и хотел уже дать распоряжение подыскать для штаба другое помещение. Недоразумение разрешил полковой врач Зимма. Чех по национальности, он до войны долгое время жил в Польше и польский язык знал хорошо. Он-то и объяснил, что «мешкать» по-польски вовсе не означает «мешать».

— «Мешкать» — это жить, проживать... — сказал Зимма со смехом.

Обстановка сразу разрядилась. Пан Янек, так звали хозяина, оказался добродушным и словоохотливым. Он с готовностью объяснил, в каких направлениях от деревни расположены районные центры, какие там гарнизоны и что особенно старательно охраняется оккупантами. Все это было очень важно, тем более, что командование дивизии намеревалось задержаться в этих местах на два-три дня, так как после непрерывных боев партизаны очень нуждались в отдыхе.

Надо было дать передышку и коням. Длительные ночные переходы измотали их. К тому же почти все были раскованы. Правда, снег уже сошел, но по ночам, когда дивизия находилась в рейде, дорога подмерзала. Лошадей надо было ковать, и партизанские старшины собирали по селам кузнецов. К этому важному делу привлекли и пана Янека.

Во время обеда пан Янек неожиданно хлопнул себя по лбу:

— Старый дурень! Чуть не забыл! — и он рассказал, что по ту сторону шоссе на дороге Тарногруд-Замостье, в селе Щевня, одна польская семья укрывает раненого советского летчика. Более того, пан Янек сказал, что летчика будто бы привезли в тот дом... немцы!

Последние слова хозяина вызвали у партизан недо-

верие. Мало ли какие слухи ходят среди местных жителей! А те все выдают за правду.

Но пан Янек стал клясться, что это действительно так.

— Они даже доставляют ему продукты и лекарства... Так, так!.. А неделю назад на броневом автомобиле привезли к нему нашего лекаря, поляка из Билгорая.

— Вряд ли немцы стали бы укрывать советского летчика да еще доставлять ему медикаменты и продукты. Не верится что-то! — скептически заметил Томов.

Но доктор Зимма был другого мнения:

— А почему бы и нет?.. Может, среди немцев есть коммунисты!..

Томов пожал плечами, однако о рассказе пана Янека немедленно доложил командиру полка и в штаб дивизии.

К вечеру того же дня была снаряжена небольшая, хорошо вооруженная группа из конных разведчиков посаженных на подводы взвода автоматчиков, отделений бронебойщиков и пулеметчиков и приданной сорокапятимиллиметровой противотанковой пушки на конной тяге с расчетом. Задача состояла в том, чтобы доставить в дивизию раненого летчика, если рассказ пана Янека подтвердится. Командиром назначили старшего лейтенанта Томова, в последний момент решили, что с группой пойдут комиссар батальона капитан Тоут и доктор Зимма. Летчику, возможно, придется оказать медицинскую помощь. Проводником пошел пан Янек.

Группа шла всю ночь. Пан Янек знал местность отлично и вел партизан кратчайшей дорогой. Однако чем ближе подходили партизаны к намеченной цели, тем больше убеждались, что к рассвету Щевни не достичь. Дорогу, как нарочно, развезло, и местами, в низинах, колеса пушки и подвод вязли по ступицы. Шли медленнее, чем предполагали, и это несколько изменило намеченный план.

К семи часам утра группа вышла из леса. Впереди лежала открытая местность. Засветло тут идти было уже небезопасно, тем более, что невдалеке виднелось шоссе. По словам пана Янека, здесь уже с раннего утра начиналось непрерывное движение.

Но Томов решил двигаться вперед. Взмыленные кони пошли рысью.

Когда рассвело, партизаны находились в полутора километрах от шоссе. Удастся ли перемахнуть его незамеченными?

— Может, вернемся в лес, а вечером сделаем бросок? — предложил Тоут.

Томов имел уже немалый опыт партизанской борьбы, но сейчас и он оказался в затруднении. Что делать? Перед ними за гребнем лежит шоссе. Двигаться дальше или вернуться?

Томов осмотрелся. Сквозь пасмурную пелену рассвета далеко позади видна стена леса. Приостанавливать выполнение задания не хотелось...

Светало. Конные разведчики шли впереди, за ними громыхали подводы с автоматчиками. До шоссе оставалось не более пятисот метров. Длинный пологий гребень, за которым оно скрывалось, уже ясно различался. Разведчики приблизились к гребню. Но вдруг они развернулись и галопом поскакали обратно. Из-за гребня показалась бронемашина.

Томов так и не успел ответить Тоуту. Партизаны мгновенно соскочили с подвод и рассредоточились. Но куда спрятать шесть подвод, полтора десятка конников и пушку? Однако бронемашина огня не открывала, хотя было ясно, что партизан уже заметили. Машина остановилась, люк на башне открылся, и показался немец. Он стал рассматривать отряд в бинокль.

Артиллеристы тотчас же сняли пушку с передка, но бронемашина по-прежнему не открывала огня. Молчали и партизаны. Обе стороны будто прощупывали друг друга.

— Наверное, принимают нас за полицию, — проговорил Тоут.

Но вот машина заурчала и тронулась с гребня вниз. Снова остановилась и снова из башни выглянул человек с биноклем. Затем она двинулась прямо на партизан.

Командир орудия доложил о готовности открыть огонь. Бронебойщики залегли по обеим сторонам дороги.

Однако Томов медлил, ему хотелось подпустить врага ближе. Кругом стояла тишина. Слышен был

лить вой мотора: было грязно и бронемашина иногда буксовала. По-прежнему все молчали. Напряжение достигло предела. «Еще несколько метров, и подам команду «Огонь!», — подумал Томов. Но что это? Башня с направленной на партизан пушкой вдруг развернулась на сто восемьдесят градусов.

— Без команды не стрелять! — приказал Томов.

Напряженные секунды казались часами. Бронемашина опять остановилась. Опять высунулся из башни немец. Он долго рассматривал партизан в бинокль. Торчавший из машины ствол пулемета поднялся вверх. Похоже, экипаж дает понять, что он открывать огонь не собирается. Странно! Не ловушка ли это? Опыт подсказывает, что надо быть начеку. И Томов командует:

— Орудие повернуть стволом назад, но быть готовыми открыть огонь!

Пушку поворачивают. Это производит впечатление. Из машины выпрыгивает человек в немецкой форме, но в берете. Он бежит к партизанам и на ходу изо всех сил кричит:

— Франсез! Камарад! Франсез!

Доктор Зимма хотел что-то сказать, но Томов, сбросив с себя полушубок и передав автомат пану Янеку, уже шагнул навстречу бежавшему. Он знал французский не хуже полкового врача. И вот человек в немецкой форме и черном берете уже в двух шагах от партизанского командира. Лицо его выражает и радость и в то же время растерянность. Он с удивлением оглядывает Томова и, видимо, еще не верит, что находится среди друзей: на Томове немецкий френч, венгерские галифе, огромные сапоги с замысловатыми польскими шпорами и свисающий сбоку маузер в деревянной колодке... Взгляд человека в черном берете скользит по куранке. Он замечает красную звездочку и расплывается в улыбке.

— Ну сомм франсез, камарад!* — радостно восклицает он и показывает Томову трехцветную нашивку на рукаве с надписью: «FRANCE».

— Значит, вы француз? Прекрасно! — говорит Томов, к удивлению француза, на его родном языке.

* Мы французы, товарищи. (франц.).

На лице человека в берете засияла такая улыбка, словно он встретил родного брата, которого считал погибшим. Томов говорит, что они — русские партизаны. Француз вскидывает руку, как-то по-особому разворачивает ладонь и берет под козырек.

— Аджудан-шеф Легре!.. Механик Мишо Легре... Ву зет партизан советик? Кольпак, не-с па?*

Некоторые партизаны, подойдя поближе, с любопытством разглядывают француза. Часть бойцов во главе с комиссаром Тоутом остались «на всякий случай» у пушки.

Доктор Зимма не хочет упустить представившейся возможности блеснуть знанием французского языка и на ходу переводит.

Но тут вмешивается кто-то из задних рядов:

— Француз, коммуна, марсельеза — гут! Чуешь? Русиш партизан, Ковпак — тоже гут!.. А Гитлер, щоб вин болтался на дубку, — фашист, капут!.. Вразумел?

По басистому голосу нетрудно догадаться, что это говорит бронебойщик Холупенко. Партизаны дружно смеются. Но француз, оказывается, тоже понял все.

— Уй, уй... Хитлер капут! Вив ле партизан де л'Юнион Советик! Э вив Франс либр!** — весело произносит он и исчезает в широких объятиях Холупенко.

Но вот из машины вылезает еще один человек в немецкой форме и берете. Он тоже бежит с радостными возгласами, скользя по грязной дороге. Теперь уже обходится без рапорта, сразу начинаются рукопожатия... Это тоже француз, его зовут Жозеф. Он говорит, что и он и Легре — французские коммунисты.

Партизаны очень рады такой неожиданной встрече. Однако глаз с дороги не спускают. Это замечают и французы. Легре спешит всех успокоить: пока они не доложат комендатуре в Билгорае о том, что вокруг все в порядке, движение на шоссе не начнется. Их бронемашина — дежурная.

Зимма все это моментально переводит партизанам.

* Старший фельдфебель Легре! Механик Мишо Легре... Вы советские партизаны? Ковпак, не так ли? (франц.)

** Да, да... Гитлер капут! Да здравствуют партизаны Советского Союза! И да здравствует свободная Франция! (франц.)

Тем не менее, Томов направляет двух конных разведчиков к гребню.

Легре и Жозеф рассказали, что их дивизион броневых автомобилей дислоцируется в Краснобруде; многие французы настроены против немцев. Вишистское правительство Пэтена и Лавалья мобилизовало их насильно... Но и здесь они выполняют задания партии.

— Есть парни — что надо! — подмигивая, говорит Легре и вытягивает большой палец. И тотчас же с истинно французским темпераментом заявляет, что и он и Жозеф готовы хоть сию же минуту перейти к партизанам.

Договорились быстро. Встреча назначена на четырнадцать часов. Назначается и место: недалеко от Замостья в небольшом лесу.

Доктор Зимма спрашивает пана Янека, можно ли будет пройти туда лесом. Пан Янек утвердительно кивает головой.

Сверяют часы. У французов, оказывается, отстают на час, они переводят стрелки вперед. Легре бросает: «Равнение на Москву!» Он, видно, малый веселый. Почти все время шутит и часто произносит: «Ту ва бьен»*. Он говорит, что они прибудут на броневом автомобиле, а возможно, и не на одной...

Вскоре французы уходят, они не прощаются. И вот бронемашина уже скрывается за гребнем.

Томов отдает приказ двигаться назад, к лесу. Оттуда, отдохнув, часть партизан отправится к месту встречи с французами, а другая дождетс темноты и пойдет в Щевню за раненым летчиком. Назначено и место общего сбора.

Но лес, в котором партизаны собирались отдохнуть, оказался редким и проглядывался очень далеко. Там, где была назначена встреча с французами, он оказался более густым. Невдалеке виднелась небольшая деревушка.

Кто-то предложил разведать деревушку, а заодно раздобыть и провиант. Но Тоут категорически запретил выходить из леса. Закусили хлебом и салом. Все были под впечатлением встречи с французами, и каждый толковал их поведение по-своему. Однако все

* Все будет хорошо (франц.).

сошлись на том, что честные люди любой страны ненавидят фашистов. Потом заговорили о французском народе, его истории, культуре... Особенно оживился доктор Зимма. Он многое знал и охотно делился своими познаниями. Люди устали, но никто не думал ложиться спать. Все с огромным вниманием слушали доктора. Он вообще был любимцем полка.

До войны в Польше у него была семья. Когда туда пришли гитлеровцы, Зимма отказался у них работать. Тогда гестаповцы, в числе других патриотов, повели его вместе с семьей на расстрел. Спасся Зимма чудом. Гитлеровцы не закопали своих жертв, а он был лишь тяжело ранен. Придя в сознание, пополз в лес, где его и подобрала много дней спустя партизанская разведка. Доктор Зимма выздоровел и остался у партизан. На его груди уже алел орден Красного Знамени.

Рассказчиком он был великолепным, хотя по-русски говорил с польским акцентом. Его всегда слушали, затаив дыхание. А иногда и добродушно посмеивались над теми казусами, которые случались с ним.

Он, например, однажды заявил решительный протест начальнику штаба и командиру полка по поводу того, что его фамилия в официальном приказе написана писарем через одно «м». Писарю сделали замечание. В следующий раз писарь перестарался и написал его фамилию с тремя «м». Дело чуть было не дошло до штаба дивизии. Однако доктора успокоили, и все обошлось благополучно. Но Зимма был не только педантичным и требовательным, он еще был жизнерадостным и любил пошутить. Случай с фамилией он истолковал по-своему:

— Теперь мне все понятно!.. Да! Идет 1941 год. Русские войска отступают к Москве и писарь пишет мою фамилию через одно «м»... Наступает 1944 год. Русские войска перешли в наступление по всему фронту... и писарь пишет мою фамилию через три «м»! Все ясно: русские раскачались!.. Не дай бог их тронуть!..

Партизаны смеялись всякий раз, когда об этом заходил разговор. И сейчас доктор Зимма шутил, хотя выражение его лица оставалось серьезным.

Но вот время уже подошло к назначенному часу. Партизаны приготовились. Приготовились они на всякий случай и к другой встрече... Что поделаешь, война!..

Всякое может быть. Ведь дело имеешь с людьми, которые служат у врага. Часы показывают 15.30. Пока никого не видно. Проходит еще полчаса. Никто не появляется. Партизаны ждут еще час. Французов нет. Всех стали одолевать сомнения. Неужели французы обманули? Кто-то вслух высказывает эту мысль. Ему никто не отвечает. Минутная стрелка прошла еще тридцать делений...

Сразу заговорило несколько человек.

— Точно! Очередная провокация... Зря мы их не прихлопнули...

— Вот вам и «фрицам капут!»

Рыжеватый пулеметчик с рябым лицом начинает злиться.

— Да ну их... все они как только попадутся, начинают юлить. Чесануть бы их и точка!.. А то развели с ними «парле-марле-франсе...» Холупенко даже в обнимку полез... Мэрси!

Холупенко, сидевший до этого неподвижно, вдруг соскочил с телеги и, схватив свое противотанковое ружье, словно это была теннисная ракетка, замахнулся на пулеметчика.

— Замолкни! Чуешь? Бо я тебя зараз, знаешь!..

Пришлось вмешаться комиссару, но пулеметчик продолжал ворчать:

— А что, неправда? Где у них партбилеты, если на самом деле коммунисты?! Сказать всякий может что угодно... Пусть бы предъявили партбилеты...

Но грозный взгляд Холупенко все же заставляет пулеметчика замолчать. Садясь в телегу, разгневанный бронебойщик рассуждал вслух:

— Чего захотив, партбилеты?! Може ще и командировочну цидулу тобі пидать?.. Грамотей!..

Тоут сделал знак Холупенко прекратить разговор. Бронебойщик замолчал. Комиссара Иосифа Иосифовича Тоута не только слушались и уважали, его любили. Венгр по национальности, уроженец города Дебрецена, капитан Тоут был человек исключительно храбрый и принципиальный. Слова у него не расходились с делом, а говорил он мало, сдержанно. И если уж Тоут сказал что-нибудь, значит, так оно и должно быть... Вот и сейчас, стоило ему только головой кивнуть, как все замолчали.

А время шло. Уже стемнело, однако французов все не было. Тоут вопросительно посмотрел на Томова.

— Почему-то запаздывают... Худо только, что скоро совсем стемнеет и это усложнит встречу... — спокойно отвечает тот на вопросительный взгляд комиссара.

— Да и заблудиться могут... — так же спокойно произносит Тоут, словно ничего другого допустить нельзя.

Вдруг со стороны Замостья донеслись орудийный выстрел и чеканная дробь крупнокалиберного пулемета. Потом послышался отдаленный взрыв.

С наблюдательного пункта, расположенного на дереве, связисты сообщили, что ими замечен пожар. Вскоре столб черного дыма стал виден всем. Пан Янек пояснил, что горит где-то в районе железнодорожной станции.

Спустя некоторое время связисты передали, что по шоссе, со стороны Замостья, движется бронемашина. Но что это? Она проехала место, где должна была свернуть. Потом вдруг остановилась и, развернувшись, стала съезжать по откосу вниз. Неожиданно машина исчезла из виду, будто провалилась сквозь землю.

Шесть конных разведчиков по приказу Томова помчались галопом к шоссе. За ними поскакал Томов с остальными разведчиками и доктором. Приблизившись, партизаны увидели в небольшом овражке перевернувшуюся на бок машину. Из него разведчики извлекли окровавленного человека в немецкой форме. Он был без сознания.

— Это не наш! — восклицает кто-то. — Это другой!..

— Чего «не наш»... Гляди, у него тоже нашивки с полосками на рукаве! — возражает ему кто-то в темноте.

— Да ты не понял. Я говорю, что это не тот, который был у нас. Тот маленький, а этот, смотри, какой детина!

— Давайте его на подводу... Только подстелите соломки. И ехать, Бондаренко, осторожно, слышите! — доносится голос доктора Зиммы.

Из бронемшины извлекают еще одного француза. Но этот уже мертв. Только сейчас обнаруживается,

что у машины в верхней части пробоины; разворочен снарядом и угол башни. В машине больше никого нет. Где же Легре и Жозеф? Что с ними? Почему их нет?..

В Замостье пожар стал утихать, но зарево все еще видно. Из темноты появляется конник. Это связной от Тоута. Он докладывает, что к ним пришли три француза.

— Из тех, что были утром, есть кто-нибудь? — спрашивает Томов.

— Есть. Один... Тот низенький, что обнимался с Холупенко. И с ним еще двое...

Вскоре Томов и Легре жмут друг другу руки, как старые знакомые. Оба спутника Легре — бельгийцы. А Жозефа нет. Легре рассказывает, при каких обстоятельствах погиб его соотечественник. Оказывается, перед тем как уйти, они решили отомстить: из пушек и пулеметов расстреляли вагон с гитлеровской охраной на железнодорожной станции. Другая бронемашина, в которой находился командир дивизиона, французский лейтенант, подожгла выстрелом своей пушки цистерну с горючим. От пожара стали взрываться остальные цистерны. Немцы всполошились, перекрыли все дороги. И только одной бронемашине, той, что свалилась в овраг, удалось прорваться. А Легре и его друзьям пришлось пробираться к лесу пешком.

Тем временем при свете фонарика Зимма осмотрел раненого французского лейтенанта.

— Ранение будто не тяжелое. Но он потерял много крови, нужно срочно подыскать помещение!..

Тогда было решено, что в Щевню за летчиком отправится Томов с разведчиками и артиллеристами. Остальные же под командованием Тоута пойдут в близлежащий хутор, где будут ждать их возвращения.

Когда Легре узнал, что партизаны идут в Щевню за раненым летчиком, он чуть не захлопал в ладоши. Ведь летчика укрыли у поляков он и Жозеф. Это они доставляли ему медикаменты и продукты. Они же на своей бронемашине привозили в Щевню польского врача, когда летчику стало очень плохо. И Легре попросил взять его с собой.

— Ту ва бьен! — заключил он.

Особенно был рад пан Янек: как же, его сообщение подтвердилось!

...К полуночи группа Томова уже вернулась в хутор. Немцев не было. Они наезжали сюда только днем.

В дом, где расположился доктор Зимма с раненым французом, внесли летчика. У него было пулевое ранение в область правого легкого и сильно обожжены лицо и руки, но чувствовал он себя терпимо. Польский врач, которого привозил Легре из Билгорая, оказал ему своевременную помощь. Хуже обстояло с французским лейтенантом. Он был еще без сознания. Зимма сказал, что прежде всего ему необходимо сделать переливание крови.

— Может, тогда еще выживет. Но кровь нужна только первой группы, иначе...

Томов спокойно протянул руку:

— У меня первая. Берите.

Зимма взглянул на Томова недоверчиво.

— Берите смело! До войны я был донором.

Зимма смастерил на скорую руку «аппарат» из обычного шприца и резиновой кружки со шлангом. Хозяева дома помогали чем могли: затопили печку, вскипятили воду, отдали лучшие подушки, полотенца. Когда Зимма попросил чистую простыню, старушка-полька достала из кованого сундука белоснежную простыню с широкой кружевной оборкой. Подавая ее доктору, сказала:

— Эта простыня, пан доктор, еще от приданого осталась. Я ее берегла с той войны... Но мне не жалко. Вы бьете лиходеев, от которых еще в мировую погиб мой отец... Берите все, что вам потребно, не стесняйтесь, родные!

...Процедура переливания крови заняла уйму времени, но зато француз пришел в себя и вскоре уснул. А незадолго до рассвета партизаны покинули гостеприимных поляков. Шли назад бодро: задание выполнено! Только на следующую ночь группа Томова достигла расположения полка. Здесь по-прежнему было пока спокойно, хотя, по донесениям разведчиков, в соседние села прибывали войска с артиллерией и даже танками. Видимо, место расположения партизан стало известно немцам и они — в который раз! — готовились снова окружить неуловимую дивизию.

Это утро началось с прилета «рамы». Фашистский самолет покружился над селом, но вскоре улетел, ни-

чего не обнаружив. Партизаны уже научились хорошо маскироваться.

Легре был оставлен в полковой разведке — уж очень он сдружился с Холупенко. Бронебойщик прозвал своего друга «Марсельезой»... Бельгийцев зачислили в саперный взвод. Раненый французский лейтенант пока остался в распоряжении доктора Зиммы. Он был очень плох, и Зимма еще не раз переливал ему кровь. Легре по этому поводу отпускал очередную шутку:

— Несмотря на все усилия медицины, мой лейтенант все же выживет!..

Но Зимма не обижался и отвечал Легре его же поговоркой: «Ту ва бьен!» У Томова он крови больше не брал, подходящая кровь оказалась у Холупенко, к тому же у него ее было более чем достаточно.

Серьезную операцию нужно было делать летчику. Его срочно готовили к эвакуации на Большую землю. Особенно трогательно прощался летчик с Легре, спасшим его от плена. Ночью на партизанском аэродроме они поклялись встретиться после войны. Взволнованный летчик чуть не прослезился, а Легре, стоя у телеги с носилками, тихонько хлопал его по плечу и говорил:

— Мон камарад, ту ва бьен!..

Но когда самолет взлетел, все увидели, что по щекам Легре катились слезы. Он долго не мог выговорить ни слова...

Быстро подружился Легре и с партизанами. Он был очень общительным, веселым. Излюбленное выражение «Ту ва бьен!» не сходило с его уст. Француза редко видели мрачным. Лишь вспоминая Марсель, где у него остались старая мать, жена и дочурка, он хмурил брови, задумывался. Да еще, когда говорил о гибели Жозефа. А в остальное время Легре больше шутил, отчаянно при этом жестикулируя. Подружился он и с Томовым. С ним ему было легко. Они обходились без переводчика и без обычных «пояснительных» жестов. Легре подробно расспрашивал Томова о Москве и часто говорил, что к себе на родину он вернется непременно через Москву, чтобы побывать в Мавзолее.

Еще в первый день по прибытии Легре в полк Томов подарил ему свою овчинную шубу, полученную в

Москве перед отправкой в тыл врага. Французу она пришлось по душе — стояли холода, а он был в куценьком френчике. Легре очень любил рассматривать себя в шубе в зеркало и всегда с особым пафосом восклицал:

— Тепло, хорошо и госпожа маркиза прекрасна!..

Как-то комиссар Тоут сказал в шутку, что скоро наступит весна и ему придется сбросить шубу.

— О мой комиссар, вы ошибаетесь, — ответил Легре. — В этом пальтишке я приеду после великой победы в Марсель, даже если будет сорокаградусная жара!.. И поверьте, мой комиссар, вряд ли кто усомнится, что столь элегантно творение куплено не на валюту в «Галери Лафайет»!..

...Шли дни, шли бои. Дивизия продолжала свой рейд и, как любил выражаться Холупенко, «робила шухэру». Легре усвоил это своеобразное выражение своего неразлучного дружка, приставив к нему частицу «де», означающую родительный падеж.

— Мон шерр Холлюпенько, се-одня ми делат де шухэру, уй?

— Всэ будэ, Марсельеза, не горюй! — отвечал своим басистым голосом Холупенко. — Сегодня хфорсируем две «жилизки» — раз. Компранэ? Та водну «шоссейку» — два. Та ще у Билгорае зробимо «шухэру», да знаешь якого?! — и Холупенко делал резкое движение рукой.

Тем временем окончательно поправился французский лейтенант. Он тоже был зачислен в полковую разведку. Этот француз был полной противоположностью Легре. Высокий, худой, сдержанный, с изысканными манерами, он держался всегда в стороне, молчаливо и скромно. Если с Легре партизаны балагурили как с равным, то лейтенанта они стеснялись.

Дивизия вела тяжелые бои на подступах к Беловежской пуще. Обстановка с каждым днем и даже часом все более осложнялась. Партизаны пытались прорваться в гущу леса, а гитлеровцы старались этого не допустить. К тому же погода стояла скверная, шли непрерывные дожди, дороги раскисли, ночи были темные, обоз санчасти вырос до двухсот подвод...

К рассвету полк достиг Рожковки, небольшой деревни на подступах к Беловежской пуще. Шедшая в голове колонны разведка натворила на фашистскую засаду. Партизаны залегли. И вдруг послышался голос Легре:

— Мой лейтенант, предъявим бошам наши верительные грамоты... Не стесняйтесь! — и он первым бросился вперед.

В коротком бою засаду смяли, но в Рожковке немцы держались упорно: пришлось с боем брать хату за хатой. Наконец путь в Беловежскую пущу был свободен.

Уставшие от переходов и боев, промокшие от обильных и частых дождей, партизаны расположились на отдых. У небольшого костра собрались разведчики. Послышался смех, это вспоминали, как француз «предъявлял» фашистам «верительные грамоты». Легре заявил, что теперь он является «чрезвычайным и полномочным послом французской компартии в партизанской дивизии Ковпака».

Французский лейтенант стоял, прислонившись к дереву, держа в одной руке большой ломоть черного хлеба, в другой — кусок сала. Тут же были Томов и доктор Зимма — санитарная часть расположилась рядом. Вдруг все как-то сразу умолкло. Усталость давала себя знать. Каждый думал о чем-то своем. Но Легре опять нарушил тишину. С серьезным выражением лица он заявил Томову:

— А знаете, теперь лейтенант Жан-Пьер уже не стопроцентный граф!..

Зимма перевел слова Легре, на что один разведчик заметил:

— Еще бы!.. Сало-то уплетает, будь здоров, как наш брат...

Однако Мишо намекал на другое.

— О, нет, мои камарады... Сейчас я говорю серьезно. Наш лейтенант по возвращении во Францию будет лишен графского титула. У него теперь в жилах течет полкружки русской крови командира разведки Томова да, наверно, целая фляга от моего украинского камарада Холлюпенько. Но, кажется, наш добрый доктор подлил ему еще венгерской крови комиссара Тоута!.. Естественно, что после такого «ассорти» называться

чистокровным графом как-то неудобно... Это уже, скорее, эрзац-граф!..

Зимма переводил слова Легре под неумолкающий смех партизан. Жан-Пьер смущенно улыбался. Однако в шутке Легре заключалась солидная доля правды. Жан-Пьер на самом деле был графом и происходил из весьма состоятельной и знатной семьи де Шаррон. К тому же был племянником какого-то кардинала из Турнье. Но это не мешало ему сейчас воевать вместе с партизанами Ковпака, ходить с ними в разведку и бить гитлеровцев.

Отдых был нарушен командой: «В ружье!» На флангах дивизии шла перестрелка, и вскоре все полки приняли участие в бое. Командование дивизии приказало старшему лейтенанту Томову под охраной полковой разведки увести обоз и санчасть в лес. Но по лесным опушкам стояли гитлеровские заслоны. Один такой заслон был разгромлен партизанами с хода. Санчасть и обоз вошли в лес. Здесь все вздохнули облегченно. Из-за туч вынырнуло солнце. Если бы не шум боя, доносившийся со стороны Рожковки и близлежащих хуторов, на душе и вовсе было бы спокойно.

Стрельба иногда затихала и временами даже прекращалась, но потом возобновлялась с новой силой. Гитлеровцы, видимо, подбрасывали все новые и новые подкрепления. Вскоре обоз остановился, разожгли небольшие костры — партизаны сушили одежду, чистили оружие, перезаряжали пулеметные и автоматные диски. Доктор Зимма обходил со своими санитарами раненых и на ходу делал перевязки.

Недалеко от штабной телеги расположились разведчики, там снова слышался смех. Томов подошел к ним. Ну, конечно же, здесь неугомонный Легре. И Жан-Пьер тут, только он сидит в сторонке на пне и, сдержанно улыбаясь, приводит в порядок свои ногти. Увидев Томова, лейтенант выпрямился. Томов вопросительно посмотрел на него.

Легкая улыбка скользнула по лицу Жан-Пьера.

— Наш аджупет дает очередной спектакль.

Томов присел рядом с французом и достал кисет. Оба закурили, скрутив «козы ножки» из крепкого самосада. Стрельба совсем прекратилась. Лес дышал спокойствием, уютом. Все располагало к беседе. И

француз рассказал Томову грустную историю из своей жизни.

Еще до войны, будучи в гостях у своего дядюшки в Турнье, он познакомился с одной девушкой, звали ее Сюзан. Работала она шляпницей в небольшом ателье у какой-то вдовы.

— По-моему, это была ее дальняя родственница. Мы недолго встречались, но полюбили друг друга, — тихо проговорил Жан-Пьер и умолк.

Подошел Легре, берет у него ухарски сдвинут на затылок. Томов подал кисет и ему, тот тоже закурил.

Жан-Пьер заговорил снова, медленно, задумчиво. Он говорил о Сюзан, и в его голосе слышалась тоска.

Томов спросил, не сохранилась ли у него фотография девушки.

Француз отрицательно покачал головой.

— Она была настоящим человеком!.. — вмешался Легре. — Кстати, ты мне так и не сказал, она была красивая?

Жан-Пьер слегка пожал плечами:

— Как тебе сказать, мой друг. Красавицей ее назвать было нельзя. Но в ее взгляде было что-то такое... Как бы это объяснить? Ну, какая-то готовность к самопожертвованию, преданность, искренность, чистота... Понимаешь?

— Она была вашей невестой? — спросил неожиданно Томов.

— О, нет! — с сожалением воскликнул Жан-Пьер. — Это было невозможно... Я из графской семьи, а она — обыкновенная шляпница... Мои родные никогда бы не согласились... Я должен был выбирать: родные или она. А тогда я был еще молод... Делал вид, будто езжу к дядюшке в Турнье, в действительности же встречался с ней... Вскоре боши ворвались во Францию. Я забеспокоился о Сюзан и поехал в Турнье. Ателье было уже закрыто. Не нашел я и Сюзан. Только через полгода я напал на ее след. Но было уже поздно.

Томову показалось, что голос француза дрогнул. Он искоса посмотрел на него, но тот отвернулся.

— Ее арестовало гестапо. — после минутной паузы добавил Жан-Пьер.

— А вы не пытались ее освободить? — спросил Томов.

Жан-Пьер грустно улыбнулся:

— Все, что мог, я делал. Предлагал много денег, поил кого надо и не надо, заводил знакомства с грязными типами, которые имели связи с бошами... Даже прошения писал. Но, сами понимаете, гестапо!.. Одно время меня обнадежили. Один кагуль* путался с высокопоставленными бошами. Мне говорили, что он вхож к гитлеровскому верховному комиссару в Париже. Я писал и этому генералу, был у него на приеме... Даже подарил ему одну нашу фамильную драгоценность. Он обещал. Я надеялся и ждал... О, если бы вы знали, как я ждал!.. Дни казались мне годами... Но потом мне сообщили, что Сюзан расстреляли в Мон-Валервен... Я немедленно поехал туда и там узнал, что Сюзан, оказывается, участвовала в движении Сопротивления. А приговор, как выяснилось, подписал тот же самый генерал, который столь любезно принял в подарок жемчуг и которого я так просил о пощаде...

Мишо эту историю уже знал, но не мешал Жан-Пьеру рассказывать.

— Вы полагаете, что сведения эти достоверны? — желая как-то подбодрить француза, сказал Томов. — Может быть, ваша Сюзан еще жива... Такие случаи бывают...

— О, нет, мой шеф... Сведения, к сожалению, абсолютно точные. Сюзан была коммунисткой. Я тоже вначале не верил: хрупкая, молодая, еще почти ребенок, а пошла сражаться с бошами... Представляете себе, такая нежная — и коммунистка!.. А я, откровенно говоря, прежде терпеть не мог ни нацистов, ни коммунистов. В офицерской школе, где я учился, мне твердили, что одни стоят других... Потребовалась оккупация моей Франции, гибель Сюзан, разгром Европы, чтобы убедиться в своем заблуждении и почувствовать, насколько близоруки были наши довоенные правители...

Легре не вытерпел:

— А ты уверен, мой лейтенант, что у наших будущих правителей память не окажется короткой?

* Кагуляры — французские фашисты.

— Не думаю, мой друг, чтобы Франция не извлекла уроков из нынешней бойни. Наши соотечественники видят, во что превратилась их прекрасная Родина.

— Видеть, мой лейтенант, это еще не все... Надо понимать!.. — серьезно сказал Легре, в упор глядя товарищу в глаза.

Жан-Пьер неопределенно пожал плечами и, смотря куда-то в даль, ответил:

— Возможно. Но для меня довольно и того, что с бошами, перед которыми капитулировала наша армия, теперь сражается один Советский Союз. Достаточно и того, что французскому графу для спасения его жизни дали кровь коммунисты... О, если бы все это видел мой дядюшка кардинал!.. Поверьте, друзья, он бы, наверное, сбросил свою мантию...

Но Легре не отступал:

— Не беспокойся. Он этого не сделает... Будто ему не на что смотреть у себя на родине! Не будь, пожалуйста, наивен, мой лейтенант. Сюзан пошла в Сопротивление, заведомо зная, что ее ожидает. Ты пошел с нами, тоже готовый на все... У настоящих патриотов, мой лейтенант, — один путь: отстоять свободу своей Родины. У предателей — путей сколько угодно: вчера они служили англичанам, сегодня служат бошам... Что им стоит завтра лизать руки еще кому-нибудь?

Жан-Пьер чувствовал себя неловко, но ответил с присущей ему тактичностью:

— Может, ты и прав, аджупет. Я не отрицаю, что и после войны еще немало придется приложить усилий, чтобы такие люди, как мой дядя, поняли свое заблуждение... Как говорит наша пословица: «Все может быть, ибо все уже бывало!»... Так и сейчас... Но вообще, если хочешь знать, когда ты подшучивал надо мной, что я теперь не «стопроцентный» граф, ты был прав... Да, аджупет... Лейтенанта де Шаррон, которого ты знал прежде, больше нет. Жизнь сделала меня другим.

— Ого! — воскликнул Легре со свойственной ему пылкостью, — может быть, ваше сиятельство решили стать коммунистом? А то сразу и комиссаром?! Похвально!.. Один комиссар у нас — венгр, другой будет француз! О ла-ла!..

Разговор прервал прискакавший из Рожковки связной. Было приказано для охраны санчасти и обоза

оставить только одну роту, остальным же немедленно двигаться к реке Белая и занять мост, ведущий в Беловежскую пушу. Мост надо было удержать до подхода дивизии.

На позициях, занимаемых дивизией, возобновилась перестрелка. Связной добавил от себя, что положение там осложнилось, полки несут большие потери...

Батальон и полковая разведка были подняты по тревоге, и уже через час начался штурм моста. Гитлеровцы засели в бункерах и яростно сопротивлялись. Партизаны непрерывно били по ним из минометов и пушек и шаг за шагом подходили к мосту. Наконец его взяли. Одну роту выставили для заслона на противоположной стороне. Полковые разведчики помчались по всем направлениям.

В это время на шоссе, со стороны Столповиска, показалась колонна автомашин, из них на ходу поспешно высаживались солдаты. Снова заработали партизанские минометы. Положение становилось серьезным, противник располагал превосходящими силами. Вслед за автомашинами показались танки. Было ясно, что удержать мост своими силами партизанам не удастся. Немцы разгадали их намерение прорваться и в этом месте в Беловежскую пушу и теперь прилагали все усилия, чтобы преградить дивизии путь. Бой разгорался. Вдруг с противоположной стороны, в тылу фашистской пехоты, послышалась пулеметная и автоматная стрельба. Это завязала бой рота, выставленная для заслона; подоспела туда и полковая разведка. Враг пришел в замешательство и начал отступать, но тут появился фашистский танк, открыл яростный огонь по мосту.

Выручил Холупенко. Он вылез из своего окопчика на дорогу и открыл огонь из бронебойки по приближавшемуся танку. Несколько выстрелов — и танк загорелся. Партизаны сплошной лавиной ринулись в атаку. Но тут кто-то крикнул:

— Француз упал! Легре ранили...

Первым к Легре подбежал Холупенко. Взяв француза на руки, он вынес его из боя.

— Где врач? Чего стоите?! Доктора, хлопцы, сюда!.. Чуете? — гремел его голос.

Подбежали санитары. Они стянули с Легре френч, разрезали и без того изодранный джемперок. Рубаха у Мишо была вся в крови. Разорвали и ее... Пулеметная очередь из фашистского танка прострочила татуированную грудь француза, на которой полукругом синела надпись: «Ма ви а ла Франс!»* А в центре под надписью сквозь сочившуюся кровь можно было различить молот, обрамленный огромным серпом...

Холупенко стоял возле друга на коленях, по лицу медленно катились слезы. Он качал головой и все время чуть слышно приговаривал:

— Эх, Марсельеза, Марсельеза... Шо ж ты, браток, наробил? Як же так получилось, що я не доглядел!..

Санитар сделал укол. Хотел было снова ввести иглу, но поднялся и молча отдал шприц своему помощнику.

Холупенко встал и тихо произнес:

— Вот, хлопцы, вам и Марсельеза...

Взгляд Холупенко остановился на рябом пулеметчике. Он подошел к нему и дрожащими руками схватил за ворот шинели:

— Ну, говори! Цэ тэбэ не партбилет?! Бачишь, серп и молот у крови!

Томов попытался успокоить Холупенко. Но тот еще крепче ухватил за ворот побледневшего парня.

— Становись на колени и проси прощения! Чуешь, що я говорю?! Становись, бо я тебя зараз, знаешь?!
*

К Легре подходили партизаны, каждый хотел проститься со своим боевым товарищем. Легре лежал с открытыми глазами и застывшей на губах улыбкой, словно говоря: «Мон камарад, ту ва бьен!»

Склонив голову, стоял перед ним лейтенант де Шаррон. А опуская тело друга в могилу, он нежно прикоснулся губами ко лбу Легре.

— Прощай, Мишо, мой верный товарищ. Эмблему, которая залита кровью на твоей груди, я буду теперь носить в своем сердце, а жизнь моя отныне принадлежит стране, народ которой борется за освобождение Родины.

Бой гремел. Это был прощальный салют французскому другу. Горел уже четвертый фашистский танк,

* Моя жизнь — Франции (франц.).

кругом валялись трупы в серо-зеленых шинелях. Со стороны Рожковки все чаще доносились разрывы снарядов и треск пулеметов...

Взмыленная лошадь доставила истекавшего кровью связного с приказом: «Батальону оставить мост и вместе с санитарной частью и обозом двигаться в направлении Рожковки, где присоединиться к основной колонне дивизии, продолжающей свой рейд согласно маршруту и графику...»

Окружение было прорвано. Прорвано благодаря отваге партизан, многие из которых пожертвовали жизнью... Далеко позади остались сгоревшие немецкие танки, не видны были и могилы француза аджуданшефа Мишо Легре, батальонного комиссара — венгра Иосифа Тоута... Сорок шесть партизан-ковпаковцев остались навсегда на подступах к Беловежской пуще. А впереди — новые марши, новые прорывы, новые штурмы. За сотни километров от линии фронта ковпаковцы продолжали выполнять приказ Родины: взрывали мосты, пускали под откос составы, поджигали склады, уничтожали гарнизоны. Все чаще и чаще на дорогах и перекрестках пестрели таблички с надписями: «Achtung! Partisanen Kolpacow!»

* * *

Дивизии предстояло пересечь железнодорожную магистраль Москва—Варшава—Берлин, которая усиленно охранялась. Не успела головная походная застава подойти к одному из переездов, как засевшие в бункерах фашисты открыли ураганный огонь. Местность они пристреляли заранее и теперь, несмотря на темноту, их огонь был довольно точным. Пришлось подкатить пушку и прямой наводкой выкуривать немцев из укрытий. Переезд был взят, и по его обеим сторонам вдоль полотна выставлены мощные заслоны.

Дивизионная колонна начала переправляться через магистраль. На переезде стояли старший лейтенант Томов и его разведчики. Они следили, чтобы движение шло в максимально быстром темпе. Ведь надо, чтобы вся дивизия еще до рассвета перешла через полотно,

а потом предстояло снять заслоны и догнать основную колонну.

Но вот на востоке показались едва различимые огоньки паровозных фар. Легкий фугас, заложенный минерами восточного заслона, подорвал паровоз, эшелон остановился. Сопротивление охраны сломали мгновенно. Одна рота бросилась к вагонам. Чего тут только не было! Штуки сукна, радиоприемники, мебель, рояли, громоздкие сейфы, сельскохозяйственный инвентарь и даже пишущие машинки. Был вагон и с оружием: чешские пулеметы, финские автоматы, старые французские винтовки, пистолеты всех систем — польские, английские, американские, бельгийские и даже японские! Как выяснилось позже, состав принадлежал какой-то ортскомендатуре и ее подведомственным учреждениям: управе, жандармерии, суду, полиции и тюрьме. Все они, в спешном порядке погрузив награбленное имущество, бежали на запад в страхе перед наступающими частями Советской Армии.

Весь состав осмотреть не удалось: с противоположного направления по второй колее подходил другой состав. В одно мгновение партизанские минеры, находившиеся в заслоне, заложили под рельсы взрывчатку. Одна рота партизан спешно передвинулась еще немного на запад вдоль полотна, навстречу составу, и тут залегла.

Состав шел медленно, паровоз тяжело пыхтел, словно тянул в гору большой груз. По мере приближения состава лежащие в заслоне партизаны разглядели платформы с балластом, предусмотрительно прицепленные впереди паровоза на случай, если состав нарвется на мину.

И, действительно, как только первая платформа подкатила к месту, где был заложен фугас, раздался оглушительный взрыв. Платформы скатились под откос, но машинист успел затормозить и состав остался невредимым. Тогда по нему ударили из партизанских бронебоек и пулеметов. Однако стрельба вскоре прекратилась и воцарилась загадочная тишина.

Стоявшие на переезде Томов и группа партизан некоторое время прислушивались, стараясь угадать, что там происходит. Наконец, не выдержав томительной неизвестности, бронебойщик Холупенко, его второй

номер — молодой парнишка и француз Жан-Пьер, который после гибели Мишо очень подружился с Холупенко, побежали к западному заслону. А немного спустя оттуда прибежал связной и доложил, что подошедший состав гружен прессованными тюками соломы и сена.

— Охрану его, человек мабуть з два десятка, наши перебили, а может ще кто з хвашистов повтикалы, — добавил партизан.

— Не состав, а ерунда! — разочарованно произнес кто-то и выругался.

— На этот раз не повезло! — сокрушенно подтвердил Томов.

Тут к командному пункту, обосновавшемуся на переезде, прибежал связной от Холупенко. Это был его второй номер. Обращаясь к старшему лейтенанту Томову, он сказал, что Холупенко просит разрешения поджечь солому и сено, которыми нагружены платформы.

Обозленный тем, что состав оказался со столь малоценным грузом и что противнику не нанесен сколько-нибудь существенный урон, Томов резко возразил и, отвернувшись от связного, стал отчитывать кого-то за то, что разведка не достигла намеченного пункта.

Связной был явно недоволен. Он остался на переезде и искал случая еще раз обратиться к Томову. Но, услышав голос командира полка, который подъехал к переезду, подошел к столпившимся вокруг командира партизанам, протиснулся вперед, однако не решался обратиться к нему в присутствии Томова. Командир полка выслушивал доклады, отдавал распоряжения, и постепенно окружившие его партизаны разошлись. Вот тогда-то связной передал просьбу Холупенко разрешить поджечь солому и сено.

— Ни в коем случае! — прервал его командир полка и объяснил, что пламя непременно заметят немцы, приостановят движение и тогда уже наверняка не удастся перехватить состав с более ценным грузом.

Посланец Холупенко хотел высказать соображения бронебойщика, но командира полка отвлекли вновь подошедшие партизаны.

Движение партизанской колонны через переезд было в самом разгаре, когда на командный пункт при-

бежал Жан-Пьер. Он недоумевал, почему второй номер Холупенко так долго не возвращается с ответом. Волнуясь, коверкая русские слова, невольно переходя на французский язык, он пытался объяснить, почему нельзя оставлять на платформах солому и сено, но терпеливо слушавший его командир полка не успел ответить, как кто-то из партизан не без ехидства заметил:

— Видать, Грише Холупенко захотелось позабавиться, малость огоньком попыхать! — и уже наставительно добавил: — Нет, парень, война — не забава!.. Тут все с умом надо делать.

— А я с умом и хочу! — вдруг раздался из темноты басистый голос Холупенко. Он тоже прибежал на переезд. Обращаясь к командиру полка, он добавил:

— Да шо вы, товариш командир, вы ж не подумали, шо эшелон иде з Германии?

— Уй, уй! — поддержал француз. — Вест, Вест, нах Остен! Уй, уй! Камарад Холлюпенько аве резон! Иль э прав!..*

— Шо герману соломы да сина не хватае у нас на Украины? — вновь загорячился Холупенко. — Не-е! Тут що-сь таке не то... Эшелон иде на хвонт и, бачьте, з соломою!..

Холупенко рассказал, что хотел скинуть тюки с одной платформы, посмотреть, не скрыто ли за ними чего, но сделать это не удалось; тюки крепко-накрепко связаны стальной проволокой.

Кто-то попытался пошутить, надеясь доставить этим удовольствие командиру полка, но тот вдруг сказал:

— А ведь верно! Ну-ка, быстро поджечь солому на одной платформе!

Холупенко со вторым номером и француз сломя голову умчались к составу. Но вскоре второй номер вернулся.

— Не горит! — выпалил он, едва переводя дыхание.

— Как это не горит! — удивился Томов. — Солома да чтобы не горела?

— Вот так, товарищ старший лейтенант, не горит и все! От хоть што делай, а нияк не запалимо! Холупенко казал, шо треба бензину прислати...

* Товарищ Холупенко прав! Он прав! (франц.)

Группа разведчиков с канистрами, наполненными горючей смесью, побежала к составу. Один из них вскоре вернулся и взволнованно доложил:

— И горючее не помогает! Должно быть солома чем-то пропитана... Не горит и точка...

— Да ну! — скептически заметил один из партизанских ездовых. — Что ж, немцы-то кормят своих коней не соломой, а чугуном?

Но Томов понял, что дело не шуточное, что враг неспроста применил такую искусную маскировку. Немедленно к составу были посланы минеры с взрывчаткой, и вскоре раздался взрыв. Опять потянулись минуты томительного ожидания, наконец послышался топот бегущих людей. Еще не добежав, два минера, перебивая друг друга, закричали:

— Под соломой танки!

— Большие, с длиннющими стволами...

— Свеженькие! Таких не видывал!

— Взрывчатки надо еще да побольше!

Теперь к составу бросились все, кто тут был. Под руками не было саперных ножниц. С большим трудом партизаны перерезали стальную проволоку, густой сеткой стягивавшую тюки сена и соломы, которыми со всех сторон были обложены танки, сбросили их на землю, и двадцать две новенькие машины неизвестной марки предстали перед партизанами во всей своей злобейшей красе.

— Вот так штука, братцы!

— Ну и Холупенко!

— Кто это говорил, что воевать надо с умом? То-то и оно, что с умом!

Принялись за дело минеры. Один за другим следовали взрывы. Вскоре вся фашистская техника была превращена в лом и валялась вместе с изуродованными платформами в грязи вдоль полотна железной дороги.

Это были первые танки «Пантера», которые немецкое командование отправило на Восточный фронт...

В прекрасном настроении возвращались Томов и другие партизаны на переезд, когда вдруг обнаружилось, что к хвосту первого состава подходит вражеский бронепоезд. Очевидно, грохот взрывов докатился до гитлеровцев, и они не замедлили выслать подмогу.

Немедленно в ту сторону бросились партизаны. За

ними побежали Томов, Холупенко и Жан-Пьер. А колонна дивизии все еще не миновала переезд. Шел обоз, поток подвод казался бесконечным. Еще издалека бронепоезд открыл огонь из минометов. На переезде образовалась пробка, а подходили все новые и новые подразделения партизан.

Бронепоезд приближался медленно. Впереди паровоза катилось несколько платформ, груженных балластом.

Партизаны, находившиеся в заслоне, не спешили открывать огонь. А бронепоезд, методично постреливая, приближался к хвосту состава ортскомендатуры. В этот момент заговорили пушки и противотанковые ружья партизан. Бронепоезд затормозил. Нужно было спешить, начинало светать. А если до полного рассвета немецкий бронепоезд не будет уничтожен, батальону не сняться с позиций да и артиллерию не увезти. В еще худшем положении оказалась часть колонны, которая осталась по эту сторону магистрали. И вдруг из вагонов состава ортскомендатуры послышались крики женщин и детский плач.

Несмотря на огонь бронепоезда, несколько разведчиков отважились подобраться к вагонам. После невероятных усилий им удалось сбить замки на дверях. В вагонах стояли напуганные и невероятно исхудалые женщины и дети. Сквозь шум боя отчетливо слышались слова:

— Спасите, милые! Товарищи родные!...— кричали они.

Оказывается, только когда рассвело, эти люди поняли, что состав остановлен партизанами. Вот тогда-то они подняли крик.

Разведчики, не теряя ни минуты, стали помогать женщинам выбираться из вагонов, брали ребят на руки и ползли с ними в зону мертвого пространства. С бронепоезда это заметили и перенесли огонь одного пулемета на эшелон. Фашистские бандиты стреляли точно: несколько женщин и партизан с малышами на руках упали. Может, были они только ранены, но подойти к ним оказалось невозможным. Стоило кому-нибудь сунуться к насыпи, как тут же земля вдоль полотна покрывалась вспышками от разрывных пуль. А у приоткрытых дверей вагона, сбившись в кучу, еще толпилось

несколько испуганных ребятешек. Они что-то кричали. Особенно надсадно кричала белокурая девочка лет пяти. По произношению нетрудно было понять, что она из Белоруссии:

— Ратуйте, дядзеньки!.. Родненькие, возьмите и меня!..

Душа разрывалась у партизан от жалобного голоса девочки.

Вдруг за спиной партизан раздался дружный артиллерийский залп, затем еще и еще. Это открыла огонь дивизионная батарея, высланная на помощь заслону. У всех отлегло от сердца. Но пушки били с закрытых позиций, и попаданий было мало: то перелет, то недолет. А бронепоезд, не переставая, извергал буквально шквал огня.

Положение партизанского заслона становилось тяжелым.

Боеприпасы на исходе, потери увеличились, состав ортскомендатуры стоял невредимый, колонна дивизии был разорвана, а рассвет неумолимо приближался.

Но вот на бронепоезде произошел взрыв. Одна бронеплатформа запылаха бордово-фиолетовым пламенем. На некоторое время огневые точки бронепоезда, словно по команде, умолкли. Несколько разведчиков, воспользовавшись затишьем, бросилось к вагону с детьми. Но гитлеровцы быстро пришли в себя. Снова затрещали пулеметы, продольный огонь отсекал всех, кто приближался к составу. И все же одному удалось благополучно проскочить простреливаемый участок. Им оказался Жан-Пьер де Шаррон. Он вскочил в вагон и тут же показался с белокурой девочкой на руках.

Ему кричали, чтобы он не спускался с насыпи, делали знаки, свистели. Француз понял и стал пробираться вдоль состава в сторону переезда, прикрыв девочку полкой шинели. Было холодно, а она в одних лохмотьях, на голове едва держалась маленькая замусоленная панамка.

На помощь французам пополз Холупенко. Неожиданно Жан-Пьер резко свернул с насыпи. Пули снова стали ложиться вдоль полотна. Фашисты, очевидно, заметили французского и решили не дать ему уйти. Холупенко развернул свою бронебойку в сторону стреляв-

шего пулемета. Вдруг Жан-Пьер как-то странно присел и больше уже не поднимался. Холупенко по-пластунски пополз к нему. Жан-Пьер лежал на спине, откинув в сторону руку с автоматом. Другой рукой он крепко прижимал к груди девочку. И девочка, и француз были убиты наповал.

Холупенко, казалось, потерял дар речи. Бывалый солдат, повидавший в войну немало смертей, страдальчески сморщился, глаза его наполнились слезами. Он смотрел на Жан-Пьера, изо рта которого медленно текла тонкая струйка крови. Красными пятнами покрылась и панамка на голове девочки. К бронебойщику подполз его второй номер, предложил отползти назад. Холупенко ничего не ответил. Он выхватил у своего помощника сумку с бронебойными патронами и противотанковыми гранатами и в несколько прыжков достиг насыпи. Еще мгновение — и он уже возле состава. Прижимаясь к вагонам, он стал пробираться к бронепоезду. Все затаили дыхание. Фашисты заметили смельчака и стали бить короткими очередями вдоль полотна железной дороги. Но Холупенко уже был под вагоном состава ортскомендатуры. Оттуда он несколько раз выстрелил по бронепоезду из противотанкового ружья. Это ничего не дало. Он продвинулся еще немного и снова открыл огонь. Пули ложились в цель, но существенного вреда бронепоезду, видимо, не причиняли. Выпустив последний патрон, Холупенко пополз вперед.

В это время над переездом пронеслись на бреющем полете три немецких бомбардировщика. Послышались взрывы, затряслась земля. Фашисты бомбили скопившийся партизанский обоз. Положение становилось все более угрожающим: одна пушка уже выведена из строя, у второй кончились боеприпасы. Подвезти их невозможно. По команде Томова партизаны открыли огонь зажигательными пулями по составу ортскомендатуры. Некоторые вагоны загорелись. Под прикрытием дымовой завесы можно было вынести раненых и несколько перегруппировать силы.

А бронепоезд продолжал вести огонь, хотя получил серьезные повреждения. Паровоз уже был выведен из строя, одна бронеплатформа сгорела, несколько огневых точек умолкли. Но смертельно раненный, он

был еще очень опасен да и оставшиеся в нем фашисты не теряли надежды на прибытие подкреплений.

Этого больше всего опасались и партизаны. Занималось утро, и свежие войска могли прибыть с минуты на минуту. Томову доложили, что на помощь заслонч вышел в обход один батальон. Он должен был зайти с противоположной стороны и ударить бронепоезд в тыл. Где-то вдалеке раздался взрыв. Это минеры батальона разрушили небольшой железнодорожный мост, чтобы отрезать бронепоезду путь назад и помешать подослать подкрепление.

И вот в это время у бронепоезда вдруг выросла фигура Холупенко. Он метнул связку противотанковых гранат. Страшной силы взрыв потряс воздух. За ним последовал еще один. Огромная волна подняла бронепоезд в воздух. Летело все! И бронированные башни, и колеса, и шпалы, и рельсы, разворотило даже насыпь. Видимо, гранаты угодили в склад с боеприпасами. Несколько партизан были ранены летевшими во все стороны обломками.

Далеко, за несколько десятков метров от места взрыва, партизаны собирали останки своего отважного бронебойщика.

В тот день у безымянного переезда железнодорожной магистрали Москва—Варшава—Берлин в большой могиле рядом с павшими партизанами, женщинами и детьми были похоронены партизанский бронебойщик украинец Григорий Тарасович Холупенко и французский лейтенант, граф Жан-Пьер де Шаррон, державший в своих объятиях маленькую с исхудавшим личиком белокурую девочку из Белоруссии, имя которой так и осталось неизвестным...

...У могилы под большой красной звездой была установлена табличка со стандартной надписью:

«Achtung! Partisanen Kolpacow!»

САНЯ

Немецкую колонну жители села заметили еще издали. Впереди мчались мотоциклисты, за ними тянулась цепочка грузовиков и каких-то необычных серых автобусов. В деревне раздались тревожные голоса: — Немцы! Прячьтесь!.. Немцы!

Все бросились кто куда: одни скрывались сами, другие прятали последнее добро.

Небольшое это село стояло в стороне от шоссе и железной дороги, до ближайшего города было больше тридцати километров. Оккупанты сюда наезжали не часто. Впервые они появились год назад, когда линия фронта проходила поблизости, наскоро обшарили хаты, подстрелили десятка два кур и гусей, а потом собрали всех жителей у здания бывшего сельского совета.

Краснощекий приземистый толстяк в офицерском френче с белыми погонами, стоя в кузове грузовика, объявил, что отныне и на веки веков здесь устанавливается власть непобедимой Германской империи, во главе которой стоит рейхсканцлер Адольф Гитлер. Офицер поморщился, заметив, что при упоминании имени фюрера зааплодировали лишь солдаты, а крестьяне молча стояли, опустив головы, как на похоронах. Он покраснел, недовольным тоном что-то сказал переводчику, прямому, как жердь, унтер-офицеру в очках.

— Офицер германски армия, госпотин коментант, сказаь: кто рус шеловек не путет пошиняется закон германски империя, того расстреляйт!

Переводил он плохо, но люди поняли, что вместо сельсовета теперь будет управа и что жители села обязаны беспрекословно повиноваться всем законам германского государства: выполнять все требования старосты, который в свою очередь будет получать указания из города от господина коменданта. При этом переводчик указал на говорившего офицера. Это и был комендант.

Тут же был представлен назначенный оккупантами староста. Все очень удивились, когда им оказался бухгалтер колхоза Степан Ячменев. Его знали много лет как честного, прямого, правда, немного молчаливого человека. Дело свое он знал, люди его уважали, и вот поди же...

Но Ячменев и сам удивился. Еще до собрания его вызвали и офицер расспрашивал, сколько в селе осталось жителей, многие ли ушли в Красную Армию, сколько голов скота у крестьян, что уцелело из колхозного имущества? На все вопросы он отвечал неопределенно, ссылаясь на то, что колхоз спешно эвакуировался, что проходившие потом части тоже кое-что увезли, поэтому он точно не знает... О себе Ячменев сказал, что нигде не бывает, в военных делах не разбирается и в армии, ясное дело, не служил. При этом он показал укороченную от рождения ногу, что заставляло его ходить с палкой. На этом беседа закончилась. И вдруг его объявили старостой!

Ячменев подошел к офицеру и сказал, что не сможет быть старостой из-за физического недуга. Толстая физиономия немца перекосилась от злости, он что-то буркнул в ответ. Переводчик перевел:

— Госпотин коментант сказаь — это пошёт! Польшой пошёт тля рус слюшить староста германски империя!.. Кто не пошиняется закон германски империя, тот расстреляйт! Понималь?

Незадолго до наступления темноты, погрузив на машины «реквизированное» имущество, немцы уехали.

Прошло несколько дней, Ячменев ходил сам не свой. Все его стали сторониться. Конечно, с ним здоровались и очень почтительно, но Ячменев прекрасно понимал, что скрывается за этой внешней почтительностью. И жена его потеряла покой. Ее тоже сторонились, женщины разговаривали с ней неохотно, сухо. Дома у Яч-

меневых будто покойник лежал, все молчали, даже дети перестали шуметь, играть. К ним теперь никто не приходил. Старший сын Саня, которому шел тринадцатый год, совсем помрачнел, особенно после того, как один из школьных друзей выпалил: «Отец твой — шкура... Вот кто он! Продался фашистам!»

Саня понимал, что отец тяготится этой гнусной должностью, но сказать ребятам не мог. Кто бы ему поверил? Только с матерью он был откровенен и как-то спросил ее напрямик:

— Верно, что отец стал предателем?

— Нет, Саня, не думай так,— только и сказала она в ответ, тяжело вздохнув.

И вот однажды ночью Саня услышал в сенях шорох, приглушенный разговор, потом скрипнула входная дверь... Он соскочил с постели, бросился к окну. У калитки мать обняла отца, и он, прихрамывая, отошел к каким-то людям, стоявшим на дороге. Саня смотрел в окно до тех пор, пока отец и два его спутника не исчезли в темноте. А когда мать вернулась, Саня лежал в постели, делая вид, что спит. Мать подошла к нему, поцеловала в щеку и чуть слышно сказала:

— Нет, Санюрочка, отец твой не предатель. Нет, мальчик мой, он честный...

Саня лежал без движения, обдумывая, куда же и с кем ушел отец, скоро ли вернется домой и, не находя ответа на эти тревожные вопросы, вновь и вновь с облегчением твердил про себя слова матери: «...отец твой не предатель... он честный...»

Утром следующего дня мать сказала детям, что отец уехал в город к коменданту. Саня понял, что это неправда, но раз мать говорит, стало быть так надо. К вечеру отец не вернулся. Не вернулся он и на второй день, и на третий... В селе поговаривали, будто в городе старосту арестовали за невыполнение приказов коменданта; другие говорили, будто его убили наши за то, что пошел служить к немцам. На пятые сутки после исчезновения Степана его жена отправилась в город просить коменданта освободить мужа. Однако там сказали, что не имеют понятия, куда он девался, и обещали, живого или мертвого, но непременно разыскать. Женщина ушла с облегченным сердцем; все пока шло так, как и было задумано.

Шли дни, Ячменева оккупанты, конечно, не разыскали и снова приехали в село, чтобы назначить нового старосту, а заодно для устрашения повесить одного парня, который пытался удрать из эшелона, следовавшего в Германию с «русскими рабами».

Как и в предыдущий раз, всех жителей села согнали на площадь и толстяк комендант, ни словом не обмолвившись о Ячменеве, объявил о назначении нового старосты. Это был известный на селе мужик, хотя давно уже его здесь не видели. Был он в прошлом кулак, в гражданскую войну путался с белогвардейцами, а во время коллективизации состоял в банде. Его арестовали, осудили и выслали. Детей у него не было, а жена не стала ждать, куда-то уехала. О нем уже стали забывать, как вдруг, незадолго до войны, он вернулся и поселился в соседнем селе. Дом его был занят: до войны в нем размещался детский сад, а теперь жили две семьи военнослужащих, эвакуированные еще с границы. Здесь их настиг фронт, и они были вынуждены остаться.

И вот он назначен старостой, ему возвращены его усадьба и дом. Все были уверены, что отныне в селе наступят черные дни.

Спустя несколько дней новый староста пришел в свой дом, молча прошелся по комнатам, а уходя сказал замершим от испуга женщинам, чтобы не торопились освобождать дом, он ему не нужен. Люди не знали, что и думать. Уж не замышляет ли староста что-нибудь похуже выселения? На вид он казался грозным. Сурово, испытующе смотрел он на людей большими впалыми глазами, притаившимися под лохматыми поседевшими бровями. В селе его боялись, хотя он еще не сделал ничего дурного. Но что хорошего можно было ожидать от ставленника немцев, да еще репрессированного в прошлом кулака? Их повадки были хорошо известны людям.

Когда староста поселился в доме Степана Ячменева, своего бывшего батрака, жена Степана стала молчаливой и грустной. Ведь она помнила, как муж раскулачивал бывшего хозяина. И теперь ждала, что все это он припомнит ей... Совсем было решила переехать в другое село, но передумала: «А вдруг муж вернется, тогда как?» — и осталась.

Тем временем из города от коменданта в управу поступал приказ за приказом, и в каждой речь шла о поставках «для солдат и офицеров доблестных вооруженных сил великой германской империи». Однако староста редко отвозил в город продукты, зато каждый раз заезжал к леснику и забирал с собой приготовленный для него ведерный бочонок самогона. Люди знали, что самогон он поставляет немецкому фельдфебелю, которому надлежало следить за поставками их деревни.

Так продолжалось недолго. Гитлеровского шписа* за чрезмерную приверженность к спиртному отправили на фронт. Новый интендант оказался зверем, заядлым нацистом. Все же староста решил подкупить и этого, но дело обернулось не так, как он рассчитывал. Интендант осмотрел подводы, увидел прелый картофель, полсотни яиц да хилого поросенка и завопил:

— Саботаж!.. Где мясо, молоко, масло, фураж?

Доложил коменданту. Тот пришел в ярость:

— Плетей!

Старосту стали избивать, а он твердит одно, будто люди не слушаются его распоряжений и нет у него ни солдат, ни оружия, чтобы заставить их выполнять поставки...

— ...Дают что попало и то с руганью, а я здесь страдаю! — жалобно говорил он. — Вы уж, сделайте милость, помогите, тогда увидите, на что я способен!..

Комендант поверил старосте. Ведь человек он подходящий, в прошлом кулак, сидел у большевиков в тюрьме... Может, и в самом деле без оружия тяжело ему управлять... Комендант что-то сказал переводчику, тот поспешил довести до сведения старосты:

— Госпотин комендант сказаь — корошо. Госпотин старост не полючайт немецки зольтат... Госпотин старост полючайт оружие на село. Госпотин комендант путет посмотреть, как госпотин старост виполняйт поставка...

В заключение комендант сделал выразительный жест рукой вокруг шеи и закатил глаза. Староста понял, что немец грозит повесить его, если и на этот раз он не выполнит приказ.

* Прозвище немецких фельдфебелей.

В тот же день староста вернулся в село и привез восемь старых французских винтовок, два нагана и немного патронов, чтобы в помощь себе вооружить «надежных людей», как он сказал коменданту. А через несколько дней, оправившись от побоев, он распорядился собрать всех на площади. Молча сходились крестьяне к управе. Они знали о том, что старосту в комендатуре избили и теперь ожидали, что и он начнет зверствовать. Легкий мороз пощипывал уши, в воздухе лениво кружились снежинки. Стоя на крыльце, обнажив взлохмаченную седую голову, староста объявил, что немцам он больше не слуга, поставки собирать у населения и откармливать оккупантов не будет.

— Вы все знаете, в прошлом я был кулак. Да что говорить, и в советскую власть постреливал... Было... В тюрьме сидел — и это знаете. Но сидел, скажу вам, за дело! За какое? Руку я на Родину поднял. Вот что! Теперь немцы хотят, чтобы я пошел им служить! Нет, хватит. Знайте, граждане, я русский человек и второй раз руку на Родину не подыму!.. А наши придут, обязательно придут! Это вы тоже знайте...

В тот вечер староста и еще семь человек, закинув за спину французские винтовки, ушли из села.

Узнали об этом немцы, и в непокорное село заявились солдаты. На этот раз привезли откуда-то нового старосту и десять полицейских. Назначение старосты состоялось уже без церемонии на площади. Для устрашения крестьян каратели расстреляли семьи военнослужащих, жившие в доме бывшего кулака. В селе воцарился произвол: полицейские уводили скот, забирали продукты, одежду. В дом к Ячменевым явился сам комендант. Он допытывался, куда девался хозяин, угрожал жене Ячменева и наконец ударил ее хлыстом по лицу. Багровая полоса мгновенно выступила на ее щеке, а разгневанный гитлеровец, брезгливо сплюнув, ушел, пригрозив ей виселицей. Все это Саня узнал, когда вернулся с дальнего огорода, куда мать его послала при появлении немцев.

К полудню в город отправился обоз с награбленными продуктами и вещами. Его сопровождали солдаты во главе с комендантом. А коров, овец и коз полицейские гнали гуртом.

Но до города каратели не дошли. В нескольких километрах от села на них напали партизаны, и к вечеру стадо и груженные подводы вернулись в село. Вернувшиеся возницы, которые были взяты со своими подводами, рассказали, что партизаны поубивали всех карателей, не ушел от них ни комендант, ни староста.

Саня слушал эти рассказы, радовался, что партизаны отомстили извергу коменданту за издевательства над его матерью, и нетерпеливо ждал, не подтвердят ли старики-возницы его догадку: что отец стал партизаном. Но, отвечая на вопросы односельчан, старики сказали, что не заметили среди партизан своих, а спрашивать их было недосуг.

Недели две в селе было тихо. Правда, до местных жителей дошел слух, будто в окрестных селах немцы проводят облавы, прочесывают леса. А однажды и в самом деле донеслась перестрелка, которая длилась довольно долго. Потом опять кругом воцарилось спокойствие. Но как-то в полдень каратели вновь нагрянули. На площади солдаты принялись вколачивать в мерзлую землю высокие столбы. Всем стало ясно — строят виселицу. Потом опять народ согнали на площадь. Вскоре подъехал грузовик с солдатами. Машина остановилась под виселицей. Последовала команда, и стоявшие в кузове машины солдаты спрыгнули на землю. Борта грузовика опустились, на открытой площадке остался человек в разодранной рубашке. Руки у него были связаны, лицо в кровавых подтеках и ссадинах, но он стоял с гордо поднятой седой головой.

По толпе мгновенно прокатился глухой шумок. Жители признали своего бывшего старосту. Оказывается, это он возглавлял вооруженных людей, которые напали на обоз и перебили немцев вместе с комендантом. Но несколько дней спустя этот небольшой партизанский отряд был обнаружен карателями и окружен. В неравном бою командир был ранен и взят в плен. Теперь гитлеровцы привезли его, чтобы публично казнить.

С речью выступил очкастый офицер — новый комендант. Он возмущался тем, что бывший белогвардеец, отсидевший при большевиках немало в тюрьмах, ничему не научился!.. Но тут загредел голос че-

ловека с грузовика. Он сразу заглушил визгливый голосок немецкого офицера.

— Граждане, люди русские!.. Знайте, для русского человека, пусть в прошлом даже врага, нет ничего дороже отечества! И да будет проклят тот, кто пойдет против него!.. Бейте, товарищи, этих гадов! Они хотят поставить нас на колени, а вы отвечайте им топором да вилами, берите оружие... Красная Армия...

Длинная очередь из автомата прервала гремевший в морозной тишине голос. Немецкий комендант не выдержал... Публичная казнь не состоялась... Услышав выстрелы, люди разбежались. Убрались восвояси и оккупанты.

В ту же ночь виселица пошла на дрова. А бывшего партизана люди проводили в последний путь со всеми почестями, и на могилу его Саня Ячменев возложил венок, сплетенный им самим...

Морозы в ту зиму стояли крепкие, дороги заносило снегом, и немцы больше не показывались в селе, словно их и не было, но люди по-прежнему жили в напряжении и страхе.

Пришла весна, набухли почки, зазеленела листва, наконец наступили и жаркие летние дни, а немцы так и не появлялись. Все приободрились — зима придет и вовсе не заявятся. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

Саня Ячменев слышал тревожные крики, когда шел к колодцу за водой. Он осмотрелся и, увидев вдаль, на проселочной дороге, ведущей в село, колонну машин, опрометью кинулся домой.

— Ма-а-м! Немцы едут! — закричал он, еще не добежав до дому.

Мать так и застыла у корыта с бельем. И только когда Саня снова крикнул: «Немцы, мама!» — она опомнилась, вместе с Саней выбежала на крыльцо. Колонна немцев уже остановилась на площади. Солдаты спрыгивали с машин. Когда пыль немного улеглась, Саня сказал матери:

— Эти, мама, какие-то другие. Все в черном, смотри...

У женщины захолонуло сердце. Она знала, что самые страшные гитлеровцы носят черную форму.

Они-то и угоняют парней и девушек в Германию, не щадят и детей...

— Ты, сыночек, прячься-ка лучше, мальчик мой. Боюсь я за тебя... Беги в лес, сынок...

Прибежали две сестренки и младший брат Сани, наперебой стали рассказывать, что немцы выгоняют всех на площадь, будут куда-то переселять, повезут в автобусах.

— Такие большие, красивые, мама, автобусы!..

Мать бросилась к окну: на окраине села уже стоял фашистский часовой. Что же делать? Теперь Сане не удастся убежать в лес. Послышался шум мотора, перед домом остановился грузовик с фашистами. Мать только и успела сказать:

— Сыночек, беги, родной, прячься. Скорей, скорей!

Саня колебался, но он привык слушаться мать с первого слова. Сурово взглянул он на сестренку и брата. Они поняли его, прижались к матери. Это означало, что они будут ее слушаться. Саня выбежал во двор и увидел, что фашисты стоят у каждой избы. Но он не растерялся. За огородом, неподалеку от дороги, чернел овраг, заросший бурьяном, крапивой и татарником. Мать съежилась, увидев, как сын нырнул в овраг.

Сане обожгло лицо, руки, в босую ногу впились колючка, но он полз по дну оврага, не отдавая себе отчета, куда и зачем ползет. Из села доносились выстрелы, крики женщин, плач детей, остервенелый лай и визг собак. Сане показалось, что он услышал лай своего любимца Серко. Сердце тревожно забилося. «Наверное, зашли к нам во двор... Неужели опять маму побьют? — думал Саня. — Будут про отца спрашивать». Раздалась автоматная очередь, и сразу замолчал Серко. Еще не понимая, что произошло, мальчик съежился, словно стреляли в него. Он весь превратился в слух. Шум, крики все нарастали, приближались к оврагу. Плач детей, причитания женщин перекрывали гортанные, резкие выкрики немцев: «Рус, шнель! Шнель!» Раздался выстрел, какая-то женщина заголосила:

— Ой, моя дытына!.. Где моя дытына, люди добрые?! За што загубили изверги мою дытыну, за што?!

Ее голос заглушил другой:

— Не пойду никуда. Не пойду... Что хотите делайте! Не пойду!..

Опять выстрел, и крик женщины оборвался... «Неужто убили?» — в страхе подумал Саня.

Колонна проходила рядом с оврагом. А Саня лежал, словно в бреду. Он не чувствовал боли ни от ожогов крапивы, ни от колючек. Лежал, кусая губы, готовый вот-вот расплакаться от бессилия.

Совсем близко раздалась длинная очередь, где-то чуть в стороне просвистели пули. Саня прижался к земле и вдруг отчетливо различил душераздирающий крик матери:

— Коля-я-я! Ой, Коленька-а-а!.. Забили-и-и!

Саня рванулся, хотел бежать к своим, но голос матери остановил его:

— Санюра, миленький, лежи, сыночек, не шевелись!.. Прощай, родненький, проща-ай, Са-а...

Крики женщин, плач детей, ругань немцев заглушили голос матери. Саня рыдал, кусал губы и руки от злобы на себя, на то, что не мог защитить своих, и с ужасом шептал: «Коленьку забили! Он же маленький!»

Он силился различить голоса родных, уловить хотя бы словечко, но больше ему ничего не удалось услышать.

Не знал Саня, что немец ударил мать палкой за то, что она протискивалась сквозь толпу поближе к оврагу, а испуганный Колька вырвался от нее и бросился бежать. Мать не успела крикнуть ему, чтобы вернулся, как воздух разорвала очередь из автомата. Так и лежит он теперь, бездыханный, между дорогой и оврагом.

Колонна прошла, за ней проехали мотоциклисты, машины. Сквозь бурьян и листья крапивы Саня видел только верх больших автобусов мышиного цвета с розовыми занавесками на окнах. Шум доносился все слабее и слабее... Вскоре все стихло. Саня осторожно встал на колени, озираясь по сторонам, вскарабкался по склону и высунул голову из-под лопухов. Немцы уводили жителей села в сторону леса. Саня смотрел им вслед и недоумевал: «Почему повели в ту сторону, а не на станцию? Не пешком же идти до Германии? И зачем мать велела ему лежать, не шевелиться? Переселяться, так всем вместе. Нагрянул бы отец со

своими партизанами... Ох, папочка милый, где ты? Выручи нас из беды!..»

Небо заволокло тучами. Время от времени раздавались все приближавшиеся раскаты грома. Легкий ветерок сменили резкие порывы ветра. Надвигалась гроза. Мальчик ощутил первые крупные капли дождя на горевшем от ожогов крапивы теле и в то же мгновение поднялся, чтобы бежать домой. «Мамка ругаться будет...» Но не успел сделать и шага, как из вчерашнего дня его сознание вернулось в день сегодняшней. Он снова боязливо пригнулся к земле, стал осматриваться по сторонам. Убедившись, что кругом безлюдно, выбрался из оврага и крадучись побрел к дому. Но что это? Чуть в стороне, возле кювета, лежит кто-то маленький, раскинув руки и босые ноги. Он вспомнил крик матери: «Кольенька-а-а! Забили!». Стало нестерпимо страшно, захватило дыхание, но он не мог оторвать взгляда от братишки. Ему казалось, что малыш шевелится, дышит... «Может, еще живой...», — ободрял он себя. На рубашонке брата чернели пятна крови...

— Колька!.. Коля-а-а! — вскрикнул он, все еще не веря в его гибель. Но в ответ услышал только новый раскат грома и шум хлынувшего ливня.

Плача навзрыд, тщетно призывая на помощь родных, он понес тело брата в дом. Здесь все было перевернуто, двери и окна распахнуты, подушки, одежда, кухонная утварь разбросаны по полу.

— Мама! — тихо произнес Саня, остановившись у порога. — Мамочка! — и, обессилев, опустился на пол, все еще держа на руках тело маленького брата.

Гнетущую тишину разоренного дома и монотонный шум затихавшего дождя вдруг нарушил отдаленный прерывистый треск. До сознания Сани не сразу дошло, что это не гром уходящей грозы, а стрельба. Он прислушался. Трескотня пулеметов и автоматов доносилась со стороны леса. Страшная догадка мелькнула в голове мальчика. Обезумев от ужаса, он вскочил и, оставив бездыханного братишку у порога, стремглав кинулся из дома.

Он бежал, плакал и непрерывно твердил:

— Мамочка, миленькая, где вы, мои родные?!

Когда он добрался до леса, стало темнеть. Саня

долго бродил по опушкам, знакомым полянкам, оставаясь, прислушиваясь, не раздадутся ли голоса. «Ведь было так много людей! — думал он. — Где же они все?» Но людских голосов не было слышно, только шелест листвы да грустные крики совы нарушали тишину. Совсем уже затемно добрал он до карьера, из которого односельчане возили глину. Здесь он часто играл с ребятами, а теперь спускался в него, затаив дыхание. Его охватило жуткое предчувствие, и оно не обмануло мальчика. Он набрел на трупы, замер от испуга, потом, как лунатик, стал переходить от одного к другому. Тьма сгустилась, и мальчик низко склонился над каждым телом, всматривался, но никого не узнавал, будто это были совсем не знакомые ему люди. Их было много, очень много. И лишь когда слегка рассвело, он стал узнавать односельчан. Он уже не испытывал страха, все чувства притупились и мальчик даже забыл, зачем пришел сюда... Мать лежала, прижав к себе обеих девочек. Казалось, они безмятежно спали. Саня тихо, на цыпочках, приблизился — и в эту секунду к нему словно вернулось сознание. Иступленный крик пронзил тишину. Где-то вверху отозвалось эхо: «а-а-ма!» Мальчик припал к лицу матери, целовал, гладил, бессвязно бормотал ласковые слова...

Саня не помнил, сколько времени пробыл в карьере. Не помнил, как и зачем снова пришел в село. Он уже не плакал, а только всхлипывал и почему-то икал. Измученный, голодный, едва передвигая ноги, он прошел все село из конца в конец и, не услышав ни звука, не оглядываясь, пошел к железнодорожной станции. Одно желание руководило им. «К людям... к людям... Ведь есть же где-нибудь люди! — шептал он. — Может, помогут отца найти...»

Едва он миновал окраину села, как впереди послышался рокот моторов. Саня попятился и бросился назад в село, будто мог там найти защиту. Между тем его уже заметили, сопровождавший машину мотоциклист устремился в погоню. Мальчик слышал настигавший его шум, казалось, что вот-вот его раздавят. Он резко свернул с дороги в поле, в заросшую сорняком пшеницу. Ноги больше не держали его, и он тяжело опустился на землю. В ушах звенело, колотилось сердце, он не мог отдышаться, но все-таки пополз

дальше от дороги, когда услышал, что где-то поблизости мотор мотоцикла вдруг заглох.

Подошла автомашина и тоже остановилась. Послышались голоса, крики, смех. Саня замер на месте и вдруг совсем близко от себя услышал тяжелые шаги. Не отрываясь от земли, он повернул голову в сторону дороги и увидел приближавшегося немца. Саня зажмурился и открыл глаза, когда немец уже стоял перед ним, высокий, плечистый, белолицый. Не зная, что делать, Саня хотел встать. Но немец толкнул его, придавил ногой к земле и... прогремел выстрел, за ним второй. «Все... убил... конец!» — в смятении подумал Саня не в силах даже кричать, но чувствовал, что еще жив...

Он услышал, как грузовик тронулся. Лежа с плотно закрытыми глазами, Саня все еще не верил, что он жив и невредим. Кто-то похлопал его по щеке, он открыл глаза. Перед ним был все тот же немец. Он нагнулся к Сане и, улыбаясь, делал какие-то знаки рукой в сторону отъехавшей машины, затем сказал:

— Найн капут... Тофариш, гут! Ко-рош тофариш... Ленин — корош. Рус малшик — корош!..

Ничего не понимая, Саня смотрел на него глазами, полными страха и удивления.

Немец оглянулся и стал легонько тормошить Саню. Но мальчик лежал, будто разбитый параличом. Тогда немец поднял его на ноги, снова потрепал по щеке и спросил:

— Мама — ест? Папа — а?

Саня опустил голову, силясь не разрыдаться. Зачем этот немец спрашивает о родителях? Может, хочет прикинуться добрым и узнать, где его отец? Он отрицательно покачал головой и показал рукой туда, где были расстреляны его родные.

Немец тяжело вздохнул, печально посмотрел на мальчика.

— Хитлер — не корош. Фашист, эсэс — не корош... Рус партизан корош! — сказал он, указывая на лес.

Саня молчал, он все еще не верил немцу. Стоя теперь рядом с ним, он почувствовал, что от немца исходит какой-то необычный специфический запах, почему-то вселявший в него еще большую тревогу. Саня не мог понять, исходит ли этот запах от пробен-

зиненных сапог, кожаного снаряжения или, быть может, от крови расстрелянных людей, которой пропиталась одежда немца?.. Этот запах почему-то напоминал Сане о мертвецах...

А немец улыбался и, не переставая оглядываться по сторонам, рылся в карманах. Он достал несколько кусков сахара, пачку галет, кусочек пересохшего сыра и все это отдал Сане. Взяв мальчика за обе руки, он потряс их, погладил его по голове. Саня взглянул на немца и удивленно поднял брови: в глазах у мотоциклиста блестели слезы. Словно стыдясь этого, немец повернул Саню в сторону видневшегося вдали леса и, приговаривая: «Фашист пак-пак-пак! Партизан ко-рош...», — подтолкнул его в спину.

Как в бреду Саня сначала медленно пошел, потом побежал, то и дело с опаской оглядываясь назад. Но немец по-прежнему дружелюбно махал ему рукой.

Когда Саня был уже далеко, он увидел, как немец сел на мотоцикл и вскоре исчез за бугром. И снова тягостное чувство одиночества в этом беспречно большом мире овладело мальчиком. «К людям... к людям... Ведь есть же где-то хорошие люди... — шептал он, — может, и отец в том лесу, на какой немец указал...»

...Босой, голодный, измученный, три дня бродил Саня по лесу. Ноги его покрылись волдырями, ранка на пятке гноилась, мучила жажда, а вода попадалась не часто. Он достал белую галету, повертел ее в руках, но есть не мог: ему казалось, что она пахнет теми, в черных мундирах. Так было несколько раз. Попробовал разгрызть кусочек сахара, но и он был пропитан тем же запахом. От этого запаха его мучило, перед глазами всплывали овраг, трупы родных, поси-невший Колька...

Порою он забывался, вспоминая семью, свой дом, жизнь до войны. Вечерами мать обычно что-нибудь шила, мягко жужжала швейная машина, сестренки в укромном уголке играли в куклы, он делал уроки или читал, а отец, склонясь над ворохом бумаг, до глубокой ночи стучал на счетах... Все в деревне говорили: «У Ячменевых большая семья!..» А теперь? И в

ответ на эти мысли в ушах Сани снова и снова звенел душераздирающий голос матери: «Прощай, мой мальчик!»

Каждый раз сознание непоправимости свершившегося лишало его сил. Он валился на пожелтевшую траву, долго и громко плакал, звал отца, горевал, что еще не вырос, не стал сильным, чтобы защитить мать, всю семью, всех односельчан от фашистских злодеев. Незаметно от тягостных воспоминаний он переходил к мальчишеским мечтам. Он видел себя лихим партизаном, живо представлял, как притаился с пулеметом в густом боярышнике за забором сельсовета и в упор расстрелял всех фашистов, прикативших тогда на машинах... Да, всех до единого, только в того, в хорошего немца, он бы нарочно не попал... И снова мысли его возвращались к горькой действительности, но с каждым разом тверже, осознаннее становилось стремление во что бы ни стало разыскать партизан и вместе с ними беспощадно бить фашистов. Это придавало ему силы, и он снова отправился в путь.

Наступил вечер четвертых суток его скитаний по лесу. Очень болела нога, ступня побагровела, опухла. Он уже давно передвигался с помощью крепкого сучка, подобранного в валежнике. Теперь и на ладонях вскочили волдыри, опираться на сучок он уже не мог. Совсем ослабев, он опустился на землю и подумал, что больше не встанет никогда... Эта мысль так испугала его, что он решил не ложиться. Боялся уснуть и не проснуться... С трудом поднялся и впервые за все время пошел в ночную темь.

Была поздняя ночь, когда мальчик вышел на опушку леса. Вдали что-то темнело, ему показалось, что это копна. Значит, где-то поблизости есть деревня, люди... Ободренный, зашагал он к копне, теперь уже мечтая поскорее зарыться в душистое сено и крепко-крепко заснуть. Но из темноты вместо копны выступили очертания избы и изгороди. Мальчик остановился, и радуясь и страшась. Ему очень хотелось есть, пить, рассказать людям о своей беде... Изба манила к себе. И еще не решив окончательно, как ему быть, он пошел к ней. «А вдруг там немцы?» Вспомнил Колюку, маленького, посиневшего, сестренку, мать. Перед глазами проплыли черные мундиры... «Лучше дождусь утра, издали

высмотрю, а то и убежать теперь не смогу...» Едва волоча ноги, озираясь по сторонам, он поплелся обратно в лес, но, не дойдя до опушки, опустился под большой куст и впал в забытие.

* * *

Партизанская разведка возвращалась с задания и наткнулась на спящего мальчика. Распухшая, израненная нога паренька подсказала партизанам, что с ним случилось что-то неладное. Пытались разбудить его, но бесполезно. Он смотрел широко раскрытыми глазами и, казалось, ничего не видел, бормотал что-то бессвязное, всхлипывал и опять засыпал.

Решили взять парнишку с собой. Несли по очереди. Путь предстоял не малый, нести было неудобно, мальчик часто бредил, его трясла лихорадка. Пришлось зайти на хутор к бабушке Аксины, у которой часто оставались. Надеялись, что она поможет. И не ошиблись. Бабка промыла теплой водой руки и ноги мальчика, больную ногу обложила листьями подорожника и с ложечки, как младенца, стала поить его теплым молоком, приговаривая ласковые слова.

Саня очнулся, боясь открыть глаза, прислушался к ласковому голосу старушки, ощутил тепло ее руки, поддерживающей его голову, услышал доброжелательный тихий разговор каких-то людей и успокоился.

Бабка, увидев, что мальчик очнулся, поднесла к его губам чашку, и он жадно выпил содержимое. По всему телу разлилась истома. Так и не открыв глаза, он снова впал в дремоту. Сквозь сон Саня слышал разговор об изодранной одежде, смутно понимал, что говорят о нем, потом почувствовал, что его раздевают и одевают во что-то другое, но так и не проснулся бы, если бы не услышал удивленные возгласы:

— Ба-а! Смотрите-ка! Да у него в карманах целый продсклад... И сахар. и сыр, и галеты! Немецкие галеты-то!

— Любопытно! Откуда это у него?

— А я думал, что мальчонка с голодухи такой заморенный!

— Не ел я их,— вдруг сказал Саня. — Они пахнут...

тем...— губы его задрожали, и, не договорив, он заплакал навзрыд.

Его утешали, но ни о чем не расспрашивали, поняли, что паренька постигла какая-то беда и сейчас лучше его не тревожить. Рыдания постепенно перешли в жалобные всхлипывания, и мальчик снова погрузился в сон. Так спящего и унесли его разведчики, смастерив из тонких жердей и прутьев носилки.

Была поздняя ночь, когда они доставили Саню в партизанский штаб и сразу же передали в санитарную часть, но только в полдень он пришел в себя и рассказал врачу и медсестре свою печальную историю. В тот же день она стала известна всем партизанам отряда. Его стали навещать, приносить подарки. Особенно большая дружба завязалась у него с разведчиками. Всегда после возвращения с задания они приходили к нему, приносили то яблоки, то мед и даже такие деликатесы, как немецкий шоколад и сгущенное молоко. И всякий раз Саня расспрашивал разведчиков, не встречали ли они его отца.

— Его сразу заметишь, он на правую ногу шибко хромает,— уже не первый раз говорил он.

— Найдется, Санек, твой отец. Не беспокойся!..— обнадеживали его разведчики.— Как увидим его, так прямым сообщением к тебе доставим!

Здоровье возвращалось к мальчику быстро, но грустное выражение не сходило с его лица. Окружающие замечали это и не упускали случая отвлечь его от тяжелых воспоминаний. Наконец ему позволили ходить, и вскоре он нашел себе занятие — начал ухаживать за лошадьми санчасти, чистить их, а потом и водить на водопой. Все свободное время он проводил в разведоте. Здесь было веселее. Разведчики и вправду были веселый народ, балагуры, будто не они каждый день рисковали жизнью, а кто-то другой, и о тех других рассказывали Сане увлекательные истории. Но странно, как только они говорили, сколько в том или ином бою уничтожили фашистов, Саня тревожился, брови его хмурились и он расспрашивал партизан, а какие собой были те немцы. Каждый раз он с опаской думал, как бы не попался партизанам и тот хороший немец. Ведь он не фашист.

Его расспросы удивляли партизан, и один из них как-то сказал:

— Да не все ли тебе равно, какие те фашисты — рыжие или черные, высокие или низкие?! Всех их надо давить, как мокриц!..

И тогда Саня рассказал разведчикам о своем, хорошем немце.

— Тот немец мне сказал «Ленин — хороший! Русский — хороший. Партизан — хороший!» Значит, он не фашист... Он сам послал меня к вам, даже заплакал, когда я уходил...

— Да, браток, война такая штука... — задумчиво промолвил один из собеседников.

— Верно, Санёк, верно, — отозвался другой. — Не все они плохие, не все фашисты, только в бою выбирать, кто хороший, а кто плохой, никак нельзя. Вот и приходится крушить всех подряд...

Постепенно Саня привыкал к партизанской жизни, к ее суровым будням. Вскоре он был зачислен к разведчикам в то самое отделение, бойцы которого нашли его в лесу. Вместе с ними стал он ходить на задания.

На фронте немцы несли большие потери. Красная Армия то тут, то там переходила в наступление, теснила оккупантов. В тылу у них ширилось партизанское движение. Неслыханными злодеяниями фашисты рассчитывали устроить народ. Они стали проводить так называемые «акции». Все чаще в селах появлялись команды эсэсовцев в черных мундирах с черепами на фуражках и в петлицах. Они приезжали неожиданно, загоняли всех жителей, независимо от возраста, в огромные серые автобусы, будто бы для переселения в Германию. Но это были автобусы-душегубки. В пути отработанный газ выходил не в глушитель, а поступал в кузов. Люди гибли. Вот каким переселением занимались так называемые зондер-команды СС.

Партизаны знали это, и когда разведка сообщила им, что оккупанты задумали переселять жителей ближайших населенных пунктов, командир отряда сразу принял решение.

Группа разведчиков вышла на задание. Недалеко от станции на хуторе жил старик-железнодорожник. С виду был он невзрачным — маленького роста, худощавый, но очень подвижный. Как и до войны, он работал

на станции стрелочником, работал исправно, им были довольны. Но и другие свои обязанности старик выполнял отлично. Обо всем, что происходило на станции, он сообщал навещавшим его партизанским разведчикам или связным.

Было уже за полночь, когда к нему пришли разведчики. Стрелочник сказал, что ожидается прибытие какого-то особого воинского состава с особой командой.

— Немцы говорят, будто здесь будут строить оборону и поэтому всех жителей куда-то переселят.

Разведчики переглянулись. Они догадались, о чем идет речь. А Саня вдруг вскочил.

— Переселять? — вскрикнул он. — Они их убьют!

— Тише, Санек, разберемся, — успокоил его командир разведки.

Стрелочник узнал об этом еще сутки назад, во время своего дежурства. Но прибыл ли уже этот особый эшелон на станцию или нет, он не знал и мог узнать, лишь вновь заступив на дежурство. И только вечером или ночью после дежурства он сможет сообщить разведчикам. За эти сутки эшелон мог прибыть, выгрузиться и зондер-команда СС могла уехать неведомо куда. Чтобы этого не случилось, решили сделать так. Саня под видом внука пойдет со стариком на станцию. В случае чего, старик скажет, что к доктору внука привел. А как узнают все, что нужно, Саня сейчас же отправится с донесением в условленное место на опушке леса.

Часа за два до рассвета «дед» и «внук» тронулись в путь. Неподалеку от будки стрелочника старик оставил Саню в укрытом от ветра местечке, а сам направился к сменщику, который копошился у одной из стрелок. Вместе они обошли и осмотрели все стрелки, и сменщик отправился домой. Выждав минуты две-три, старик привел Саню в будку и прежде всего сообщил:

— Состав тот покамест не прибыл, а прибыть, слышал, будто должен сегодня. Тупик для него уже освободили... Придется тебе, милоч, подождать тут, чтобы зазря своих не баламутить.

Старик показал Сане, как подбрасывать торф в чугунную печурку, и мальчик охотно занялся этим делом. Глядя на огонь, он вспомнил родной дом, семью и по-

рою ему казалось, что вот прогонят фашистов и все опять будет по-старому. Но звонил висевший на стене в деревянном ящике телефон, стрелочник выходил встречать поезда, и грезы мальчика рассеивались.

Так прошло часа три. Наконец после очередного телефонного звонка стрелочник сказал, что с соседней станции вышел тот «особый» состав. Саня хотел было тотчас идти к своим, но старик велел ему дожидаться прибытия эшелона.

— Надо узнать, куда эти бандиты подадутся. Вот тогда-то и пойдешь. Не так ли, Александр Степанович? — хитро прищутив глаз, произнес железнодорожник.

В знак согласия Саня молча, с достоинством кивнул головой.

Минут через двадцать мимо будки проползли вагоны-платформы с огромными автобусами мышиного цвета и несколько маленьких пассажирских вагонов, запорошенных снегом.

У Сани заколотилось сердце: автобусы были такие же, как и те, в которых «переселяли» его односельчан. Он их запомнил на всю жизнь. Увидел он и немцев: все они были в черных шинелях.

Старик напялил поглубже ушанку и, схватив метлу и лопатку, вышел из будки. Вернулся он нескоро, сообщив, что состав подали под разгрузку, и с досадой добавил:

— Горланят себе, ироды, в вагонах, пьянствуют, наверное....

Снова зазвонил телефон. Старик снял трубку.

— Стрелочник будки номер два слушает... Понятно, господин дежурный начальник: паровоз к колонке, потом на заправку и обратно к составу. Стало быть, скоро отбывает?.. Нет? Понятно, господин дежурный начальник.

Железнодорожник повесил трубку.

— Выгрузки нынче не будет. Состав остается у нас,— сказал он.— Придется тебе еще малость задержаться... Может, и разузнаю, куда они дальше подадутся. Посиди, милый, посиди еще маленько...

— А наши-то как там? Ждут меня, а я тут сижу. Еще подумают, случилось с нами что-нибудь...

— Ладно,— решительно ответил старик,— иди,

Александр Степанович! Скажешь хлопцам: состав прибыл, подали его в тупик под разгрузку, но разгрузки нынче не будет. Может, завтра начнут, кто их знает... А вечером будто в санпропускник пойдут.

— Куда? — не понял Саня.

— В санпропускник, в баню, что на краю станции. Вот и все. Что еще сказать? Ничего... Скажи — не узнал старик, куда направятся ироды после разгрузки. А завтра утром сменяюсь, так что пусть там наши поступают, как понимают. Понял?

Саня быстро оделся, старик повязал ему голову батыным платком, и они вышли из будки. У семафора расстались, и вскоре Саня скрылся из виду...

Юный разведчик точно передал все, что наказал ему старик. Этих сведений командиру отряда оказалось вполне достаточно, чтобы принять решение. Два батальона партизан получили приказ блокировать немецкую особую команду в санпропускнике и полностью уничтожить.

Уже совсем стемнело, когда батальоны подтянулись к станции и затаились в ожидании. Тем временем Саню вновь послали к стрелочнику. Но в будку он пришел не один. Его привел полицейский. С испугу старик поперхнулся печеной картошкой. «Попался, не дошел до своих», — подумал он, натужно откашливаясь.

— Не вовремя закашлялся, старый хрыч. Твой хлопец? — недружелюбным тоном спросил полицейский, растирая побелевшее от мороза ухо.

«Ну, крышка!» — решил про себя стрелочник и твердо ответил:

— Мой. А что?

— Вот тебе и «а что!» — передразнил полицейский. — Привел внука додохтура, а пустил одного шляться по путям. Знаешь, где его сцапали? У того состава, что утром прибыл! Ходит и ревет что есть силы: «Деда потерял! Заблудился!»

У старика отлегло от сердца. Он и впрямь подумал, что Саня заблудился.

— У-у, баловень, — напустился старик на мальчика, — вот огрею кочергой, будешь знать, как самовольничать!.. Я стрелки чистил, — продолжал он, обращаясь к полицейскому, — ему наказал дожидаться, а вернулся в будку — его и след простыл...

Для пущей убедительности старик замахнулся на «внука» кочергой. Саня смекнул, как вести себя, и будто от страха уткнулся лицом в угол.

Полицейский ухмыльнулся, прихватил дедову печеную картошку и ушел.

Старик хмуро уставился на Саню, ожидая, что он скажет в свое оправдание. Саня все рассказал, но умолчал о том, что не случайно зашел в тупик. А заглянул он туда в надежде увидеть того высокого голубоглазого немца, который спас его от смерти. Сказать об этом стрелочнику Саня не решился и поскорее перевел разговор на главное, ради чего пришел вторично.

— Надо, дедушка, узнать время, когда команда пойдет мыться.

Старик развел руками.

— Да нешто немцы мне об этом докладывают?— заворчал он.— Как это я могу узнать? Соображают там, что приказывают? Разве только дожидаться того часа, посматривать? А иначе и не знаю, как поступить...

Решили посматривать. Старик часто выходил из будки, то чистить стрелки, то заливать керосин в лампы, то еще за чем-нибудь, но немцы по-прежнему сидели в вагонах. Наконец стрелочник вернулся с сообщением, что немцы выходят из вагонов и строятся в шеренги.

— Давай, Саня, мотай быстрее! Скажи хлопцам, бандюги отправляются в баню. Запомни время: сейчас без десяти десять. Понял? Беги...

Саня мгновенно оделся и скрылся в темноте. Старик долго стоял у будки, прислушиваясь, не раздастся ли окрик полицейских, не прогремит ли выстрел? Но кругом было тихо. «Должно быть, благополучно ушел малец», — с облегчением подумал он, и хотя давно уже продрог, в будку не заходил, все прислушивался. Прошло около часа, как ушел Саня, а тишину по-прежнему ничто не нарушало. Старик начал волноваться. «Могут не успеть! Отмоются бандюги, тогда труднее будет с ними совладать», — размышлял он и так и не услышал, как к санпропускнику подкатили на санях партизанские роты.

Часовые-эсэсовцы не сразу сообразили, что за войско в столь поздний час появилось у бани. Лишь один часовой успел что-то крикнуть, но было уже поздно. К санпропускнику бежала лавина вооруженных лю-

дей. В окна полетели гранаты. Выскакивавших в одном белье эсэсовцев встречали очередями из пулеметов и автоматов. А Саня судорожно сжимал в руках автомат, проклинал фашистских убийц, причинивших столько страданий его родным, односельчанам, ему самому, порывался стрелять и не мог. «А вдруг он там... И я его убью!?» — думал он, и перед глазами возникал отчетливый образ большого, сильного и доброго человека, улыбающееся лицо, слезы на глазах.

Операция длилась не более четверти часа. «Зондеркоманда СС-267» была уничтожена целиком. Батальоны уже возвращались с задания, когда другие партизанские подразделения подорвали и зажгли особый состав, стоявший в тупике.

Вскоре после этой операции партизанская часть предприняла рейд по глубоким тылам оккупантов. Далеко позади остались места, с которыми у Сани связано так много тяжелых воспоминаний. «Того немца здесь не может быть», — с облегчением подумал мальчик. И хотя он понимал, что, возможно, и среди немцев есть такие же хорошие люди, все же теперь он не чувствовал себя скованным. Он вспомнил, как лежа в овраге, рыдал, кусая до крови губы и руки, как душило его сознание бессилия, невозможности защитить мать, сестренку, братишку. Теперь он возмужал, был не одинок и чувствовал себя сильным, призванным спасать ни в чем неповинных детей, женщин, стариков от жестокой участи, постигшей самых дорогих ему людей.

Во многих смелых операциях участвовал Саня Ячменев. Он был в числе лучших партизан-комсомольцев, которых командование представило к высоким правительственным наградам и направило на Большую землю с почетной миссией — принять от имени партизанского соединения боевое Красное Знамя.

...Из Кремля вся группа партизан направилась к Мавзолею Ленина. Медленно прошли они вдоль Кремлевской стены, подолгу всматриваясь в таблички с именами выдающихся деятелей революции. Обойдя вокруг Мавзолея, Саня вновь вышел на площадь и увидел группу людей, подходивших со стороны Спасской башни. Он не сразу понял, почему один из этой группы привлек его внимание, почему вдруг защемило и тревожно забилося сердце. Когда же наконец понял при-

чину этого непонятного волнения, он бросился к человеку, который выделялся изо всей группы своей прихрамывающей походкой. Радостный возглас раздался на площади:

— Папа-а!

...В эту первую минуту такой желанной и неожиданной встречи они не произнесли ни слова, но ордена на пиджаке отца и на гимнастерке сына уже рассказали им о жизни каждого за долгие месяцы и годы разлуки.

ПРИЗНАНИЕ

Сквозь неплотно закрытые шторы в небольшой, скромно обставленный кабинет пробивалась струя солнечного света. К игравшим в ней миллионам пылинок присоединялась голубоватая полоска дыма, лениво тянувшаяся из доверху наполненной окурками пластмассовой пепельницы.

Следователь, молодой шатен с аккуратным пробором, поднял брови и, поправив очки с толстыми стеклами в массивной оправе, потянулся к пачке папирос. Сидевший напротив него широкоплечий с посеребренными висками мужчина лет сорока пяти вдруг замолчал. Следователь отложил в сторону папиросу.

— Значит, вы хорошо помните этот случай? — спросил он с ноткой удовлетворения в голосе.

Собеседник ответил не сразу и без особого желания:

— Да, конечно.

— Прекрасно, — сухо проговорил следователь, снял очки, неторопливо протер стекла носовым платком и, водрузив их обратно на суховатый нос, добавил:

— Так вот, значит, дело какое. Обвиняетесь в убийстве человека.

Слова эти были произнесены нарочито спокойным тоном, словно речь шла о пустяках, хотя пристальный взгляд следователя говорил об обратном. У него был свой метод допроса, выработался и определенный подход к каждой категории людей. Разговаривал он, как правило, тихо, сдержанно, порою выражал сочувствие,

и неискушенному человеку могло даже казаться, что этот молодой человек чрезмерно мягок и доверчив. Но так бывало преимущественно в начале допроса, а позднее, если не все шло гладко, он срывался. Уже не раз ему указывали на этот изъян, но часто он не мог до конца выдержать роль. Да и «пациенты» бывали разные: иные средь белого дня до одурения утверждали, что стоит глубокая ночь. А этот странно, очень странно реагирует. Едва заметно дернул левым плечом, на секунду опустил глаза. Следователь заметил это.

— Виновным себя признаете? — после короткой, но для обоих многозначительной паузы так же спокойно спросил следователь.

— В чем? — в свою очередь спросил обвиняемый, будто весь предшествовавший разговор не состоялся.

— В убийстве.

Обвиняемый задумчиво посмотрел на следователя, вздохнул и ничего не ответил. Воцарилась гнетущая тишина. Прскуренный воздух закупоренного кабинета, запахи мастики от натертого до блеска паркета и ацетона от недавно отремонтированных кресел затрудняли дыхание. Обвиняемый был грузным человеком и при малейшем волнении страдал одышкой. Как бы желая дать понять своему «пациенту» бесполезность запираательства, следователь взял отложенную в сторону папиросу, закурил и сочувственно промолвил:

— М-да... Случай, разумеется, малоприятный. Тем более, что всплыл он спустя двадцать лет. Мне тогда было двенадцать да и вы были молоды... Понимаю. Но и вы поймите: сейчас играть в прятки бесполезно. Лучше сразу начистоту: вы совершили убийство?

— Да, но...

Еще минуту назад казавшийся флегматичным, ленивым, следователь вдруг преобразился. Жестким, требовательным тоном он перебил собеседника:

— Что «да»?

В глазах обвиняемого мелькнула настороженная лукавинка.

— А вы хотели бы, чтобы я сказал «нет»?

Следователю не нравилось поведение допрашиваемого, он хотел сказать ему что-то резкое, даже накричать, но сдержался:

— Вы сказали «да». Значит, вы признаете, что совершили убийство?

— Да, совершил потому, что считал своим долгом поступить именно так...

— Об этом мы еще успеем... А сейчас давайте уточним: итак вы не отрицаете, что совершили убийство?

— Нет...

— Что «нет»? — резко оборвал следователь. — Давайте условимся договаривать.

— ...

— Повторяю: итак, вы не отрицаете, что убили человека?

Выждав немного, чтобы не дрогнул голос, обвиняемый решительно ответил:

— Нет. Не отрицаю. Но...

Следователь почувствовал, что нажим его увенчался успехом и, решив довести признание до конца, не дал обвиняемому договорить:

— Минутку! Вы признались в совершенном убийстве. Так? Значит, вы признаете себя виновным?

Обвиняемый молчал.

— Хм... Интересно... — усмехнулся следователь. — В совершении убийства признались, а виновным в совершенном деянии — смелости не хватает?! М-да... Смею, однако, заверить, что так или иначе, а судить вас будут.

— За что?

— За что?! — со злой усмешкой повторил следователь и, не выдержав, стукнул кулаком по столу. — За убийство! Понятно?

По лицу обвиняемого пробежала тень. Слегка вздохнув, он вытер со лба испарину.

— Зря кипятитесь, — равнодушно сказал он. — Ведь я у вас, так сказать, в руках. Вы — меня вызвали сюда, вы — допрашиваете, вы — обвиняете в убийстве. Вы можете меня и арестовать... Чего же вам кричать да еще стучать по столу? Несерьезно... Не вам, а мне следовало бы волноваться, кричать...

Следователь не выдержал:

— А вы не читайте мне нотаций! За убийство вас будут судить по всей строгости закона!

— Пожалуйста, — пожал плечами обвиняемый. — Но в таком случае за убийство не одного, а двух человек...

Следователь привычным жестом хотел снять очки, но отдернул руку, словно обжегся.

— Как «двух»?!

Обвиняемый опустил голову, нахмурился и, глядя исподлобья на следователя, твердо произнес:

— В тот день я убил двоих. Да, двоих...

...Поздней февральской ночью 1943 года штабы партизанских отрядов и соединений облетела весть о прибытии в села по ту сторону реки Ипуть войск противника. В донесениях разведчиков подчеркивалось, что гитлеровцы расположились в крестьянских хатах и, судя по всему, надолго. К исходу следующего дня аналогичные сведения поступили и с противоположной стороны партизанского края, охватившего огромную территорию Клетнянских лесов. А еще день спустя народные мстители уже точно знали о намерении оккупантов блокировать партизанский край. И хотя блокада не предвещала ничего хорошего, для партизан этих мест она не была новостью: минувшей весной и на протяжении почти всего лета оккупанты не раз посылали карательные экспедиции, но все они кончались для них плачевно, а освобожденная территория еще более увеличивалась и к осени превратилась в огромный партизанский край. Сюда стекались на зимовку десятки отрядов, бригад, групп и соединений, здесь был оборудован аэродром, на который с Большой земли прилетали с посадкой двухмоторные транспортные самолеты. Они доставляли оружие, боеприпасы, медикаменты и вывозили раненых.

Освобожденный район стал для оккупантов костью в горле. И вот гитлеровское командование вновь решило ликвидировать его. К этому, как видно, фашисты готовились давно. Они стянули много войск, боевой техники, особенно артиллерии, и окружили партизанский край плотным кольцом. К тому же была зима, глубокий снег затруднял передвижение, на нем оставались следы, а оголенный лес просматривался далеко вглубь. Все это лишало партизан немаловажного преимущества — маневренности, скрытности передвижения.

Оккупанты учили свои промахи и на этот раз применили новую тактику: днем они наступали, сжимая

кольцо окружения, а по ночам вели непрерывный артиллерийский обстрел леса. В это время войска, занятые днем в операциях, отдыхали.

На четвертые сутки партизаны были вынуждены покинуть теплые землянки. Днем они вели бои с нападавшим противником, ночью их донимали холод и артиллерийский обстрел. И хотя потери были незначительные, они основательно измотались.

Шли седьмые сутки этой изнуряющей борьбы, когда на совещании партизанских командиров было решено одновременным ударом в разных местах прорвать кольцо блокады и на время покинуть район Клетнянских лесов.

Стояла лунная ночь. В морозной дымке искрился голубоватый снег. Было светло, настолько светло, что засевшие где-то впереди гитлеровцы не выбрасывали, как обычно, осветительные ракеты. В полночь лавина партизан на сани, верхом, на лыжах, с длинным обозом боеприпасов, продуктов питания и раненых ринулась на прорыв. Молча скользили они по снежному насту, готовые в любую минуту принять бой. Оккупанты то ли прозевали головной дозор и большую часть колонны, то ли ступшевались перед столь внушительной силой и открыли бешеный огонь с флангов тогда, когда к месту прорыва подошел арьергард. Замыкавший колонну батальон вынужден был развернуться и принять бой. Трассирующие пули скрещивались в воздухе, вокруг свистели и рвались снаряды и мины. Получив подкрепление, немцы перешли в наступление. После часового боя батальон с частью обоза оказался окончательно отрезанным от ушедшей далеко вперед колонны и был вынужден отступить. Весь остаток ночи они углублялись в лес.

Утром появилась авиация противника и, напав на след батальона, сбросила большое количество противотанковых и фугасных бомб. Испуганные взрывами лошади рвали упряжь и металась по лесу с перевернутыми санями.

Вскоре на одной из застав, выставленных батальоном, появились фашистские лыжники. Завязался бой. Нагрянули гитлеровцы и на другую заставу. Партизаны отражали одну атаку за другой, не давая немцам приблизиться. Лишь к вечеру оккупанты откатились,

так и не добившись успеха. Но как только стемнело, заговорила вражеская артиллерия. Всю ночь пришлось маневрировать по глубокому снегу. Между тем многие партизаны в бою лишились лыж. Было невероятно трудно передвигаться. А днем снова налетели самолеты, снова бомбили. Потерь почти не было, но не было и передышки..

На третьи сутки завязался особенно упорный бой. Потери партизан были невелики, но батальон разбился на мелкие группы. Большинство из них оказалось без запасов боепитания и продовольствия. Теперь каждый из командиров самостоятельно принимал решение: одни надеялись прорваться через кольцо окружения и догнать своих, ушедших с колонной в Белорусские леса, другие решили отсидеться в лесу в расчете на то, что гитлеровцы не станут долго блокировать опустевший лесной массив.

В числе таких разрозненных групп был и взвод связи. Двенадцать шифровальщиков, радистов и их помощников возглавлял молодой лейтенант Игнат Ефимов. Этот всегда подтянутый, порывистый, но рассудительный парень, несмотря на исключительно трудное положение, в котором оказался его взвод, сохранял бодрость духа. И прежде он не раз попадал, казалось бы, в безвыходное положение, но всегда благополучно выходил из него.

Группа уже несколько дней бродила по лесу, шараясь то в одну, то в другую сторону, чтобы избежать столкновения с гитлеровцами. Их карательные отряды рыскали по сугробам, прочесывали просеки. Положение разрозненных групп становилось все более отчаянным. Каждый патрон был на учете, продукты иссякли, а усталость стала невыносимой. Стрельба же в лесу не прекращалась. Ефимов и его товарищи находились в состоянии постоянного напряжения, ежеминутно прислушивались, часто меняли направление движения. Юю, петляя, Ефимов все же вел группу на юго-запад, куда ушли главные силы бригады. Это решение он принял несмотря на то, что именно с юго-запада больше всего доносилась стрельба и гитлеровцы именно оттуда особенно упорно наседали на партизан. Создавалось впечатление, будто в противоположной стороне блокада менее плотная и устойчивая. Но Ефимов подо-

зревал, что немцы не случайно так упорно добиваются, чтобы партизаны отходили на север. Там могут быть засады, ловушки...

И тринадцать связистов, истощенных голодом, измотанных бесконечными переходами, шли и шли, утопая в снегу. Каждый из них нес тяжелый груз. Радисты помимо оружия не расставались со своими рациями и рабочим питанием к ним. Остальные несли запасные диски с патронами и гранатами, по шесть четырехсотграммовых шашек тола, всякого рода ключи и приспособления к минам замедленного действия, наконец запас питания для радиостанций — анодные и большие батареи БАС-80 общим весом с добрый десяток килограммов на душу. Лейтенант Ефимов и его помощник старший сержант Петр Изотов — парень богатырского сложения, попеременно несли динамомашину с ручным приводом.

Шли гуськом, с трудом переставляя ноги. Часто приходилось останавливаться, чтобы сменить идущего впереди. Головному приходилось особенно туго: ноги утопали в снегу выше колен. Это быстро утомляло. В движении разогревались до испарины, а на привалах мерзли, коченели руки и ноги. И опять подымались, опять шли и шли...

— Хоть бы кто из нас скапустился или пристал, а то чертова дюжина к добру не приведет, — устало ворчал самый молодой в группе девятнадцатилетний партизан Игорь Гороховский.

Ефимов оборвал его:

— Брось болтать чепуху!.. Какую-то чертову дюжину придумал... Вас двенадцать, а тринадцатый — я. Успокоился?

— Все равно тринадцать — уныло буркнул Гороховский, не глядя на лейтенанта.

Ефимов с досадой махнул рукой. Он еще раньше замечал что-то странное в поведении Гороховского: то он становился не в меру говорлив и весел, то вдруг сникал, молча удивленно озирался по сторонам, немигающими глазами смотрел на товарищей и будто не узнавал их.

Было хмурое морозное утро, когда группа, в который раз, пересекала просеку. Неожиданно поодаль показалась длинная цепочка людей, переходивших про-

секу в обратном направлении. И те и другие остановились, присмотрелись и, убедившись в том, что набрали на своих, пошли навстречу друг другу.

Оказалось, что это была сборная группа из партизан, отбившихся от своих отрядов. Было их двадцать два человека и среди них молодая женщина по имени Лора, жена погибшего недавно командира одного из отрядов. Ефимов знал ее и был рад встрече. Сборную группу вел старший лейтенант Васин. Собственно, никто его не назначал; сам проявил инициативу, возглавил людей, хотя партизанил он, по словам Лоры, не очень давно.

— Бежал из плена,— пояснила она.— У нас был командиром отделения. Говорит, будто старший лейтенант...

Подошел и сам Васин.

— Куда путь держите? — спросил Ефимов.

— А куда теперь идти? К линии фронта... — как само собой разумеющееся сказал Васин и добавил: — Главное вырваться из окружения, а там будет видно...

Доводы Ефимова о нецелесообразности и опасности избранного Васиным направления не убедили его. Он и слушать не хотел о маршруте в Белорусские леса. Лора молчала, но выражение ее лица говорило о скептическом отношении к плану старшего лейтенанта.

В разговор вмешался Изотов:

— А может, и в самом деле лучше двинуть на северо-восток?! Откуда мы знаем, что там засады? Только догадки...

— Хэ-хэ! В Белорусские леса ушла без малого вся паца орава, теперь туда и немцы пожалуют... Это уж как пить дать! Все отсюда перемахнут туда... — зататорил вдруг стряхнувший с себя уныние Гороховский.

— Ишь ты! К бабушке на печку захотел? А кто воевать с немцами будет? — разозлился Ефимов. Доводы Гороховского не поколебали его. Но группа Васина должна была вот-вот тронуться в путь, и Ефимов подумал: «В самом деле, ведь никто не знает, какое положение в северной части района. Быть может, там проще прорваться? Да и легче будет вместе, тем более, что у группы Васина есть станковый пулемет, правда, без станка, но с затвором, исправный...»

— Ладно,— сказал он примирительно.— Пусть будет по-вашему. Пошли вместе на север...

Васин, показавшийся Ефимову при первом знакомстве человеком черствым, неразговорчивым, как-то сразу преобразился. Он предложил Ефимову распределить рации, питание к ним и прочий груз между бойцами его подразделения и высказал искреннее сожаление, что ничем больше не может помочь.

Ефимов принял предложение с благодарностью, но приказал отдать только вещевые мешки со взрывчаткой, капсулами, детонаторами и другими приспособлениями к минам и часть запасных комплектов питания.

— Радистам не положено расставаться со своими рациями,— ответил он на повторное предложение Васина распределить и рации.

Изотов нес теперь лишь динамомашину, или, как обычно ее называли радисты, «крутилку», а Ефимов при себе оставил главную рацию — портативную — и сумку с документами.

Тронулись в путь. Все почувствовали облегчение, но не надолго: Васин отказался остановиться на дневку. Он, наоборот, предпочитал двигаться только днем.

— Сейчас видно, куда идешь и что делается вокруг. А что ночью? — парировал он доводы Ефимова.

Было тяжело после бессонной ночи, но Ефимов с товарищами решили не отставать. Так они и шли, подолгу отдыхая, однако и переходы совершались немалые. Васин шагал бодро, людей вел уверенно, отдавал четкие приказания, отчитывал отстающих, не терпел пререканий, хныканья.

К радости Ефимова и его товарищей, день прошел спокойно. Остановились на отдых, только когда стало темнеть. Ефимов очень удивился, узнав, что старший лейтенант разрешил разжигать костры. Он поделился своими опасениями с Изотовым.

— Не стоит вмешиваться,— заметил старший сержант.— Не он к нам, а мы к нему примкнули. Будем подчиняться...

От костров повеяло ароматом смолистой хвои. Шипели мерзлые сучья. Промерзшие, изголодавшиеся партизаны, плотно набив снегом костелки, обступили

костры. Обжигаясь, жадно пили почти кипящую безвкусную воду. Согревали, как они говорили, душу...

Ефимов беспокоился. Самоуверенные действия старшего лейтенанта он считал рискованными. Правда, день прошел спокойно и ночью вражеская артиллерия уже не обстреливала весь лес квадрат за квадратом, как прежде, но ведь это могло быть потому, что теперь каратели углубились в лес. Кое-кто во взводе стал осуждать чрезмерную осторожность Ефимова, приказавшего радистам быть подальше от костров. Огонь притягивал людей как магнит. Некоторые помощники радистов пошли варить куски ремня. Говорили, получится «суп».

К связистам подошли Лора и Васин. Обращаясь к Ефимову, старший лейтенант не без иронии заметил: — Чего хоронитесь, к кострам не идете погреться?

Никто не ответил.

— Что ж! Вольному — воля, спасенному — рай, — так и не дождавшись ответа, сказал Васин и медленно побрел обратно.

Ефимов помрачнел. Он уже жалел, что изменил свое решение, терзался, искал оправдания своему поступку. «Бригада ушла в противоположную сторону, лишена связи с Большой землей, а мы спасаем свою шкуру, так что ли? — мысленно спрашивал он сам себя и отвечал: — Но ведь я обязан сохранить людей, рации и документы. На юго-запад путь, конечно, короче, но еще вопрос — проскочили бы там?»

Изотов уже давно воевал вместе с Ефимовым, делил с ним партизанские радости и горести. Он заметил подавленное настроение друга и решил подбодрить его:

— Погоди, Игнат Петрович, огорчаться... Может, часть нашего батальона тоже ушла на север? Почему знать? А если нет, так тоже не беда: дадим крюк, а к своим вернемся. Главное — сохранить рации и связь с Москвой....

Не успел Ефимов ответить, как внезапно совсем близко раздалась автоматная очередь и вслед за нею затрещало множество автоматов и пулеметов. Нити трассирующих пуль потянулись из глубины леса к ко-

стрем. Шквал огня был направлен на столпившихся у огней партизан. Лес гудел, эхо умножало шум и катилось куда-то вдаль.

Вскоре раздались разрозненные ответные выстрелы, слышалась длинная-длинная очередь станкового пулемета, но вдруг оборвалась...

Неравенство сил и невыгодность положения партизан были очевидны. Ефимов подал команду: «За мной!» — и, припав к рыхлому снегу, стал отползать в сторону. Позади вспыхивали осветительные ракеты, не прекращалась стрельба.

Долго выбирались из зоны огня. Ефимов чувствовал, что кроме Петра Изотова за ним ползут еще несколько человек, а когда, наконец, остановились, он насчитал всего восьмерых, среди них были Лора и старший лейтенант Васин, который, видимо, не успел отойти далеко от группы Ефимова, когда грянули залпы карателей. Выходит, вместо того чтобы попытаться вывести своих бойцов из-под обстрела, он попросту сбежал. Так подумал Ефимов, но Васин изобразил дело иначе. И хоть его никто не спрашивал, он счел нужным объяснить свое появление.

— Вот дьявольщина! Еле дополз до костров, а там пусто, разбежались... Ползу обратно — и вас нет на месте! — тоном упрека заключил он.

Такое объяснение не рассеяло подозрений Ефимова, но он не хотел говорить об этом в присутствии бойцов да и не до того было.

Все настороженно прислушивались к одиночным выстрелам и коротким перестрелкам, раздававшимся с разных сторон, напряженно всматривались в тьму леса, освещаемого вспышками ракет, и безостановочно шагали, чтобы скорее и дальше уйти от злополучного места.

Из своего взвода Ефимов не досчитался шести человек и как раз помощников радистов, что ушли к кострам. Теперь было бессмысленно ждать их или разыскивать. У каждого из них при себе было оружие. Ефимов всегда внушал товарищам, что в тылу врага нельзя ни на минуту оставаться без оружия. «Неожиданности тут могут быть каждую минуту!» — говорил он. Вспоминая об этом, он не мог простить себе, что не запретил им в категорической форме ухо-

доть к кострам, как это сделал в отношении радистов. И вообще ругал себя за то, что поддался уговорам и изменил первоначальный маршрут. Ведь сердце подсказывало ему, что на севере должны быть ловушки, и хоть сейчас поздно было об этом думать, он думал и терзался.

Одно обстоятельство в какой-то мере успокаивало его: все рации были целы, с ним остались оба радиста и два шифровальщика. Стало быть, связь с Москвой будет установлена, как только они выберутся из зоны блокады. Не отстал от него и верный помощник Петя Изотов, который, чувствуя долю своей вины за случившееся, теперь старался во всем поддержать Ефимова. Радовало и то, что, несмотря на переполох, Изотов успел захватить «крутилку», а помощник радиста Игорь Гороховский, казавшийся Ефимову нерасторопным да и вообще не вполне надежным, не только не оставил свою сумку с запасными батареями, но прихватил еще и чужую. На месте была и пухлая полевая сумка с шифрами и документами. С ней Ефимов не расставался. Даже ложась спать, клал ее под голову, не снимая. «Без этой «подушки», — говорил он, — голова мне ни к чему!»

К утру Ефимов остановил группу на дневку. Приказал всем тщательно замаскироваться в снегу и без его разрешения никому и никуда не отлучаться в течение всего дня.

Нападение карателей многому его научило. Он стал суровым, даже злым. Тоном, не терпящим возражений, объявил, что вновь избрал маршрут на юго-запад, в Белорусские леса.

— Кого это не устраивает, может идти на все четыре стороны, — заключил он, имея в виду, конечно, только старшего лейтенанта Васина.

Никто не произнес в ответ ни слова.

...Двое суток пробирались по глухому лесу девять партизан. Мороз, глубокий снег, тяжелая ноша и голод утомили всех до предела. На очередной дневке Ефимов и Изотов закопали последний запасной комплект с батареями для приемника, оставив лишь единственную сумку с рабочим питанием. Еще раньше все, вклю-

чая Ефимова, побросали все личные вещи, а теперь даже самый выносливый из них — Петя Изотов извлек из кармана и выбросил огрызок мыла и моток ниток с иглой. Запасных патронов ни у кого уже не было, и второй диск от автомата болтался пустой. На него нет-нет да и поглядывали: «Может, кинуть к чертовой бабушке?», но тут же спохватывались: «Все же диск. Еще может понадобится...»

Один Гороховский остался без запасных кассет к немецкому автомату. Говорил, будто потерял их в суматохе.

День прошел спокойно. Солнце бросало из-за горизонта последние алые отблески на макушки деревьев, когда все проснулись.

Желудки, казалось, выворачивало наизнанку, но никто не шевельнулся, лежали плотно прижавшись друг к другу, пригрелись и никому не хотелось нарушать этот «уют». Ефимову, конечно, тоже не хотелось вставать, но команду: «Подъем!» — он все же подал. Все продолжали лежать. Пришлось подать пример, подняться. Ноги отекали, ныли ребра и особенно плечи. Подымаясь, люди косились на мешки с грузом: казалось, надень их и с места не сойдешь...

Перед тем как снова тронуться в путь, Ефимов бросил взгляд на торчавшие из голенищ валенок ложку и финку. Думалось, выброси их, сразу станет легче.

— Эх, будь что будет... Найдем жратву, найдется и хлебалка... — сказал он и, достав ложку, швырнул ее в снег. Взглянул на правую ногу, потрогал финку и решительно задвинул ее глубже в голенище. «Все же и это оружие!»

Весь остаток сил надо было собрать, чтобы выйти из окружения, сохранив рации с комплектом батарей и, конечно, «крутилку», без которой передатчик не мог работать.

— Это, Петенька, нам с тобой надо беречь как зеницу ока, — сказал Ефимов Изотову. — Без связи — конец! Не простят нам, если мы ее не сохраним... А будет связь, будет тебе дудка, будет и свисток... Понятно?

Изотов выразил свое согласие, едва заметно кивнув головой.

В начале пути то и дело оглядывались, пока не стало смеркаться. Еще не совсем стемнело, когда сквозь

оголенный молодняк впереди показалась открытая местность. Думали, что это поляна, но подошли ближе и увидели изгородь, копну сена, накрытую пышной снежной шапкой, а еще дальше неясные очертания хат. Это было небольшое село, всего пятнадцать-двадцать дворов. Радостно и тревожно забились сердца партизан, словно они открыли нечто неведомое миру.

Старший лейтенант Васин, который все эти дни был угрюм и молчалив, первым изъявил желание пойти в разведку. Вызвался, как всегда, и Изотов. Молчали лишь радисты, заранее зная, что Ефимов им не разрешит.

— А не лучше, если я пойду? — предложила Лора.

Ефимов подумал: «А в самом деле, не послать ли ее? Женщина скорее расположит к себе людей».

В разведку отправились Лора и Изотов. Вскоре они вернулись и принесли хорошие вести: в селе нет ни немцев, ни полицейских. Из «властей» только староста.

— Но люди на него не в обиде, — сказал Изотов. — По хатам, говорят, ходит, только когда немцы наезжают за податью.

— Это бывает по утрам, — пояснила Лора. — И живет он вон на том конце села... — указала она куда-то в темноту.

Девять человек вошли в ту самую хату, в которой уже побывали Изотов и Лора, и сразу разомлели. Одолевала слабость, от усталости тряслись руки и ноги, хотелось, не раздеваясь, повалиться на пол и с наслаждением вдыхать теплый воздух, запахи человеческого жилья.

Бодрее всех была Лора. Эта с виду хрупкая молодая женщина в куцей шинелишке, повязанная жиденьким черным платочком поверх неуклюже нахлобученной ушанки, оказалась очень выносливой. Она нашла в себе силы подойти чуть ли не к каждому, помочь снять с плеч ношу, оружие, раздеться.

Хозяйка хаты — старушка, глядя на совсем обесилевших людей, на их изможденные, обросшие щетиной лица, сокрушенно качала головой, потом спохватилась, что-то шепнула дочери и парнишке лет восьми-девяти, и вскоре на столе появились большой круглый

черный хлеб, горлач с топленым молоком да казанчик с еще неостывшей картошкой в мундире.

— Вы, мамаша, точно ждали нас,— удивился Ефимов, разрезая свежий хлеб с примесью картофеля и гречки.

— Да мы ж усёгда ждем своих,— ответила старушка и, увидев, как все жадно набросились на еду, ласково предостерегла: — Ой, хлопчики, ешьте на здоровьичко, але не много... не много, родные, ба помрете... Не бижайтесь, усё тут ваше.

Старушка вышла за чем-то из комнаты, а молодая, как бы оправдываясь, рассказала, что в соседнее село тоже ночью пришли двое из леса, накинулись на еду, а к утру померли.

— И хлопцев жалко, але и людей у том силе тож жалко...— говорила она.— А коли люди стали хоронить партизан, германы дознались, щё у силе ховались чужие. Так, змеи, спалили усё сило...

Партизаны вняли доброму совету. Сделать это было не легко, но они уже сами ощущали, что дышать стало необычно тяжело, а пища будто застряла в груди... Более половины хлеба осталось нетронутым.

Ефимов отошел в сторону и, стараясь отдышаться, начал чистить свой автомат. Обращаясь к товарищам, он сказал:

— В тепле оно отпотело, а как выйдем на мороз прихватит, может отказать... Обязательно каждый протрите свое оружие.

Лишь Гороховский не последовал примеру своего командира. Впрочем, он ничего не слышал, он спал, примостившись на полу у печи.

Ефимов расспрашивал хозяек о немцах. Оказалось, что до ближайшего села, откуда обычно они приезжают за податью, всего пять-шесть километров, что там крупный гарнизон, есть много и полицейских. Изотова интересовало, какие слухи ходят о боях гитлеровцев с партизанами. А Васин осведомился, часто ли здесь бывают полицейские и как они себя ведут.

Женщины охотно отвечали на вопросы, сетовали на тяжкую жизнь «под германом» и неизменно заключали свои речи одним и тем же пожеланием, чтобы скорее сюда пришла Красная Армия. Партизаны соскучились по людям и, выяснив все, что их интересовало, вели

неторопливый задушевный разговор о чем вздумается. В хате было тепло, даже жарко, как утверждали хозяйки, рассказавшие, что печку сложил муж дочери, что он ушел в Красную Армию еще «по першей билизации». Однако гостей все еще пробирала внутренняя дрожь. Они так намерзли за дни скитаний, что, казалось, и июльское солнце не способно отогреть их. Оттого каждый норовил плотнее прижаться к печке и, конечно, всем хотелось продлить эти блаженные минуты. Бревенчатые стены надежно ограждали их от пронизывающего ветра, трескучего мороза, глубоких сугробов; никому не хотелось думать о том, что вот-вот опять придется уйти в лес, навстречу новым и, кто знает, каким еще, тяжким испытаниям. Но Ефимов был обязан думать об этом и дал понять товарищам, что пора готовиться в путь. Когда Изотов стал будить задремавших, Гороховский забрюзжал: «Куда?.. Зачем?.. Чего спешить? Почему бы не остаться в селе на ночевку?..» Никто его не поддержал, напротив, стали попрекать и поругивать. Только Васин отмалчивался, хотя он первый должен был поддержать Ефимова.

Рассовав по карманам нарезанный хлеб и оставшиеся в казанчике картофелины, партизаны стали прощаться, благодарить за гостеприимство.

Женщины в свою очередь просили извинить их, если чем не угодили. Старушка достала еще буханку хлеба и сунула ее Лоре.

— Бери, доченька, бери. Проголодаетесь... Вас вон сколечко!..

— А может, хлопчики, остались бы туточка до утра? — обратилась она к Ефимову. — Погрейтесь ще малость да портяночки пообсушите. А там с богом сабе и пойдете...

На мгновение Ефимов заколебался, но чувство ответственности за жизнь людей, за сохранность раций и особенно шифров придало ему решимости. Нет, нельзя оставаться, рискованно...

— Спасибо, бабуса, спасибо!.. Но нельзя, никак нельзя нам задерживаться, — ответил Ефимов старушке. — Да и вам худо будет, если немцы нас тут застанут...

Выходя из хаты, люди чувствовали себя сравнительно бодро, но странное дело — с каждым шагом идти ста-

новилось все труднее, никак не удавалось соразмерить дыхание с движением, ноги отяжелели, словно на них повесили гири. Такого состояния они не испытывали даже до прихода в село. Ефимов подбадривал себя и товарищей, уверял, что, как только они втянутся в ходьбу и разомнутся хорошенько, это необычное состояние пройдет. Но оно не проходило, напротив, становилось все более тягостным.

Едва достигнув леса, Ефимов вынужден был остановиться, чтобы отдышаться, а заодно подождать, пока подтянется вся не в меру растянувшаяся цепочка людей. Одним из последних подошел Гороховский и тотчас опустился на снег, его примеру последовали и другие. Ефимов сделал вид, будто с этой целью и остановил группу. Он по себе чувствовал, что далеко им не уйти, и принял решение вернуться в село, передохнуть там до утра. Гороховский, почувствовав себя «на коне», не удержался от ядовитой реплики:

— Вот уж действительно лучше поздно, чем никогда!

— А ты, видать, наперед знал, что свалишься? — одернул его Изотов.

Вернулись, когда хозяева хаты уже улеглись, но приняли они партизан так же радушно.

На ночевку в хате остались только Ефимов и Изотов. Остальных по просьбе Ефимова молодая хозяйка развела по надежным людям. В соседней хате разместились радисты и шифровальщики; в другой, что стояла поодаль через дорогу, — Васин, Лора и Гороховский, которого старший лейтенант прихватил по собственной инициативе.

Ефимов предупредил, что отдыхать будут до утра и что время выхода сообщит через молодую хозяйку, а на случай тревоги назначил место сбора.

Не снимая овчинных полушубков и снаряжения, лишь расстегнув воротники, Ефимов и Изотов легли на подостланную у самой печи и накрытую домотканым ковриком солому.

Уснули сразу, но то и дело вскакивали и недоумевающе озирались по сторонам. Свет коптилки на сдвинутом в угол столе, запахи кислых дрожжей и залежалого картофеля тотчас восстанавливали в памяти собы-

тия минувших суток, и успокоенные они вновь засыпали. Наконец сон поборол всякую настороженность.

— Петрович, а Петрович! Проспали мы, вставай! — тормошил Ефимова Изотов. — Знаешь, сколько сейчас времени?

Ефимов открыл глаза и, еще не понимая, где находится, схватился за автомат и полевую сумку. Изотов был тут, рядом лежала рация, но вот комната стала совсем не такая, как ночью. Теперь она казалась большой и светлой, и Ефимов еще несколько секунд подозрительно осматривал предметы, которые раньше в полутьме не приметил. Наконец он успокоился, посмотрел на часы.

— Одиннадцать?!

— А ты думал! Дали храпака что надо!

— Не понимаю, почему же хозяйки нас не разбудили, как уговорились?

В комнату вошла молодая женщина. Она, очевидно, слышала их разговор.

— Да вы не тревожьтесь... — застенчиво улыбаясь, сказала она. — Змеи нынче не придут... Мятёт добре...

Поражаясь своей беспечности, Ефимов сделал резкое движение, чтобы встать, и тотчас опустился на место, крикнув от острой боли, пронзившей руки и ноги. Передохнув, он осторожно поднялся, но теперь ощущал жгучую боль в ступнях, точно стоял на раскаленных углях. Ему стало страшно: «Как же мы уйдем отсюда?» С трудом добрал до окна, держа автомат наготове, отыскал в нижнем углу залеplенного снегом стекла чистый уголок и стал вглядываться: за окном бесновалась метель, на широкой улице громоздились снежные сугробы, едва видные сквозь густую сетку пурги. Кругом ни души. Он услышал вой бушевавшего ветра, и от души сразу отлегло...

Молодая хозяйка не сводила глаз с обросших парней, застывших с автоматами в руках, словно они готовились вступить в последний и решительный бой. Она поспешила успокоить:

— Да ничегошеньки... Дорогу усю замело, ни один герман до нас не доберется. Ни, ни! Отдыхайте спокойненько...

Это была удача. Не будь метели, пришлось бы ухо-

доть. А как это сделать, если обмороженные руки и натруженные ноги будто сковали Ефимова, да, наверное, не один он в таком состоянии. Вот и Изотов признался:

— Мочи нет, как болят ноги...

Решили остаться и на дневку. Но надо было сообщить товарищам дальнейшие планы и узнать об их самочувствии. С трудом Ефимов достал из сумки тетрадь, карандаш, хотел известить товарищей о своем решении, но пальцы не слушались. Под его диктовку записку написал Изотов.

Вскоре хозяйка вернулась. Лора сообщала, что Васин требует остаться в селе еще на сутки или двое.

«Он говорит, что надо отдохнуть как следует, впереди будто нигде нет сел,— писала Лора.— Пусть даже так, но нам непременно надо уходить в ночь». Слово «непременно» было дважды подчеркнуто.

Ефимов нахмурился. Передавая записку Изотову, сказал:

— У них что-то неладно...

Изотов прочел записку, о чем-то задумался и тихо произнес:

— Станный этот Васин...

До сих пор Ефимов скрывал свое неприязненное отношение к Васину, которое возникло у него чуть ли не с первой минуты. Скрывал потому, что ему самому были не ясны причины такой антипатии. Теперь же он откровенно поделился с Изотовым своими сомнениями и наблюдениями.

— Это ты верно говоришь. То командовал, покрикивал, а как растерял людей, сразу успокоился и вроде доволен тем, что освободился от забот. И беспечность его удивляет: то костры разжег, теперь вот настаивает остаться здесь...

— И смотрит все волком. Слова не скажет, чтобы поддержать нас. Ведь он все же старший лейтенант и бойцы это знают...

— Словом, Петя, оставаться тут мы не будем,— прервал его Ефимов.— Решено. Но как быть с ногами и руками?

— Надо бабушку спросить. Небось, знает какое-нибудь средство.

— Кстати, что-то ни ее, ни мальчика не видно. Где они?

Как ни больно было ступать, Ефимов решил все же попробовать добраться до соседней хаты, навестить радистов и шифровальщиков. Он поднялся, сжав зубы, сделал несколько неуверенных шагов, остановился и снова пошел, держась за стену.

Во дворе крутила пурга, остервенело дул ветер, поднимая снег с сугробов. Идти здесь было еще труднее, но он шел, точно ребенок, делающий первые шаги. За углом дома дорогу ему преградил большой сугроб, он стал обходить его и откуда-то сверху услышал детский голос. Подняв голову, Ефимов увидел на чердаке старушку-хозяйку и ее внука. Они сидели на сене, накрытые домотканым рядом.

— Змеи вже не приедуть нынча, але треба ще покараулить? — спросила Ефимова старушка.

«Так вот где они! Вот это люди!» — подумал Ефимов и, обращаясь к старушке, сказал:

— Ах, бабуся, бабуся! Видать, нас пожалели, не разбудили, а сами мерзнете здесь? Спасибо вам, бабуся...

Когда Ефимов вернулся в хату, у печи стояло деревянное корыто, а на скамейке несколько разнокалиберных кувшинов и казанчиков с водой. Достав из печи еще один казан с кипятком, молодая хозяйка сказала:

— То вам попарить малость ноги... От поглядите, враз поможет!..

Друзья постепенно приходили в себя, ступать Ефимову становилось все легче и легче. Правда, кончики пальцев на руках еще побаливали, но это было терпимо.

На столе появилось множество мисок и тарелок со всякой неприхотливой снедью. Приглашая обоих к столу, молодая хозяйка застенчиво сказала:

— Кушайте на здоровычко, усё тут для вас, скушаете, ще ёсть... Толечко не торопитесь... Не бижайтесь, кушайте...

— Спасибо, хозяйюшка. Вы нас, как говорится, с того света вернули!.. Теперь уж мы не помрем, правда, Петя? — пошутил Ефимов.

Молодая хозяйка вышла, и вскоре в хату вошла старушка. На «посту» теперь ее сменила дочь. Узнав, что уже четвертый час, старушка махнула рукой:

— Тепереча германы вже не придуть, — уверенно

сказала она и, выйдя в сенцы, тотчас вернулась с маленькой аптекарской баночкой в руке.

— А то дочка наказывала салочко гусиное достать. От мороза самое что ни есть лучшее... Вот положьте на пальцы и пооблегчит. Да, да, то я знаю...

Когда старушка вышла из комнаты, Изотов задумчиво произнес:

— Досадно, Петрович! Такой у нас дружный народ, а немцев до самого сердца страны допустили... Думаю, я над этим много, но, признаться, никак не пойму, почему так случилось...

Ефимов посмотрел куда-то вдаль.

— Видно, плохо подготовились... Так я понимаю. Но все равно им долго не хозяйничать у нас. Увидишь. Погонят да так, что костей не соберут...

Дверь протяжно скрипнула. В комнату вошел запорошенный снегом парнишка и следом за ним обе хозяйки.

— Что ж это ваши-то собрались уезжать, аλε што? — удивленно спросила старушка.

— Как это уезжать? Кто собрался?

— Да вон у той хате, што через дорогу, — скороговоркой пояснил мальчонка, указывая рукой в окно.

— Иде ваши с дивчиной, што записку писала, — добавила молодая.

Друзья удивленно переглянулись.

— Парня послали хозяйского до старосты, щоб сани им запрягли... — продолжала молодая. — Хлопец вже, кажись, пошел...

— Ага, пошел, — подхватил мальчик.

Оказывается, он узнал от своего старшего дружка, что партизаны послали его к старосте за санями, и во весь дух помчался домой.

— Ну-ка, Петя, — тоном приказания произнес Ефимов. — Быстро туда, узнай, что они там мудрят...

Отослав Изотова, Ефимов тотчас же стал собираться. «Пусть говорят, что староста не обижает местных, но с немцами он все же якшается... — размышлял Ефимов. — Придется немедленно уходить...»

Изотов вернулся невероятно злой.

— Верно сказано: услужливый дурак опаснее врага.

— О ком это ты?

— Конечно, о Васине! Инициативу проявил, видите ли, думал, что все будут довольны, даже рады...

— Но Лора писала, что он советует остаться еще на сутки?!

— Не знаю почему он передумал, но к старосте послал он. И теперь, поди, уже вся деревня знает про нас. Так что, Петрович...

— Все ясно, Петя! Надо отчаливать и немедленно.

Молодую хозяйку послали предупредить товарищей, а сами стали прощаться со старушкой.

— Да я ж вам, родненькие, думала в ночь хлеба напеку у дорогу... Вже ж замесили!.. От напасть, а? — сокрушалась старушка. — Так вы ж возьмите што ёсть. Возьмите, возьмите, щё вы стесняетесь?

Партизаны покинули село, тепло, по-родственному распростившись с гостеприимными хозяевами. Все были бодры, шагали легко, хотя ноша у каждого возросла: в мешках и карманах появились хлеб, картофель, сало...

— А знаешь, Петрович, все что ни делается — к лучшему. В тепле, говорить не приходится, хорошо. Но кто знает, чем все это могло кончиться. Как-никак фрицы частенько наезжали за податью. С утра нас выручила пурга, ну, а что, если бы они пожаловали попозже?

Ефимов понимал, что Изотов прав; он не мог понять одного: почему Васин послал за саями к старосте, и решил спросить об этом его самого. Васин обиженно буркнул, что теперь говорить об этом не к чему. Ефимов вскипел, схватил его за портупею, но, взглянув на худое, унылое лицо этого человека с глубоко сидящими маленькими глазками, почему-то пожалел его. «Сколько, ему лет? — думал Ефимов. — Вероятно, под сорок... В плену горя хлебнул, наверное, полную чашу...»

Группа шла строго на юго-запад, ориентируясь по компасу. В первую ночь одолели километров пятнадцать, во вторую не более семи, а на четвертые сутки, когда скудные запасы пищи были уже израсходованы, и того меньше. За спиной уже занималась заря, а группа, не пройдя и трех километров, расположилась на дневку. Гороховский набивал рот снегом и, захлебываясь, глотал его. Казалось, что он опять впал в состоя-

ние болезненной апатии, но вдруг оживился, заерзал на месте и выпалил:

— Вот и отдувайся теперь за «стратегию»! На саях давно бы катили за Ипуть. Старосту побоялись обидеть!

— Не старосту, чучело ты гороховое,— взъерошился Изотов.— На все село осталась одна коняка! Это понятно тебе?

— Долго не повоюешь, если будешь все оглядываться да примеряться, кого можно, а кого нельзя обидеть,— процедил сквозь зубы Васин.

— Знаешь, старший лейтенант, так воюют только фашисты! А мы — советские... Вот так! — оборвал его Изотов.

Лицо Васина покрылось пятнами, исказилось от злобы, он хотел что-то сказать, но тут и Ефимов не выдержал:

— Не прикидывайся глупеньким, старший лейтенант! Не в обиде дело, а в том, что ты изволил известить старосту о нашем пребывании в селе. Кому это на руку — и младенцам ясно. А кому не ясно, пусть про себя подумает. Разговоры прекратить! Пора спать.

Проснулись, когда солнце уже клонилось к закату. Впервые после пурги день был ясный, морозный. В оголенном, застывшем в холодном оцепенении лесу стояла гнетущая тишина, нарушаемая лишь дятлами, которые в разных сторонах, будто перекликаясь, долбили кору деревьев.

Сон не дал людям бодрости. Пробуждение только усилило ощущение голода. Снег уже надоед: неприятный, безвкусный, он порой казался даже сухим. У одних потрескались губы, у других кровоточили десны и у всех округлились лица. Начали пухнуть. Люди лежали, прижавшись друг к другу. Так было теплее.

В путь тронулись, не дожидаясь, как прежде, захода солнца. Боялись замерзнуть. Шли, едва переставляя ноги, спотыкались, падали, кряхтя подымались и, не отряхнувшись, снова шли. Кто сознательно, а кто инстинктивно удерживался от каждого лишнего движения.

Высокий белобрысый радист, шедший впереди, споткнулся, упал, попытался подняться и не смог. Цепочка остановилась и, выждав несколько секунд, залегла.

Здесь казалось уютнее, теплее: было много сугробов, а между ними не так ощущался ветер. Лежали молча, нехотя лизали снег.

Ефимов лег на спину, привычно подложил под голову полевую сумку и наблюдал, как по макушкам деревьев, пригибая их, прогуливается ветер, а они поскрипывают, пружинят, сопротивляются и снова выпрямляются. С грустью подумал: «Вот и нас клонит к земле ветер войны. Не будь голода, конечно, устояли бы, но... если бы да кабы...»

Вдруг высокий белокрысы радист испуганно вскочил и, оглядываясь на место, где лежал, шарахнулся в сторону. Потеряв равновесие, он упал на другой сугроб и опять вскочил в страшном смятении. Из-под снега, который он невольно разгреб, виднелись трупы.

Все поднялись. Ни один не решился посмотреть, кто это — немцы или партизаны? Пошли, не глядя по сторонам. Шли быстрее обычного и вскоре оказались на большой иссиня-белой поляне. На противоположной ее стороне в разных местах из-под снега торчали оглобли и полозья перевернутых и разбитых саней, а на краю просеки, пересекающей поляну, уткнувшись в столетние сосны, замер не то бронетранспортер, не то тягач с черным крестом на выбеленном известью борту.

Васин вышел вперед, обойдя остановившихся, за ним потянулись остальные. По мере движения открывались новые и новые следы недавнего побоища. Изредка раздавалось карканье ворон, внезапно оно перешло в невероятный галдеж; чуть в стороне бесчисленная стая этих птиц поднялась в воздух.

Гороховский тотчас свернул с проложенной дорожки и, увязая в снегу, побрел к тому месту, над которым кружились и кричали встревоженные птицы. Вот он остановился, опустился на колени и руками стал подносить что-то ко рту.

— Лопает! — крикнул кто-то громко и радостно.

Все потянулись к Гороховскому. Стоя на коленях, он загребал серовато-белые отруби из распоротого мешка и, глядя в одну точку, не замечая, что к нему подошли, жевал. Отруби были очень грубые, крупного помола, жесткие.

Лора грустно заметила:

— Была б кастрюля или котелок — сварили бы баланду!

Люди с надеждой посмотрели друг на друга, а вдруг кто-нибудь скажет: «У меня есть!» Но все молчали. Ефимов приказал наполнить карманы отрубями и беречь их при любых обстоятельствах.

— Расходовать только по моей команде раз в сутки. Надо, чтобы хватило не только на дорогу до Ипути, но и на баланду, когда перейдем эту реку и раздобудем посудину...

Невелик вес набитых в карманы отрубей, но и он в тягость, если от усталости и голода едва держишься на ногах. Эту незначительную прибавку ноши люди сразу ощутили. Да и неудобно было шагать с туго набитыми, раздутыми карманами. Движение замедлось. Солнце скрылось, а привалы следовали все чаще и без всякой команды. Стоило одному свалиться, как остальные немедленно опускались на снег.

К утру окончательно выбились из сил. Люди уже засыпали на ходу, но вдруг откуда-то издалека до них донеслись едва различимые отзвуки канонады. Стали гадать: одни уверяли, что это фронт, другие — что немцы обстреливают Белорусские леса...

— А вдруг фронт обошел нас стороной? Вот бы здорово оказаться сейчас в тылу Красной Армии! — размышлял кто-то.

— Я бы, знаешь, с чего начал? — слышался голос другого. — С баньки...

Остальные только вздыхали, беспокойно ворочались...

— Красная Армия! Ура-а! — неожиданно громко закричал белобрысый радист, нарушив воцарившуюся тишину.

— Ты что? Очумел? — испуганно огрызнулся Васин. Он вскочил, но сразу спохватился и снова лег. На его лице застыл испуг.

Ефимов заметил это, и Васин, смущенно опустив глаза, повернулся на другой бок. А радист опять закричал:

— Наши, наши! Ура-а!

Ефимов и Лора стали успокаивать парня. Его трясло как в лихорадке, глаза с расширенными зрачками блестели.

Лора принялась растирать ему лоб, виски, руки. Парень успокоился, впал в забытие.

Ефимова этот случай очень огорчил, он не предвещал ничего доброго. «Вот и Гороховский порою становится каким-то странным,— подумал он.— Дойдем ли до заветной Ипути и удастся ли перейти ее без помех?»

Вопреки обыкновению спал он тревожно, часто просыпался, и однажды проснувшись, увидел перед собой Лору. Она плакала. Высокий белобрысый радист умер не приходя в себя...

Позади остался свежий бугорок из кое-как накиданного снега. Не сговариваясь, ушли с этого места еще днем, а под вечер уже изнемогли, остановились на длительный привал.

За все время пути до привала никто не сказал ни слова. Молчание нарушил Гороховский:

— Вот так и подохнем поодиночке...

Никто не ответил. Устали, да и что отвечать? Все и так понимали, что карканьем не поможешь ни себе, ни другим.

Часа через два Ефимов стал поднимать товарищей. Удалось это с большим трудом. С еще большим трудом поднимались после коротких остановок. На последнем привале Ефимов разрешил каждому съесть по одной горсти отрубей, но по себе чувствовал, что это не облегчило положение людей. Когда до него доходила очередь нести «крутилку», то от одного вида этого мешка начинало мутить, кружилась голова... Теперь «крутилку» несли по очереди все, включая Лору. Она сама настояла на этом.

— Эта река, будь она неладна, должна быть близко,— ободрял товарищей Ефимов перед очередным переходом.— Еще, братцы, немного осталось потерпеть... А там для начала мы горячей баландой обеспечены...

— Обеспечены! — слышался в темноте иронический возглас.— От жилетки рукава... Из чего ее делать, баланду-то?

Ефимов узнал голос старшего шифровальщика.

— А что, у тебя карманы что ли прохудились?

— За меня не беспокойтесь, товарищ лейтенант.

У меня как были полны, так и есть, а вот у других — пусто.

— Это у кого пусто?

— Да вот хотя бы у главного говоруна...

Ефимов понял, что речь идет о Гороховском, и побрел к нему. На вопросы Гороховский отвечал бессвязной болтовней. Ефимов ощупал его карманы. Они, действительно, были пусты.

— Ты что, сожрал отруби?

— Выбросил! — вдруг обозленно крикнул Гороховский.

— Как «выбросил»? — вскипел Ефимов. — Да ты понимаешь, скотина, что сделал?

— Что сделал! Что начальство, то и я... И чего привязались?

— Какое начальство?

Но Гороховский опять впал в состояние отрешенности, от него нельзя было больше ничего добиться. «Если это не бред, — подумал Ефимов, — то на какое начальство он сослался? Неужели Васин?» Ефимов отыскал его среди лежавших в снегу, растормошил.

— Где у вас отруби, старший лейтенант?

— А тебе что? — недружелюбно ответил Васин.

— Как что? — возмутился подошедший Изотов. — Мы за вас, дармоедов, таскать что ли будем?

— Да пошли вы... — выругался Васин и повернулся на другой бок.

Тогда Ефимов из последних сил схватил его за шиворот, встряхнул и... прозвучала пощечина.

Васин не произнес ни слова. Не ответил он и на реплики соседей:

— Правильно!

— Дурачков нашли таскать за них!

— Надо бы добавить за костры...

— И за сани...

Переход, привал, снова переход... Миновали обширное пространство, поросшее мелкоколесьем и кустарником, и, перед тем как опять углубиться в лес, впереди увидели слабые отблески вспыхнувшего зарева. На их фоне отчетливо вырисовалась черная стена лесного массива и через мгновение растаяла вместе с угасшим заревом. За первой вспышкой последовали вторая и третья.

— Должно быть, немцы, ракеты пускают,— сказал Изотов.— Значит, недалеко есть села...

— Подходим к Ипути, товарищи,— радостно подхватил старший шифровальщик.

— ...и Красная Армия наступает! — насмешливо подхватил Гороховский.

— Помалкивай,— одернул его все время молчавший Васин.

Эти вспышки вселили надежду на скорое избавление от тяжких испытаний, люди почувствовали прилив бодрости, зашагали увереннее. Но бодрости хватило ненадолго. Надежда осталась, а силы покидали людей. Шедший впереди Ефимов безуспешно боролся с одолевавшим его сном. Все чаще ему казалось, что он проваливается в бездну; он вздрагивал, испуганно таращил глаза и, успокоившись, опять засыпал. Наконец, потеряв равновесие, упал и даже не пытался встать.

Подсознательно отметив, что люди подходят и тоже ложатся, Ефимов моментально уснул. Он не слышал, как Изотов, на обязанности которого лежало следить за тем, чтобы своевременно передавали мешок с «крутилкой», уже трижды спросил:

— У кого «крутилка»?

Встревоженный молчанием, он, шатаясь, подошел к Ефимову, с трудом разбудил его.

— Слушай, Петрович! Я что-то «крутилку» не нахожу. Не ты ее нес сейчас?

Ефимов почувствовал, как у него перехватило дыхание. Не в силах крикнуть, он вскочил на ноги. Сна и усталости как не бывало. Изотов едва успевал за ним. Стали выяснять. Оказалось, что последней несла ее Лора и передала Гороховскому, а от Гороховского невозможно добиться толка — на все вопросы он бессмысленно бормотал одно и то же:

— Чего пристаете? Говорил — чертова дюжина... подохнем поодиночке...

Было очевидно, что до него не доходит смысл вопросов.

Его оставили в покое. И так ясно, что мешок с «крутилкой» брошен им где-то на последнем этапе перехода; Лора вспомнила, что передала его Гороховско-

му много позже того, как они увидели вспышки за-рева.

При мысли, что пропала «крутилка», что нельзя будет передать на Большую землю очень ценные сведения, Ефимова бросило в жар. «Что делать, что делать?» — сверлил мозг вопрос, на который он не находил ответа. Он отчетливо сознавал, что усталость подчиненных ему людей достигла такой фазы, при которой воля пропадает, все становится безразличным. Нет, не мог он рассчитывать на то, что кто-нибудь, даже Петя Изотов, способен пойти на поиски с твердым намерением отыскать «крутилку» во чтобы то ни стало. «Выход один, — заключил он. — Пойду сам». Он снял с себя рацию, сумку с рабочим питанием, ремень с запасными дисками, все это сунул Лоре и сказал:

— Отвечаете за сохранность головой!

При нем осталась лишь полевая сумка с шифрами и документами. Уже на ходу он обернулся и громко, так чтобы все слышали, крикнул:

— Командование группой до моего возвращения возлагаю на старшего сержанта Изотова! Всем подчиняться ему беспрекословно!

Он шел по уже занесенному, едва различимому в темноте следу, сворачивал в сторону, когда чудилось, будто видит что-то похожее на занесенный снегом мешок, разочарованный возвращался и шел все дальше и дальше. «Ведь этот безумец, наверно, не на глазах у всех сбросил мешок, а ушел далеко в сторону», — думал он, и его охватывало отчаяние. Несколько раз Ефимов сбивался со следа, возвращался обратно, шарил ногами, ощупывал руками. Наконец изнемог и остановился, чтобы отдышаться. Потянуло прилечь всего на пять минут, но он устоял против соблазна, боялся, что не поднимется, заснет. И снова побрел. Ему показалось, будто стало светлее. Посмотрел на часы и ужаснулся: было около шести утра! «Все равно, — решил он, дойду до того места, откуда увидели вспышки. На обратном пути будет виднее. А не найду — расстреляю мерзавца, хоть он и полоумный!» Он сделал еще несколько шагов и замер. Чуть в стороне, у дерева, топорщился необычайной формы снежный бугорок. Не рассчитав сил, Ефимов рванулся к бугорку и упал,

вытянувшись всем телом вперед. Сердце колотилось так, что он не решился тотчас же подняться, медленно, крадучись, прополз шага два, дотянулся руками до бугорка, нащупал что-то твердое. «Она!» — вскрикнул он. Спазмы сдавили горло, из глаз покатались слезы. Словно ребенка, обхватил он тяжелый брезентовый мешок с кожаными лямками, бережно стряхнул с него снег и стал целовать и шептать самые нежные слова...

Так в обнимку с мешком он пролежал несколько минут, пока не успокоился, потом поднялся и пошел к своим, тихонько бормоча: «Нет, милая, больше я тебя из рук не выпущу, нет, нет...»

Навстречу шла Лора. Одна. С его рацией, ремнями и дисками.

— Боялась, собьетесь с пути и нас не найдете, — сказала она.

Сделав несколько шагов, они увидели человеческий силуэт. Это был Изотов. И он вышел навстречу, так и не отдохнув как следует.

— Давай, Петрович, поднесу, — предложил он, но вместо ответа Ефимов повалился в снег, и только отдышавшись, ответил:

— Нет, Петя! Возьми у Лоры сумку с батареями, а «крутилку» сам потащу, сам...

Когда добрались до своих, Ефимов на ходу приказал подыматься и, не останавливаясь, пошел вперед. Он чувствовал, что если приляжет, то не сможет подняться, а Ипать должна быть уже недалеко. В такт шагам он бормотал «И... путь... И... путь...», — и не заметил, как поредел лес, как потянулся густой кустарник и, миновав его, они вышли к крутому обрыву.

В низине угадывалась скованная льдом река.

— Ипать! Товарищи, это Ипать! — вскрикнул Ефимов.

В ответ послышались возбужденные голоса:

— Никак дошли, братцы?

— Дотопали!

— Даешь баланду!

На этот раз никто самовольно не опустился на снег. Ожидали команды Ефимова.

— Короткий, самый короткий привал, — распорядился он, но продолжал стоять, разглядывая местность.

На противоположной стороне сквозь пелену лениво

падавших снежинок в предрассветном мраке проступали очертания леса, левее его едва можно было различить контуры нескольких хат. При виде их Ефимов обрадовался, но тотчас спохватился: «Отсюда, вероятно, и взлетали ракеты!» Он решил, не теряя ни секунды, переходить на ту сторону, чтобы к рассвету успеть углубиться в лес, а ночью выслать разведку и узнать, есть ли в селе немцы.

Поднялись дружно, без обычной раскачки, но по всему было видно, что люди напрягают последние силы. Только Васин и Гороховский поднялись последними и оказались в хвосте цепочки. Друг за другом по склону обрыва начали спускаться вниз, к реке. Снег здесь был по пояс. Преодолеть его казалось невыполнимым. Головные менялись чуть ли не через каждые пять шагов, иной раз продвигались ползком, поминутно приподнимаясь на руках, чтобы оглядеться по сторонам. Ведь именно тут проходила линия немецкого кольца, окружавшего партизанский край.

Противоположный берег был более пологим. Первым по склону вскарабкался Изотов, за ним радист и оба шифровальщика. Ефимов отстал и взобрался на склон вконец измученный. Все распластались на снегу тут же, за первым рядом молодого ельника, что тянулось в полусотне метров от векового массива. —

Стало уже совсем светло, но Ефимов не мог подняться, чтобы осмотреться кругом, проверить, все ли собрались. Он, как и другие, лежал на снегу, запрокинувшись навзничь, раскинув руки и ноги, и все еще учащенно дышал широко раскрытым ртом. Перед глазами плыли разноцветные круги, к горлу подступала тошнота. Было так плохо, что он с ужасом подумал: «Ведь вырвались и... Неужели это конец?» Тянуло сесть, казалось, что только в этом теперь спасение. Медленно повернулся он на бок, стал приподыматься и тут впервые недобрым словом помянул тянущую его к земле «крутилку». После долгих усилий ему удалось сесть. В первое мгновение все поплыло перед глазами, он зажмурился потом открыл глаза и опять зажмурился... С каждым разом окружающие предметы проступали все отчетливее и, наконец, когда все встало на свои места, он увидел как посреди реки, то вставая, то падая, передвигались два человека. Немного впереди их

шел третий. Ефимов узнал в нем Васина. Стало быть, те двое — Гороховский и Лора. После смерти радиста она не отходила от Гороховского, опасаясь, что и с ним может случиться непоправимое.

За минувшую ночь Ефимов особенно ослаб. Его не покидали дурные мысли. Теперь немцы рядом, а он неспособен даже держать автомат в руках, да и что толку в автомате, если патронов осталось раз, два и обчелся. Но в груди еще тлел огонек надежды, порою он разгорался сильнее, и мрачные мысли отступали. Так хотелось снова почувствовать себя сильным, молодым, способным бороться.

Подошла, наконец, и Лора. Ее миловидное румяное лицо стало неузнаваемо — осунулось, побледнело, из-под съехавшей на бок ушанки свисали растрепанные, мокрые от снега волосы. Она взглянула на Ефимова глубоко запавшими, усталыми глазами и, проходя мимо, сказала:

— Сил нет таскать Гороховского. Оставила его внизу с Васиным. Больше не могу...

Было тихо, лениво кружились снежинки. Над хатами вился сероватый дымок — село просыпалось. Становилось светлее, Ефимов уже различал изгороди. Беспокоило, что Васин и Гороховский все еще где-то внизу, на открытом месте, что их могут заметить. Наконец и они вскарабкались на склон. Ефимов молча пропустил их мимо себя, поднялся и только теперь сообразил, что пришедшие раньше могли уснуть. Так оно и оказалось. Он стал тормозить одного, другого, но безрезультатно. Лишь Изотов, чуть приоткрыв один глаз, раздраженно спросил:

— Ну, что?

— Петь, а Петь! Надо углубиться хотя бы на сотню метров, будет безопаснее... Здесь могут обнаружить. След-то виден!

— И черт с ним... Запорошит,— выдавил Изотов сквозь зубы.

Начавшийся еще с ночи снегопад не прекращался, и Ефимов подумал, что Изотов, пожалуй, прав.

— Будь что будет,— сказал он и повалился рядом с Изотовым. Усталость взяла верх над осторожностью. Запахнуv плотно полушубок, он втянул голову в поднятый воротник и, согреваясь собственным дыханием,

погрузился в тревожный сон. Засыпая, Ефимов не переставал думать о том, что надо бы уйти в лес, подальше от села, в котором могут быть немцы, выставить пост... И ему казалось, что он кого-то тормозит, уговаривает, но тщетно... Потом почудилось, что кто-то осторожно дотрагивается до него, он хотел приподняться, оглянуться, но ощущение быстро угасло, и он снова погрузился в тревожный сон.

Его разбудил едва слышный рокот моторов. За время долгих блужданий по лесу ухо впервые уловило знакомые каждому партизанустораживающие звуки. Ефимов приподнялся, отвернул воротник, сдвинул ушанку. «Да, точно! Тарахтят моторы... Значит, тут немцы...» Он стал вглядываться в просветы между молодыми, причудливо заснеженными елями, перевел взгляд на то место, где лежали товарищи, и... никого не увидел. Острое чувство страха мгновенно пронзило его. Он вскочил на ноги и только тогда сообразил, что их завалило снегом.

Сутробы, прикрывавшие спящих, напомнили привал в лесу на снежных могилах безвестных людей. Машинально он пересчитал сутробы и удивился. Пересчитал еще раз:

— Один, два, три, четыре, пять... Я — шестой. Где же остальные?

Быстро прошел вдоль ряда спящих, варежкой смахивал с них снег, еще раз пересчитал: не было Васина и Гороховского. И место, где они лежали, уже замело пушистым снегом. «Куда их понесло?» — недоумевал Ефимов. Оглядевшись, он увидел едва заметные следы. Они привели его к проторенной группой дорожке, которая вилась по склону. «Зачем? Неужели?...» Мелькнула догадка. Он взглянул в сторону низины и ужаснулся. Метрах в двухстах по пояс в снегу с трудом пробились два человека. Они шли к тому самому селу, из которого недавно доносилось урчание моторов.

— Так и есть! — с досадой произнес Ефимов. — Высросили отруби и теперь с голодухи лезут в самое пекло! Идиоты!

«Догнать, во что бы то ни стало, догнать и вернуть», — твердил Ефимов, расстегивая ремни и сбрасывая с плеч задубевший от мороза полушубок. Забыв об усталости, в одной гимнастерке, он кинулся вдогонку

за товарищами. По проложенной ими снежной траншее Ефимову было легче двигаться. От шедших впереди его отделяло уже не более двадцати шагов. Он хотел тихо окликнуть их, но в этот момент Гороховский упал, подымаясь, увидел Ефимова, что-то сказал Васину, и тот мгновенно обернулся, держа наготове автомат. Стараясь не кричать и едва переводя дыхание, Ефимов со злостью выпалил:

— Вы, кретины, вашу... понимаете, что делаете? Там же немцы! Сейчас же обратно!

Васин выждал, пока Ефимов приблизился и, с ненавистью глядя на него, прошипел:

— Обратно? Нет, гад, и ты пойдешь с нами!..

Ефимова будто обухом по голове ударило. Он еще не понял, в чем дело, но сердцем почуял неладное.

— Иди, говорят, вперед! Быстро! — угрожая автоматом, шипел Васин.

Ефимов растерянно бросил вопросительный взгляд на Гороховского: «В своем ли уме Васин»? Но Гороховский старался не смотреть в глаза Ефимову.

— Пошли, пошли... — сказал он.

— Да что вы, с ума спятили? Вас же там повесят!

— Не пугай! Не с пустыми руками идем. Вот она, секретная заветная! — издевательски ответил Васин, показывая на висевшую через плечо полевую сумку Ефимова. — Топай вперед, большевистская собака, прокладываяй дорогу!..

Только теперь Ефимов заметил свою полевую сумку. Сердце словно оборвалось, кровь прилила к лицу. Он, словно окаменел. В мозгу проносились, казалось бы, беспорядочные мысли, в действительности они были звеньями одной цепи: «...во сне показалось, что меня тормозят. Это он срезал сумку... так вот он кто! Костры разжег, сани заказал — все для того, чтобы навести на нас карателей... Что я натворил? Прибежал один, безоружный... Бесславный конец? Нет, нет! Пусть смерть, но только не плен!»

В груди кипела ненависть к предателю, решимость руками, зубами вцепиться в него, задушить, растерзать...

Вдруг он вспомнил: «Финка! Ведь она со мной!» — и его осенила мысль: «Обмануть врага, молить о пощаде, унижаться, лишь бы приблизиться к нему и... ударить

наверняка...» Ефимов постарался принять жалкий, поникший вид.

— Братцы, за что вы...— начал было он, заискивающе, но Васин оборвал:

— Иди, говорю, гадина! Руки вверх, слышь?!

С поднятыми руками Ефимов стал приближаться к Васину, чтобы обогнать его и потом уже первым идти под наставленным в спину автоматом. «Идти сдаваться?! Нет, этому не бывать!» Противная, неудержимая дрожь одолевала его, челюсти непроизвольно отстукивали мелкую дробь, но он и не пытался сдерживаться. «Пусть думают, что я окончательно обмяк...» В нескольких шагах от Васина он опять заговорил дрожащим голосом, умоляюще глядя в свирепые, налитые кровью глазки Васина:

— Старший лейтенант, дорогой, да вы не сердитесь на меня, старший лейтенант, за то... Простите, прошу вас...

— Там будешь извиняться! Шагай, шагай!

Гороховский тупо, безразлично поглядывал то на Ефимова, то на Васина, руки его были безвольно опущены, трофейный автомат свободно свисал с плеча. По всему было видно, что он не сознает ни своей роли в происходящем, ни того, что происходит, ни того, что ожидает его там, в селе. Мельком взглянув на него, Ефимов с облегчением отметил, что Гороховский окончательно впал в прострацию и вряд ли способен помешать ему расправиться с Васиным. Подвигаясь вперед мелкими шажками, он не переставал слезно умолять:

— Старший лейтенант, дорогой мой, простите, что ударил вас тогда... Ну, ударьте, прошу, ударьте меня... Я виноват перед вами, братцы, простите, прошу...— и, зарывав, Ефимов упал на колени.

— Вставай, собака, не то стрелять буду! — Разъяренный Васин направил на Ефимова автомат.— Овечкой прикидываешься, гад!

— Встаю, встаю, только не убивайте... Я пригожусь вам, старший лейтенант, не убивайте меня,— причитал Ефимов.

Он поднялся, сделал еще два-три шажка и, поравнявшись с Васиным, упал, стараясь как можно глубже утопить правую ногу в снегу. Васин не переставал сыпать ругательствами, угрожать, понукал Ефимова быст-

рее встать и идти вперед, а он, барахтаясь в снегу, запустил руку в правый валенок, нащупал рукоятку финки, судорожно сжал ее и, плаксиво приговаривая: «Встаю, встаю, старший лейтенант, встаю», — вдруг рывком разогнулся, резким движением левой руки отвел от себя автомат Васина и нанес ему смертельный удар.

Эта сцена вывела Гороховского из оцепенения. Он судорожно схватил автомат и, когда Ефимов уже повернулся лицом к нему, оттянул затвор, нажал на курок... Выстрела не последовало — затвор замерз и, не дойдя до конца, остановился.

— Игорь!.. Опомнись!.. Не стреляй! — приближаясь к нему, отрывисто выкрикивал Ефимов. Но расстроенный рассудок Гороховского диктовал другое. Дергая затвор взад и вперед, он успел еще раз безрезультатно нажать на курок и, прежде чем Ефимов приблизился вплотную, протяжно завопил истошным голосом.

Ефимов, вероятно, мог бы обезоружить обезумевшего парня, но дикий вопль, раскатившийся многоголосым эхом по окрестностям, лишил его власти над собой. Гороховского постигла та же участь...

* * *

Много месяцев продолжалось следствие. Когда же оно было закончено и дело прекращено ввиду отсутствия состава преступления, Игнат Петрович Ефимов мог задать вопрос, который сверлил ему мозг на протяжении долгого времени.

— Теперь, товарищ следователь, если не секрет, скажите, как случилось, что эта печальная история всплыла через двадцать лет?

— Что ж, пожалуй, теперь это не секрет, — подумав, ответил следователь. — Случилось это так. Много лет спустя после окончания войны судьба свела родных Гороховского с одним человеком — фамилию называть не стану, — которому случайно довелось узнать об этой истории. Ему рассказал ее кто-то из ваших товарищей. Человек этот не скрыл, что Игорь погиб не в бою, но, как теперь стало ясно, намеренно не сказал родным всей правды. Он изобразил дело так, будто Игорь заплатил жизнью за то, что вопреки приказанию не со-

хранил отруби и, изнемогая от усталости, самовольно бросил какой-то груз... В качестве командира группы был назван старший лейтенант Васин. Но проверкой установлено, что в тот отрезок времени в районе, где произошло это событие, никакого старшего лейтенанта Васина не существовало. Вместе с тем было установлено, что командиром взвода связи, в котором служил Гороховский, являлись вы — лейтенант Ефимов. Вот как возникло это дело и вот почему вам было предъявлено обвинение в убийстве одного, а не двух человек.

Игнат Петрович слушал следователя, понурился головой. Он глубоко сочувствовал родным Гороховского. Гибель Игоря они пережили трижды, и каждый раз все более тягостными становились выяснявшиеся обстоятельства его смерти. «Пропал без вести» — сколько страшных картин рисовалось им за этими стандартными словами, но все же не угасала надежда, что, быть может, еще жив, вернется... Потом и вера в то, что он погиб, как подобает советскому солдату, и надежда на его возвращение были жестоко растоптаны дошедшей до них версией о самосуде, учиненном над Игорем. «И, наконец, теперь, — думал Ефимов, — каково им сознавать, что Игорь погиб от руки своего, советского человека, погиб, лишившись здравого рассудка и только потому став пособником предателя...»

— Вы говорите одного, а не двух человек, — сказал Ефимов. — Давайте скажем точнее: погиб действительно один человек — Гороховский. Убит тоже один, но это не человек... Убит предатель...

ВТОРАЯ АМНИСТИЯ

Ночь была необычной: крупные хлопья снега сменялись мелким дождем, внезапные порывы ветра рассеивали водяную завесу и казалось, что стихия наконец-то обуздана, но не проходило и получаса, как все начиналось сызнова. Погода затрудняла движение партизанской дивизии, колонна которой растянулась километров на шесть-семь.

Близится рассвет, а железная дорога, пересечь которую надо было затемно, все еще где-то впереди. Начальник колонны командир батальона майор Никитин все чаще посматривал на часы. Согласно графику движения дивизия уже должна была подходить к конечному пункту, между тем еще предстояло «форсировать железку» и после этого покрыть немалое расстояние до места расквартирования. Связные на взмыленных конях то и дело летели с приказами комбата соблюдать порядок в колонне, ни в коем случае не давать обозу растягиваться, чтобы, как только увидят переезд, быстро без задержки его пересечь. Но переезда все нет и нет. «И верно ли, что на нем нет охраны? — тревожно думал комбат. — Об этом наши разведчики узнали еще несколько дней тому назад. С тех пор многое могло измениться. Правда, дорога здесь второстепенного значения да и местность открытая. Партизаны в эти края еще не наведывались и вряд ли немцы ждут нас здесь...» — Тем не менее майор Никитин беспокойно вглядывался в даль.

За спиной на горизонте наметилась сероватая полос-

ка. Мокрый снег облепил седоков и коней, дорога раскисла. Батальону Никитина предстояло захватить переезд и обеспечить прохождение дивизии. Это значит, что из головного он превратился в замыкающего. И это также беспокоило комбата. Ведь придется засветло уходить с переезда по совсем разбитой дороге.

Наконец впереди все отчетливее стала вырисовываться длинная цепь сосен. За ними должна быть железная дорога. Конники дозора насторожились, стараясь разглядеть сквозь снежно-водяную пелену, что делается впереди. Вот справа показались столбы шлагбаума. Никаких признаков того, что переезд охраняется, не было. Никитин облегченно вздохнул и пришпорил коня. Следом за ним рванулись конники дозора.

До переезда оставалось не более двухсот метров, когда послышался шум приближающегося поезда и вскоре из-за вытянувшихся на возвышенности сосен выполз паровоз с вереницей вагонов. Досадно было, что не успели заложить фугас и подорвать состав, и все же десятка полтора лихих конников поскакали на полном галопе через припудренную тающим снегом пашню, наперерез составу.

Комбат и остальные конники дозора, продолжая двигаться по размокшей проселочной дороге, глядели вслед умчавшимся товарищам, выжимавшим из коней все силы.

Никитин остановился, приподнялся на стременах, вытянул шею: вот конники почти достигли полотна, но и состав уже проходит переезд. Еще несколько секунд, и партизаны поравнялись с паровозом.

— Эх, проклятый... Уходит! — выкрикнул кто-то с досадой, и тотчас же послышался один, потом почти одновременно еще два взрыва и вслед за этим грохот и перезвон буферов.

Смельчаки забросали паровоз противотанковыми гранатами, повредили ходовую часть и остановили поезд. Возникшая было перестрелка с малочисленной поездной охраной быстро прекратилась, партизаны бросились к составу и тут их постигло разочарование: это был порожняк с запломбированными вагонами-теплушками, видимо, предназначенными для воинской части. Партизаны еще продолжали срывать пломбы, осматривать один вагон за другим, когда майор Никитин с

остальной частью головного дозора подъехал к переезду и организовал здесь свой командный пункт. Следом подошел батальон, выставили заставы в обе стороны от переезда. Вскоре через железную дорогу потянулись обоз, кавалерия, пушки, подводы с боеприпасами, ранеными и снова телеги с боеприпасами и сонными, промокшими, уставшими людьми.

Комбат стоял некоторое время на переезде, наблюдая за движением колонны и поторапливая ездовых, но как только промелькнула тачанка с командиром дивизии и его штабом, решил укрыться от неприятной изморози в хвостовом вагоне порожняка, который стоял в нескольких шагах. Почему-то дверь вагона никак не поддавалась. На помощь подошли несколько здоровенных парней, поднатужились, дверь с грохотом открылась и... партизаны увидели в вагоне сбившихся в кучу, молчаливо стоящих с опущенными руками немцев.

Опешившие от неожиданности комбат и партизаны вскинули автоматы, но из вагона почти одновременно раздалась полная тревоги голоса:

— Свои! Свои, братцы!

— Свои! Не стреляйте...

Партизаны застыли в недоумении: как это «свои», когда все в немецкой форме?! Правда, говорили они на чистом русском языке. Наконец они поняли в чем дело: это были небезызвестные партизанам власовцы.

Прозвучала короткая команда Никитина, и один за другим бледные от страха власовцы стали выпрыгивать из вагонов и складывать оружие. Это были преимущественно рослые, плечистые, чисто выбритые, молодые парни в длинных отутюженных шинелях и начищенных до блеска кургузеньких жестких сапогах. Все на них было немецкое, только кокарда да нарукавная нашивка с цветами флага императорской России отличала этих выроdkов от чистокровных арийцев. Над трехцветной нашивкой красовались три желтых буквы «РОА», что означало «Русская освободительная армия».

От этого щеголеватого сброда повеяло мертвечиной, чем-то давно и безвозвратно канувшим в вечность. Казалось, будто перед глазами мелькают кадры до-революционной кинохроники...

Двадцать восемь обезоруженных власовцев партизаны повели ускоренным маршем параллельно продол-

жавшей двигаться дивизии. Сидевшие на подводах партизаны встречали и провожали пленных градом презрительных словечек. Торопливо скользя по грязи, власовцы шли, опустив головы, и лишь некоторые с завистью поглядывали на партизан, ничем не запятнанных советских людей, сражавшихся за свою Родину... О чем думали эти люди, шагавшие по русской земле, сами русские, но вставшие в ряды заклятых врагов своей страны?

Пока колонна дивизии проходила через переезд, партизаны приводили паровоз и вагоны в полную негодность. Вскоре переезд опустел.

В полдень части дивизии расположились на отдых. Дежурные роты заняли оборону. В помещение, занятое комендантским взводом батальона, где под охраной сидели власовцы, пришел майор Никитин. Надо было решить, как быть в дальнейшем с этим отребьем.

Когда Никитин перешагнул порог комнаты и пленные, как по команде, встали на вытяжку, перед ним оказался рослый чернобровый власовец с широченными плечами.

Комбат пристально всматривался в лица соотечественников, одетых в ненавистную всем честным людям на земле форму гитлеровского вермахта.

— Что ж, гады, молчите?

Никто не шевельнулся. Только позади Никитина кто-то из партизан тихо выругался.

— Говорите «свои», «свои», а почему заорали только тогда, когда мы дверь открыли? А? Небось, надеялись улизнуть, сукины дети?!

И снова никто не ответил.

Никитин уставился на чернобрового власовца, что первым попался ему на глаза:

— Молчишь?

Тот виновато взглянул на комбата, хотел что-то сказать, но только открыл рот, глотнул воздух и не произнес ни звука.

— Я спрашиваю! — повысил голос комбат. — Почему сразу не подали голоса, когда партизаны остановили состав?

— Охвицеры-рогатикы не пуцалы—пробасил кто-то из пленных.

— Это правда! Мы хотели сразу открыть вагон, —

волнуясь, заговорил высокий чернобровый парень,— но офицеры взялись за автоматы...

Опять наступила тишина. Никитин чувствовал, как в нем закипает безудержная ярость. «Офицеры...— думал он.— Неужели из бывших наших офицеров?!» Сквозь стиснутые зубы он тихо, очень тихо, почти шепотом приказал:

— Офицерам выйти!

Власовцы замешкались, потом двое робко протиснулись вперед, в толпе нарастал шум.

— В чем дело?

— Выходь до охвицеров, выходь кажу!.. А то ишь ягненком вже прикинулся...— слышался грубый голос.

— Выплывай, камбала, на поверхность!

— Не слышишь, что ли? — заговорили остальные, выталкивая из угла маленького власовца с бельмом на глазу. Этот, пожалуй, единственный из всех был низкорослый и узкогрудый.

— Тоже офицер? — резко спросил Никитин.

— Да я же не охвицер, товарищ майор. Я хвельдфебель: старшина, — щелкнув каблуками и выпятив узкую грудь, угодливо пояснил власовец. Но его прервали.

— Ничего што не офицер...

— Ще почище, гад!..

— Не прикидывайся, камбала, сковорода для тебя готова...

— Прекратить базар! — крикнул Никитин.

Все смолкли. Комбат кивнул головой стоявшим позади партизанам. Трех — штабс-капитана, прапорщика и фельдфебеля — увели. Вновь воцарилась тишина.

Комбат неторопливо достал кисет, вынул и слегка помял обрывок газеты, положил на него щепотку самосада, скрутил сигарку, сунул обратно в карман кисет и извлек из другого зажигалку. Он не успел зажечь ее, как со двора донеслись одиночные выстрелы — один, второй, короткая пауза и снова выстрел, другой и, наконец, почти подряд два...

Стоявший на часах у дверей круглолицый пожилой партизан с длинными запорожскими усами слегка каш-

лянул. Кое-кто из пленных не выдержал и переступил с ноги на ногу.

Никитин затаился и, выпустив облако дыма, взглянул на застывших в ожидании решения своей участи власовцев. Взгляд его опять невольно остановился на высоком парне с черными, как смоль, бровями. Его красивое лицо теперь побледнело и как-то сразу осунулось.

— Докладывай, ты кто? Может быть, тоже офицер или, как там у вас называется, фельдфебель? — сдерживая гнев, спросил комбат.

— Нет, нет, я — рядовой, москвич. Все мы попали к ним случайно, я правду говорю... — ответил высокий.

Услышав слово «москвич», Никитин все остальное пропустил мимо ушей. Это слово его поразило. Он не был москвичом. Больше того, он никогда не бывал в столице. Но слово «москвич» было для него синонимом слов «революционер», «большевик», «ленинец», и он не мог себе представить, чтобы москвич мог оказаться изменником, власовцем. Он чувствовал себя так, словно на него свалился потолок, дух захватило. Едва слышно переспросил:

— Как ты сказал?!

Власовец щелкнул каблуками.

— Говорю, мы попали к ним поневоле. Нас насильно мобилизовали в лагере...

— погоди, — перебил его Никитин. — Откуда ты родом?

— Я?

— Да, ты!

— Из Москвы. Я — москвич.

Никитин ощутил прилив ярости. Все еще не веря своим ушам, он почти вплотную придвинулся к власовцу и в третий раз спросил:

— Откуда, говоришь?

Власовец, почувяв недоброе, глухо повторил:

— Из Москвы.

И в ту же секунду, не отдавая себе отчета, Никитин вскинул плетку, с которой никогда не разлучался, и со всего размаха хлестнул власовца по голове.

— Мос-квич!.. — скрипя зубами, выкрикнул комбат и, задыхаясь от негодования, выбежал из хаты, будто не он, а его самого хлестнули плеткой.

Удар был сильный. Чернобровый съежился, схватился обеими руками за голову и застонел. Остальные, казалось, не дышали.

Пожилой усатый партизан, что остался караулить пленных у открытых настежь дверей, прищурил глаза, с пренебрежением посмотрел на съежившегося власовца и неторопливо заговорил:

— Слухай, ты, «москвич» ядреный!.. Чего хнычешь? Скажи спасибо! Це ж тебе, знаешь, шо? Амнистия! Амнистия, дурень ты зэлэный... Бо у нас так бывае: аль расстреляют, аль плеткой отстегают... Гаубвахты тут немає. Да и на кой вона сдалась, шо б з вами тильки возиться да охрану ще виставляты?.. А надо б вас всех за таковские штуки шлепнуть к ядреной матери! Да, да... Дожились—пидняты руку на Батькивщину! Эх, вы...

Партизан еще долго ворчал. Власовцы стояли не шевелясь, гадая, что их ждет. Некоторые даже завидовали «коллеге», у которого на левой стороне лба вспух багровый рубец. Если верно говорит усатый партизан, то у него теперь все позади, дешево отделался...

Под вечер, незадолго до выхода дивизии в рейд, власовцев вывели во двор комендатуры. Вид у них был далеко не такой, как утром,— в течение всего дня их не кормили. У партизан был неписанный закон: кто не воюет против фашистов, тот не ест. Этого власовцы, конечно, не знали и высказывали самые худшие предположения. Когда же их привели на тот самый двор, откуда несколько часов тому назад донеслись выстрелы, они и вовсе приуныли.

— Вот тебе, папаша, и «амнистия»! — шепнул один из них стоявшему рядом усатому партизану.

— Не хнычи! — цыкнул на него партизан.

Двадцать пять власовцев выстроились во фронт. Пришел командир батальона и сообщил пленным о принятом решении. Им предоставлялась возможность искупить свою вину в боях с фашистами. И сразу началась сортировка.

Сияющие от радости, выходили они из строя: кто получил назначение ездовым, кто в орудийный расчет, кто к минерам, а кто для начала помогать на кухню. И каждый, получив назначение, срывал с себя и втапывал в грязь погоны, трехцветные нашивки и кокарды.

Очередь дошла и до рослого чернобрового парня с перевязанной головой. Батальонный писарь не преминул съязвить:

— Ваш «крестник», товарищ комбат!

Москвич опустил сконфуженно голову, а Никитин сурово взглянул на писаря. Реплика ему не понравилась. Вся эта история с москвичом стоила Никитину немалых переживаний. Ему было больно, что этот красивый статный парень напялил на себя форму оккупантов, что он оказался москвичом, что сам Никитин так ошибся, относясь с наивным, трогательным благоговением ко всем без исключения москвичам, и, пожалуй, что он не сдержался, ударил плеткой. Таков был комбат Никитин. Ему легче было бы расстрелять предателя, чем поступить так, как он поступил на этот раз.

В ожидании назначения москвич стоял в строю точно на смотру. Своей выправкой он заметно выделялся среди власовцев. И это раздражало Никитина. «Точно немец, будь он неладен!» — подумал он и, взглянув на нарукавную нашивку с буквами «РОА», спросил:

— Давно носишь эту дрянь?

— Около года...

— Точнее?

— Десять месяцев... с половиной, — отчеканил чернобровый, щелкнув каблуками.

Никитин поморщился:

— Год... а как вымуштровали! Будто не люди, а куклы заводные! Отучили, наверное, и думать? За вас ведь «фюрер» думает, мерзавцы! Против своих братьев, своего народа пошли... Вас бы не в батальон, а на виллицу отправить!

Молчали пленные. Молчали и партизаны. И никто не догадывался, почему это под самый конец распределения комбат говорит с таким возмущением, точно только-сейчас увидел этих власовцев.

Тяжело вздохнув, Никитин спросил:

— Стрелять из противотанкового ружья умеешь?

— Сумею. Выучусь, госп... — власовец осекся. — Виноват! Сумею, товарищ командир! — Он вновь щелкнул каблуками.

Никитина резануло недосказанное слово, после него слово «товарищ» показалось ему в устах этого человека фальшивым, да еще это автоматическое щелканье

каблуками... С трудом он сдержался, чтобы не выхватить из кобуры пистолет. На скулах заходили желваки. Комбат отвернулся и, уже не глядя на власовца, спросил:

— Образование какое?

— Среднее. С первого курса института ушел на фронт.

«Неужели этот мерзавец сознательно, по доброй воле стал предателем? — подумал Никитин. — Будь он какой-нибудь малограмотный, темный, можно было бы еще предположить, что околпачили его, заморочили голову... А тут студент!» — Никитин чувствовал, что если даст волю размышлениям, то опять не сдержится, и быстро спросил:

— Фамилия?

— Орлов.

— Имя, отчество?

— Юрий Максимович.

Каждое слово власовца было для Никитина словно соль на рану.

— Зачислить бронбойщиком во вторую роту, — приказал Никитин писарю. — Пусть таскает противотанковое ружье, он здоровый, паршивец... — и, глядя в упор на Орлова, жестко добавил: — Будешь стрелять мимо цели, отправлю к тем офицерам... Ясно?

— Так точно, ясно, товарищ командир! — отчеканил Орлов. — Не подведу. А за амнистию, товарищ командир, благодарю вас...

— М-да-а... Благодарись, — тихо пробормотал Никитин и принялся распределять остальных.

...Воевал москвич Орлов неплохо. Даже хорошо. Впрочем, не будь он взят при оружии и в форме оккупантов с мерзким трехцветным лоскутком на рукаве, можно было бы смело сказать — воевал отлично! Но...

* * *

Война подходила к концу. Партизанская дивизия уже была расформирована. Бывший командир батальона Владимир Савельевич Никитин получил назначение на работу в Москву. В сущности у него все было впереди. Когда отпраздновали победу над гитлеровской Германией, ему не исполнилось и тридцати лет, он

только входил во вкус новой для него работы, мечтал обзавестись семьей.

Правда, выглядел он много старше своих лет. Сказались тяготы войны, ранения и не в последнюю очередь особенность его характера. Уж очень близко к сердцу принимал он не только безмерные бедствия советских людей, но и то, что другим, более равнодушным людям казалось мелочью. Среди партизан он славился скрупулезной точностью в исполнении своих обязанностей, высокой требовательностью к себе и к своим подчиненным и, вместе с тем, исключительной человечностью, душевностью. И не случайно, комната на Земляном валу, где он поселился, приехав в Москву, вскоре стала местом постоянных встреч бывших партизан.

Как-то в жаркое воскресное утро к Никитину неожиданно явился его большой друг — бывший начальник штаба партизанского батальона Иван Иванович Родин. Не раз во время войны они мечтали о такой встрече именно в Москве! Для многих товарищей эта мечта оказалась несбыточной — они погибли в далеких лесах и полях...

Иван Иванович был человек общительный, жизнерадостный и, в отличие от Никитина, весьма разговорчивый. Войдя в комнату, он весело отрапортовал:

— Иван Иванович Родин, главный эксперт и дегустатор винно-ликерно-водочно-спиртовой и прочей такого рода мерзкой продукции — прибыл без вашего вызова!

Друзья горячо расцеловались, посыпались взаимные вопросы. Прошло всего несколько месяцев с тех пор, как они расстались, да и в батальон Никитина капитан Родин прибыл незадолго до расформирования дивизии, однако и нескольких дней совместной боевой жизни бывает достаточно, чтобы навсегда остаться самыми преданными и верными друзьями. Когда Никитин уезжал в Москву, капитан Родин остался в армии и вскоре отбыл в Германию добивать фашистов. А теперь он ехал со своей частью на Восток. Так называли события...

Увлеченно, с шутками и прибаутками Родин рассказывал о своем житье-бытье, о планах на дальнейшее и вдруг вспомнил:

— Да! Слушай-ка, Владимир Савельевич! Знаешь, кого я только что встретил?

— Не томи, рассказывай,— взмолился Никитин, зная повадку друга начинать повествование издалека, ходить вокруг да около, разжигая любопытство слушателей.

— Так вот, слушай, иду это я, значит, около кинотеатра «Метрополь»... Знаешь, где это?

— Да знаю, знаю,— нетерпеливо отозвался Никитин.— Ты говори, кого встретил?

— Знаешь?! Ну и хорошо. Это недалеко от Большого театра,— невозмутимо продолжал Родин.— А я туда и направился. Думал, может, удастся заполучить билетик на «Лебединое»... Как раз сегодня идет, представляешь?! И вдруг слышу: «Товарищ начальник штаба!» Оглядываюсь и глазам не верю: в синем бостоновом костюме, в белой рубашке, с галстуком, весь с иголочки, наодеколоненный, ну, прямо — вице-консул, а то и посол заморской державы! И кто ты думаешь? Наш!

— Партизан?..

— Конечно.

— А фамилия-то как?

— «Милок».

— «Милок»? — переспросил Никитин, напрягая память.— Что-то не припоминаю такого...

— Да это не фамилия! — поспешил ответить Родин и махнул рукой.— Фамилию-то я сейчас запомнил. Ну, «милок», помнишь, хлопцы его так прозвали не то за высокий рост, не то за... покладистость... Во второй роте был у нас красивый такой, спокойный парень, с густыми черными бровями. Бронебойщик.

Никитин понял, что речь идет о его «крестнике», но не подал вида. Это напоминание не вызвало у него радостного ощущения. А Родин продолжал:

— Ну как же, помнишь, на Варшавском шоссе отличился, а потом насквозь пробил из бронебойки легковую машину фрицевского генерала, что с какой-то мамзель ехал?!

Никитин ничего не ответил.

— Да знаешь, знаешь ты его.... — уверял Иван Иванович.

— Конечно, должен знать, раз он в батальоне у

нас бронбойщиком был,—сказал Владимир Савельевич.—Так что с ним?

— Вот, значит, какая встреча! В Москве! Представляешь?

— А он что тут делает?

— Он, оказывается, москвич! Обнялись мы, значит, расцеловались по всем правилам, а тут подходит к нам широкоплечий детина, ростом выше нашего парня. Полковник! На груди у него, Владимир Савельевич, куда нам — партизанам! В два ряда, а сверху звездочка!.. Герой! Я аж замер, потом руку к козырьку потянул, приветствую. Оказывается — брат нашего. Родной! Представляешь, а?!

Никитин почувствовал облегчение. «Родной брат Герой Советского Союза... Должно быть, и впрямь наш Орлов не по доброй воле попал к власовцам»,—думал он.

— Так, так... Это интересно! И очень хорошо!

— Должно быть, подводник,—добавил Родин.— И вот пристали оба ко мне, дескать, зайдем по такому случаю посидеть... В ресторан, значит, тянут... Я бы и рад, говорю, да спешу к бывшему комбату, к тебе, стало быть. Рассказал им и про тебя, что знал. Тогда и решили сей же час всем к тебе заявиться. Что на это скажешь? А?!

— Правильно решили! А где же они?

— погоди, расскажу. Дал им, значит, твой адрес. Они пошли в какой-то коммерческий магазин, говорят, есть такой где-то на улице Горького. У полковника имеется какая-то книжечка не то с лимитками, не то со скидками — не кумекаю я в этих тыловых делах... Уяснил только, что надо им, значит, отовариться... Теперь уж скоро должны подойти. Не возражаешь, что я так?

— Да что ты, Ваня, милый! Сам знаешь — я всегда с удовольствием!.. Вот и у меня на такой случай есть кое-какие припасы,—сказал Никитин, доставая с окна бутылку и тарелки с закуской.

Через несколько минут раздался звонок. Никитин открыл дверь. На пороге стоял широкоплечий высокий капитан первого ранга со звездой Героя Советского Союза и множеством орденов, а из-за его спины робко выглядывало знакомое лицо. Это был Юрий Ор-

лов. Никитин весело и шумно поздоровался с гостями, радушно пригласил их войти в комнату, а гости, извиняясь за беспокойство, завалили стол свертками со всякой снедью.

Все принялись за сервировку стола, подшучивая над злосчастной холостяцкой долей и проявляя незаурядную изобретательность в поисках заменителей обыкновенных тарелок, вилок, рюмок и прочих житейских предметов. Наконец уселись и начались тосты, воспоминания, разговоры... Никитин был рад встрече, охотно рассказывал о себе, с искренним интересом расспрашивал то одного, то другого, но никак не мог отвлечься от навязчивого воспоминания. Стоило ему взглянуть на Юрия, как перед глазами отчетливо всплывала картина первой встречи с ним: красивое, запоминающееся лицо, стройная фигура в гитлеровской форме, сырое, зябкое утро на железнодорожном переезде, а потом щелканье каблуков и... забиңтованная голова. Прежде, почти ежедневно наблюдая Орлова на привалах, в походах или в боях, Никитин, казалось, забывал об этом, перед ним был боец-партизан и только. Теперь он смотрел на Орлова в синем бостоновом костюме, а видел его в аккуратно подогнанной гитлеровской форме со всеми ее атрибутами.

Бывший бронебойщик держался скромно. Впрочем, таким был он и в отряде. Брат его, моряк, оказался отличным рассказчиком. Иван Иванович же пребывал в особо приподнятом настроении. Он и в, самой тяжелой обстановке, когда, казалось, нет никакой надежды на спасение, не упускал случая пошутить, а сейчас эта его склонность проявлялась в полную силу. Большой любитель песен, он не раз прерывал оживленный разговор, настойчиво требуя подпевать ему, и после каждой песни то он, то Никитин восклицали: «А помнишь, как тогда...» — и снова следовал рассказ о партизанских делах. Особое удовольствие им доставляло рассказывать моряку о ратных делах его младшего брата, сам Юрий только смущенно улыбался и ограничивался короткими репликами.

— Да! Юрий! — вспомнив что-то, воскликнул Родин. — Расскажи-ка толком, как это ты ухитрился тогда на шоссе за несколько минут подбить не то три, не то четыре танка? Расскажи-ка...

— Что ж мне оставалось делать? — ответил Юрий. — Танки появились на шоссе, через которое переходила дивизия, рассекали ее на две части. Темновато было, стрелять издали бесполезно и опасно: в своих можно попасть. Ну, я и пополз к шоссе, добрался до кювета, примостился за придорожным столбиком... Меня немцам трудно было разглядеть, а я танки хорошо видел, бил по ним с близкого расстояния, почти в упор... Вот и все...

— Да, дал ты жару фрицам! — похлопывая Юрия по плечу, заключил Родин.

— Вот так-то, друзья, — задумчиво произнес моряк, как бы подводя итог воспоминаниям. — Воевало нас пять братьев. И батя, имея белый билет, пошел в ополчение, когда враг к Москве рвался. Недалеко, под Клином, остался наш батя... Два брата тоже не вернулись; один — под Курском погиб, другого в Берлине за несколько дней до капитуляции наповал, сволочи, фаустпатроном... Осталось нас трое: Юрка — наш меньшой; второй — без ноги, еще в госпитале, я — третий да мать-старушка...

Моряк нахмурился, молча, не глядя ни на кого, долил стопки и, тяжело вздохнув, сказал: — За тех, друзья, кто не дожил до победы!

Оживленная, шумная беседа прервалась. Наступила торжественно-печальная тишина.

— Теперь, Юра, жизнь свою надо устраивать, — сказал Никитин, желая отвлечь товарищей от грустных мыслей.

— Да, с осени придется ему подналечь! — ответил за брата моряк. — Ушел он воевать с первого курса и теперь, как говорится, ни до бога, ни до людей... Без образования в наше время худо. Кстати, и к вам, товарищи, просьба. Вы, так сказать, его начальство, вижу, что знаете его, как облупленного. Желательно, чтобы именно вы дали ему характеристику...

— А почему ж не дать? — подхватил Иван Иванович. — Дадим. Парень он что надо! Не беспокойтесь... Такую, брат, характеристику дадим, что любо-дорого! Но, братцы, имейте в виду, завтра в полдень я — ту-ту-у! Нах Остен! К самураям порядочек наводить... Так что давайте не откладывать...

Никитин воспринял просьбу моряка как вполне

естественную, вынул из планшетки школьную тетрадь, вырвал из середины двойнсьй листок, положил его на стол.

— На, Савельич, пиши,— сказал Родин, подавая авторучку.— Знаешь, откуда она у меня? Из самого логова врага! На Унтер ден Линден взял, честное слово! Смотри, «Пеликан»! Лучшая фирма... Фрицы сделают так уж на совесть! Попробуй, как пишет.

Никитин с любопытством осмотрел ручку, черкнул несколько линий и завитушек на краешке газеты. Авторучка и в самом деле была хороша.

— Во, Савельич! Только на купюрах такой ручкой расписываться! Дарю тебе на память по случаю нашей встречи в столице!..

— Еще чего! — запротестовал Никитин.— Тебе самому понадобится... К тому же для тебя — это память о Берлине... — Но Родин и слышать не хотел.

— Обо мне не беспокойся. Коли переживу очередную суматоху, то как-нибудь уж найду себе новую, какую-нибудь «Киси-миси-суки-цуки!» — заразительно смеясь, говорил он.— Давай, Савельич, пиши. Мужик ты писучий, я знаю... Давай!

Никитин сосредоточился и начал писать каллиграфическим почерком:

Характеристика

*на рядового бронебойщика 1-го партизанского
батальона Орлова Юрия Максимовича*

Тов. Орлов Ю. М. прибыл в батальон...

Никитин остановился. «Прибыл... — это слово к данному случаю не подходит,— подумал он.— Прибыть можно по вызову, по назначению, по мобилизации, наконец, добровольно. Но нет так...» Несколько минут Никитин пытался как-то обойти это щепетильное место, однако ничего путного не получилось. Перед глазами стояли власовцы, сбившиеся в кучу у открытой двери вагона, а на первом плане высокий парень в длинной хорошо отутюженной немецкой шинели, с кокардой на фуражке. Вспомнилось караульное помещение, удар плеткой... Никитин с трудом удержался, чтобы не взгля-

нуть на вешалку: там под шинелью висела та самая плетка. Он сохранил и берег ее как реликвию, напоминавшую о годах суровой борьбы, о многих удачах и неудачах.

Как-то его батальон дрался за овладение переправой. У подножья моста в бетонном укрытии засели фашисты. Никитин приказал подкатить пушку. Пушка была по укрытию, но все снаряды пролетали мимо. Нависла угроза провала всей операции. Вот тогда-то к Никитину подскакал на коне командир дивизии, вырвал из рук Никитина плетку и хлестнул ею комбата... Буквально следующий же снаряд снес часть вражеского укрепления. Потом еще и еще, один за другим следовали прямые попадания. Вскоре началась и переправа...

Вспомнив об этом, бывший комбат инстинктивно взглянул на своего бронебойщика: на лбу под волосами у него виднелся шрам... Никитин почувствовал, как учащенно забилось сердце, к лицу прихлынула кровь. Он встал.

— На-ка, Иван Иванович, пиши ты,— решительно произнес Никитин и протянул самописку Родину.— У меня что-то не получается. Собственно, тебе как начальнику штаба сам бог велел писать характеристики...

Все рассмеялись, а Родин стал упорно отнекиваться: и почерк у него некрасивый, и пишет нескладно, наконец, виновато признался:

— Нет, братцы, не получится у меня дельной характеристики... Сами видели, я тут хватанул больше всех... Ну что это за документ будет? Курам на смех!.. Не-е!...— и, потянув Никитина за локоть, силой усадил его за стол: — Знаешь, Владимир Савельевич, ты начал писать, ты и дописывай... Голова у тебя ясная. Я знаю. Не крути нам шарики... В конце концов, батальоном командовал ты... Вот и пиши. Юрка — парень что надо! Воевал, дай бог каждому! Пиши, пиши...

Никитину стало неловко. После минутного замешательства он сказал:

— А знаете что, товарищи, отложим-ка это дело на завтра...

Все насторожились.

— Что-то не пишется, серьезно...— продолжал Ни-

китин.— Как-никак, а выпили мы основательно! По-моему, на свежую голову лучше пойдет...

Братья Орловы промолчали, но по их лицам пробежала тень сомнения. Никитин заметил это и добавил:

— К тому же, товарищи, надо заверить наши подписи!

— Вообще-то желательно...— произнес моряк не совсем твердо.— Но как, в таком случае, быть с подписью Ивана Ивановича? Он завтра, кажется, отбывает?

— Да, да, Владимир Савельевич, завтра в 10 часов 40 минут отчаливаю!

— А мы, Ваня, утром напишем характеристику, ты ее подпишешь, я заверю твою подпись и заодно тоже подпишу. А днем на службе заверят мою подпись, пришьепнут гербовую печать... Вот это будет настоящий документ!

— Порядок! — воскликнул Родин.— Это будет документ по всем правилам, а не филькина грамота!..

На том и порешили. Было далеко за полночь, когда братья Орловы покинули гостеприимного хозяина, а на следующий день вечером, как и уговорились накануне, снова зашли к нему.

— Ну, как, не опоздал Иван Иванович на поезд?— спросил моряк.

— Нет, что вы! Человек он пунктуальный,— ответил Никитин, приглашая их сесть.— И характеристику подписать успел, и на поезд успел.

При этих словах братья обменялись быстрым взглядом, а лицо Юры покрылось румянцем.

Никитин достал из кармана пиджака аккуратно сложенный листок бумаги, развернул его и, не решаясь начать неприятный разговор, стал перечитывать характеристику. Наконец он переборол себя, взглянул прямо в глаза обоим братьям и тихо сказал:

— Характеристику Юре мы написали. Оба подписали ее. Но поймите, товарищи...— Никитин замялся, в горле словно застрял ком. Он глубоко вздохнул и наконец договорил — ...дать эту характеристику вам я не могу. Это было бы лжесвидетельство.

Юра побледнел, опустил глаза. Его брат нахмурился, покраснел, хотел что-то сказать, но не успел.

— Не могу! — продолжал Никитин. — Вы знаете, при каких обстоятельствах Юра попал к нам. Еще вчера, честно говоря, я не мог из-за этого писать, но не хотел говорить об этом при Иване Ивановиче. Ведь его в батальоне еще не было, когда у нас появился Юра. Родин не знает, как Юра стал партизаном, и подписал характеристику не кривя душой. Я ему ничего не рассказывал: не знает он этих подробностей и пусть не знает, но подвести его я не могу... Тем более не могу скрывать. Написать же в характеристике, как было в действительности, сами понимаете, в таком виде она вам не понадобится... Скорее повредит, чем поможет...

Сказать все это стоило Никитину немалых усилий. В душе он сочувствовал Орловым, но скрыть позорное прошлое Юрия означало бы простить предателей, от руки которых погибли многие его товарищи. Немало сел и деревень было сожжено этими изменниками; немало детей осиротело... Конечно, к Орлову Никитин теперь относился иначе, чем вначале. Он свою вину перед Родиной искупил в жестоких боях с врагом. Никитин уважал и даже любил своего бывшего бронебойщика, но в официальном документе скрыть то, что он знает, было бы нечестно. Собственно, так поступил бы и Иван Иванович, если бы знал об этой печальной странице в жизни Юрия. Так должен был поступить и родной брат Юрия, если бы оказался на месте бывшего комбата. Попросив товарищей дать характеристику брату, он, как и Никитин, сначала не учел затруднительности положения. Ведь накануне вечером и Никитин принялся писать характеристику, не испытывая никаких колебаний и сомнений, хотя и знал, при каких обстоятельствах в его батальоне появился Юрий Орлов...

Теперь братья молчали. Они понимали, что официальная амнистия еще не все...

— Вы, товарищи, поймите меня и не обижайтесь, — продолжал Никитин, — характеристику эту я могу дать Юре, но дописав в ней, что он около года служил во власовской армии, был взят партизанами в плен, а впоследствии амнистирован. Относительно боевых качеств, как видите, в характеристике говорится весьма ярко...

Орловы отказались и вскоре ушли. Было ясно, что они надеялись получить не такую характеристику...

Никитин долго не мог забыть этого разговора. По-

рою он терзался мыслью, что напрасно не предал забвению совершенный Юрием ложный шаг, а порою, наоборот, оправдывал себя. Так или иначе, но долгое время ему было не по себе. Однако повседневные заботы постепенно захлестнули Никитина, он все реже стал вспоминать об этом случае и, наконец, вовсе забыл о нем.

Неудержимой чередой текли годы, принося и хорошее и плохое. Более десяти лет прошло с тех пор, как в войне с Японией смертью храбрых погиб Иван Иванович Родин. Шесть лет прошло, как Никитин распростился с холостяцкой жизнью, у него уже подрастал сынишка, который доставлял родителям, как и все дети, много радостей и немало тревог и печали. Бывали затруднения и неприятности на службе. Время и волнения оставляли следы на лице Владимира Савельевича Никитина: одна морщинка, другая, рядом с первым седым волосом появился второй, третий, четвертый, а предрасположение к полноте при сидячем образе жизни и завидном аппетите привели к тому, что почти ничто не напоминало о его некогда стройной фигуре.

Как-то в субботний день Владимир Савельевич решил после работы зайти в большой гастрономический магазин, который коренные москвичи по старинке иной раз называли «Елисеевским». У входа в магазин людской поток захлестнул его и потянул внутрь уже помимо его воли. Он пожалел, что забыл о сутолоке в предвыходные дни, и хотел было протиснуться в сторону, чтобы влиться в плотную струю выходящих из магазина, как вдруг впереди мелькнул чей-то очень знакомый профиль. Никитин тотчас стал пробираться сквозь плотную толпу к человеку, который показался ему знакомым. Черная голова с желтоватым пятном лысины на макушке то всплывала, то исчезала, как буй, на волнах. Никитин нетерпеливо протискивался вперед, вызывая нелестные замечания. Наконец он догнал человека, с которого не спускал глаз, и даже немного обошел его стороной, чтобы убедиться, не обознался ли. Взглянул и обрадовался: «Ну да, он самый!»

Никитин остановился, подождал, пока мужчина поравнялся с ним, взял его за локоть.

— Привет!

Человек удивленно смотрел на Никитина и молчал, видимо, ожидая, что тот вот-вот обнаружит ошибку и отойдет. Никитин, улыбаясь, спросил:

— Не узнаешь?

— Н-нет.

— Ну да!

Человек удивленно взглянул на незнакомца, пожал плечами. Никитину стало даже несколько неловко, но он все еще продолжал улыбаться.

— В партизанах был?

— Был.

— Бронебойщиком?

— Да,— едва выговорил высокий человек.

— И меня не узнаешь?

— Н-нет...

— Ну будет тебе,— несколько сконфуженно заметил Никитин.

Высокий вновь пожал плечами и, как показалось Никитину, пренебрежительно посмотрел на него: дескать, почему это вы со мной на «ты» и, вообще, кто вы такой?! Это задело Никитина, и он, глядя в упор на собеседника прищуренными глазами, резко спросил:

— А комбата Никитина помнишь?

Человек широко раскрытыми глазами взглянул на Никитина, но взгляд его выражал не радость, столь естественную при встрече с боевым товарищем, а скорее растерянность и тревогу.

Никитина это поразило. Получалось, будто он назойливо напрашивается в друзья к этому рослому, очень солидной внешности человеку. Подождав несколько секунд и едва сдерживая негодование, Никитин с грубоватой откровенностью спросил:

— Что ж, и немецкий эшелон, может быть, не помнишь? Или забыл, при каких обстоятельствах у тебя на лбу появился вон тот шрам?!

Орлов (это был он) опустил голову и едва слышно ответил:

— Помню...

— Ну вот, значит, я не ошибся... Так как живешь?— Никитин уже спрашивал не столько потому, что его интересовало житье-бытье бывшего партизана, а что-

бы как-то сгладить неприятное впечатление от этой встречи и мирно разойтись.

— Да так,— неохотно ответил Орлов.— Ничего, спасибо... Тружусь.

Никитин и сам уже был не рад встрече. Теперь его совсем не интересовал этот человек, которого он остановил в надежде поговорить по душам, как с товарищем по оружию, поделиться новостями. Ведь с тех пор, как они не виделись, прошло одиннадцать лет!..

— Ну, что ж...— сухо заключил Никитин.— Будь здоров.

Не подав друг другу руки, они разошлись. Весь путь до дома Никитин раздумывал над этой встречей. Он корил себя за то, что не сдержался, напомнил Орлову о его прошлом. Ведь это совсем не входило в его намерения; напротив, когда он увидел его и вспомнил, бросился ему навстречу с искренним, радостным чувством как к верному боевому соратнику. Теперь Никитину даже казалось, что он сознательно хотел дать Орлову почувствовать, что никакого значения этой темной странице в его жизни не придает. Но получилось все наоборот.

Прошло еще шесть лет. Все реже Никитин вспоминал об этой встрече, но каждый раз сожалел, что так грубо коснулся душевной раны этого человека. Порою он думал, что если доведется когда-либо еще повстречаться, то обязательно поговорит с ним по душам.

Как-то в воскресный день Никитин вышел из дому на прогулку. Его внимание привлекла новенькая двухцветная легковая автомашина, в которую два продавца универмага втискивали упакованный телевизор. Владелец машины наблюдал за этой операцией, сидя за рулем и повернув голову к продавцам. Его лицо и привлекло внимание Никитина. Он подошел ближе, прошел мимо, вернулся, снова всмотрелся в лицо человека за рулем. «Нет. Я не ошибаюсь,— подумал Никитин.— Это, несомненно, он!» — и подошел к передней дверце машины с приспущенным стеклом.

— Привет!

Человек за рулем взглянул на Никитина сквозь очки в позолоченной оправе. Взгляд его выражал полное безразличие, будто приветствие было адресовано вовсе не ему.

— Узнаешь? — добродушно улыбаясь, спросил Никитин. — Орлов, кажется, не так ли? — поспешил он добавить, заметив, что человек стал поспешно вставлять ключ в замок зажигания.

Теперь и Орлов узнал бывшего командира батальона. Он побледнел, растерянно закивал и от волнения никак не мог вставить ключ. По всему было видно, что и на этот раз встреча с Никитиным не обрадовала Орлова. Не выходя из машины, он стал суетливо закрывать заднюю дверцу, затем проверил, хорошо ли уложен телевизор на заднем сиденье, и при этом не сказал ни слова, только изредка бросал на Никитина виновато-испуганный взгляд.

Никитин невольно, сам того не желая, пристально посмотрел на шрам на лбу Орлова. Тот это заметил и, опустив голову, стал удобнее усаживаться за рулем. Никитин почувствовал, что Орлову встреча не доставляет удовольствия не только потому, что напоминает о прошлом, но и потому, что ему мерещится, будто бывший комбат его выслеживает. Никитин хотел объясниться, дать понять, что ни теперь, ни в прошлый раз не имел дурных намерений; что как тогда, так и теперь искренне рад встрече, однако Орлов уже завел мотор и Никитин торопливо сказал первое, что пришло ему в голову, лишь бы рассеять напрасные подозрения:

— Слушай, я живу в этом доме... — он показал на дом, первый этаж которого был занят универсальным магазином. — Вышел погулять и увидел знакомое лицо... Так как живешь? Что делаешь?

— Благодарю вас... Работаю, — ответил Орлов и неестественно улыбнулся.

Все поведение Орлова, особенно вздрагивающий голос и напряженная улыбка, окончательно убедили Никитина, что Орлов остерегается, избегает его. Неприятный осадок, ощущение своей вины перед этим человеком, которые возникли после первой встречи в магазине, теперь всплыли с новой силой.

— Вон мой балкон, второй снизу. А вход со двора. Видишь арку? — настойчиво продолжал Никитин и вдруг замолчал, словно его обдали струей холодной воды. Но было уже поздно. Орлов приоткрыл дверцу, высунул голову. И надо же было, чтобы именно в этот момент рядом с аркой стояла малопривлекательная машина,

специально предназначенная для перевозки преступников. В том же доме, где жил Никитин, рядом с универсальным магазином помещалось отделение милиции...

Взгляд Орлова скользнул по машине, затем вернулся к Никитину, он был уже не виновато-растерянным, а скорее жалким, умоляющим. Глаза его говорили: «Оставьте меня, ради бога! Не издевайтесь!»

Никитин на мгновение растерялся, не зная, что предпринять. И вдруг резким движением сунул руку в боковой карман. Орлов замер... Да, эти порывистые движения, резкие жесты остались у Никитина со времен войны, и не удивительно, что Орлову они напомнили о той страшной минуте, когда ему казалось, что его жизнь бесславно кончилась. Но Никитин вынул из кармана, конечно, не пистолет, а обычную записную книжку, вырвал из нее листок, написал на нем свой адрес, телефон.

— В этом доме — четвертый этаж, сто пятьдесят седьмая квартира. Лифт работает круглые сутки. Вот тут тебе и телефон. Звони!

Едва успел Никитин опустить за приспущенное стекло листок бумаги, как машина рванула с места и быстро скрылась за поворотом. Долго стоял Никитин с платком в руке и вытирал вспотевшее лицо. Вновь, как и в первый раз, у него остался нехороший осадок от встречи. И опять он дал себе слово, что если когда-либо доведется ему встретить Орлова, то пройдет мимо. «Пусть живет как знает! Не буду напоминать о себе и обо всем, что было когда-то».

Некоторое время его не покидала надежда, что Орлов поймет свою ошибку и позвонит по телефону. Но прошел день, другой, неделя, месяц, а звонка так и не последовало...

Ежегодно в день Победы над фашистской Германией бывшие партизаны встречались в сквере у Большого театра. Это стало традицией. Эти встречи были радостным событием в их жизни. Крепкие объятия, оживленные расспросы о жизни, работе и здоровье чередовались с воспоминаниями о тех, кто погиб в боях или не дожил до очередной встречи. Никитин всегда бывал здесь и никогда не встречал Орлова. Не мог он знать, что бывший бронбойщик его батальона ежегодно бы-

вал у Большого театра, но к садику, где собирались его друзья по оружию, даже близко не подходил. Приходя на площадь чуть ли не первым, он издали, украдкой наблюдал за происходящим и уходил всегда последним. И если бывшие партизаны расходились с этой традиционной встречи бодрые, веселые, то Орлов возвращался домой сумрачный, едва сдерживая подступавшие к горлу спазмы.

Он приходил на площадь в праздничном костюме, с белоснежным платочком в кармашке пиджака, а уходил внешне такой же элегантный, но совершенно разбитый душевно.

Ни орденов, ни медалей у Орлова не было. Дома, в книжном шкафу, в рамке под стеклом, стояло лишь вырезанное из журнала изображение медали «За победу над фашистской Германией 1941—1945 гг.»

Никитин все реже вспоминал об Орлове. Но вот до бывших партизан дошла тяжелая весть: умер генерал, Герой Советского Союза, бывший командир партизанской дивизии. Из Хабаровска и Бреста, Новозыбкова и Мурманска, Киева и Сум, Брянска и Чернигова стали съезжаться боевые соратники, чтобы проводить любимого комдива в последний путь.

Много людей пришло проститься с генералом. Под звуки траурной музыки в зал, где был установлен гроб с его телом, непрерывной вереницей входили делегации, прибывающие со всех концов страны боевые соратники; вносили все новые и новые венки и букеты живых цветов. Через каждые пять минут сменялся почетный караул. Был тут и бывший комбат Владимир Савельевич Никитин. Он встречал прибывавших, распоряжался расстановкой венков, назначал в почетный караул. За эти дни он, казалось, стал ниже ростом, поседел, смотрел на людей и будто не видел их, разговаривал и забывал, о чем идет речь. Перед глазами одна за другой вставали картины тяжелых боев во вражеском тылу, легендарных рейдов, дерзких набегов... И вдруг в самом отдаленном углу заполненного народом зала Никитин увидел ссутулившегося, одиноко стоявшего человека. «Неужели это он? — подумал Никитин и взгляделся. — Конечно, он!»

Никитин стал поспешно пробираться в тот угол зала, но Орлов, видимо, заметил его и поспешил к выходу. Увидев, как он торопливо сбежал по лестнице, Никитин не сдержался и крикнул:

— Орлов! Орлов!

Не оглядываясь, Орлов продолжал спускаться по лестнице, словно за ним гнались. Но перед выходом ему преградила путь военная делегация, вносящая большой венок. Орлов был вынужден остановиться, и тут его настиг Никитин. Орлов едва переводил дыхание, лицо его выражало испуг.

— Юра, здравствуй, дорогой!

И необычная форма обращения, и задушевный тон, каким были произнесены эти слова, благотворно подействовали на Орлова. Словно просыпаясь от глубокого сна, он выпрямился и вопросительно посмотрел на Никитина.

— Ну, здравствуй, Юра! — повторил Никитин и протянул ему руку.

Орлов глубоко вздохнул, ничего не ответил. Он смотрел то в глаза Никитина, то на протянутую ему руку и, наконец, схватив ее обеими руками, стал трясти изо всех сил:

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищ комбат, здравствуйте!..

— Почему же ты убегаешь, Юра?

— Простите, товарищ комбат... я... — Орлов не мог говорить от волнения. — Я услышал эту ужасную весть и... не мог не придти... Извините, пожалуйста, товарищ ком...

— За что извинить?! — прервал его Никитин. — Давай-ка быстро раздевайся — вон там в гардеробной и становись в почетный караул...

— Я?! — еле слышно спросил Орлов.

— Да, да! Именно ты!

— Разве и мне... можно? — с трудом выговорил Орлов, и глаза его наполнились слезами.

— Ну, конечно, Юра! Не можно, а должно! — тоном приказа ответил Никитин. — Ты же партизан! Лучший бронебойщик в нашей дивизии!

— Спасибо! Спасибо, товарищ комбат, спасибо. Я сейчас! — и Орлов бросился вниз к гардеробу.

Через несколько минут Юрий Максимович Орлов

стоял в почетном карауле рядом с прославленными народными мстителями. Никитин смотрел на его сутулую фигуру, поседевшую голову, очки в позолоченной оправе и вспоминал молодого, высокого, стройного бронбойщика с черными как смоль бровями. «Вероятно, только шрам остался неизменным», — подумал Никитин, но не решился даже мельком взглянуть на лоб Орлова...

В тот день Никитин больше не видел Орлова. Он исчез незаметно, не простившись, и Никитин подумал, что бывший бронбойщик опять будет избегать встреч. Но на следующий день Орлов позвонил по телефону, а спустя полчаса был у Никитина. Оказывается, он сохранил листок с номером телефона и адресом своего комбата.

— Куда же ты исчез после почетного караула? — спросил Никитин, усаживая гостя в кресло.

— Не обижайтесь на меня, Владимир Савельевич... Смерть генерала и для меня большое горе. Я ведь тоже его любил. Но поверите, после того как вы поставили меня в почетный караул, да еще вместе с такими известными партизанами, я не мог удержаться... Побежал к брату. Помните? Сейчас он тоже в больших чинах... Обо всем рассказал ему. Потом — домой, рассказал матери, жене, второму брату... Ведь для меня это очень, очень много значит... Поверьте!

До позднего вечера длилась их задушевная беседа, вспоминали друзей по оружию, вспомнили, конечно, и Ивана Ивановича Родина. Рассказал Орлов и о своей жизни: жена его врач, у них двое детей... Сам он — профессор, доктор наук... Словом, он нашел правильный путь и, главное, понял, что Родина, как и мать, тебя родившая и вскормившая, бывает только одна. Единственная и незаменимая!.. И поднимать на нее руку не следует никогда и ни при каких обстоятельствах.

— Знаете, Владимир Савельевич, — сказал Орлов, — вчерашний день — тяжелый, говорить не приходится... Но для меня — это день второй амнистии!.. Амнистии, которую даровали мне боевые товарищи — партизаны, и, прежде всего, вы... Двадцать лет я ее ждал!

ТАКИХ НЕ ОДОЛЕЕШЬ!

На малочисленный гарнизон полиции в селе, где комендантом был долговязый немецкий вахмистр, оккупанты возложили сбор продуктов для эсэсовских охранников расположенного поблизости крупного аэродрома.

Об этом гарнизоне по всей округе шла худая слава. За угон молодых парней и девушек в Германию на рабский труд, за расправы с беззащитными стариками, сыновья которых ушли в Красную Армию, за казни ни в чем неповинных людей ставленник «нового порядка тысячелетнего царства» — фашистский вахмистр снискал себе жгучую ненависть советских людей.

Ненавидел его и Гриша Бугримович — восемнадцатилетний веснушчатый парень со свисающей на бок прядью рыжих вьющихся волос. Он замышлял покончить с гитлеровским комендантом, но о своем намерении никому из членов подпольной комсомольской организации не рассказывал. «Чего буду заранее болтать, — думал он. — А вдруг не получится, тогда опять скажут, что Гришка нахвастал!»

Знал Гриша, что многие считают его первым на селе пустозвоном, он и в самом деле любил похвастать. И не понимал, как это у него получалось: ведь он признавал свой недостаток, злился на себя, пытался исправиться, но всякий раз увлекался и снова хвастал.

Однажды молодые подпольщики крепко отчитали его, к тому же в присутствии Катюши Приходько — милостливой, хрупкой девушки, в которой Гриша, не пода-

вая виду, души не чаял. Помня об этом, парень и решил исполнить задуманное, не сказав никому ни слова.

Война была в разгаре.

Вблизи села, где действовала молодежная подпольная организация, в гуще непроходимого лесного массива обосновалась разведывательная группа, присланная в эти края командованием одной партизанской бригады для наблюдения за немецким аэродромом. Вскоре партизанам удалось установить связь с сельской подпольной организацией. Не прошло и нескольких дней, как в их расположение пришли связная от подпольщиков Катя Приходько и старый колхозник дед Игнат. Едва переводя дыхание, девушка сообщила:

— Гришка Бутримович убится!

— Начисто! Как не бывало! — подтвердил старик и сокрушенно покачал головой.

* * *

...Над селом преждевременно сгущались сумерки. Черные тучи обложили небо: первый по-настоящему весенний дождь был теплым и затяжным.

По пустырю, мимо полуразвалившегося домика, в котором до войны было сельпо, хлюпая сапогами по раскисшей глине, скользя и шатаясь, шел немецкий комендант. Нахлобучив на голову остроконечный колпак серо-зеленого дождевика, он что-то бормотал, жестикулируя руками.

Выйдя из-за домика сельпо, Гриша Бутримович столкнулся с немцем лицом к лицу. Опешив от неожиданности, он отпрянул в сторону и угодил в лужу, да так, что брызги липкой грязи обдали коменданта. Но тот лишь бросил на встречного свирепый взгляд, пробурчал какое-то ругательство и побрел дальше.

«Нализался, фашистский гад!» — со злостью прошептал Гриша. Несколько мгновений он стоял в нерешительности: «Идти своим путем или... Нет! Такой случай нельзя упускать...» Парень оглянулся: кругом ни души. Даже ближайшие строения едва видны сквозь дождевую завесу, окутавшую пустырь. Нащупав в промокшем насквозь кармане свое единственное оружие — гранату-лимонку, Гриша бросился вдогонку за комен-

дантом. Приблизившись к нему, он вновь осмотрелся по сторонам, сорвал с гранаты чеку и, пробежав еще несколько шагов, швырнул ее под ноги фашисту.

Сверкнула молния и, словно раскат грома, прокатилось по пустырю оглушительное эхо...

Вернувшись домой, Гриша переоделся. Конечно, был он очень возбужден, но ни мать, ни сестренки ничего не заметили.

В тот же вечер по селу пошли слухи. Одни говорили, будто немецкого коменданта убили наповал, другие — что его подобрали раненого и увезли на телеге в район.

На следующий день в село нагрянули немецкие солдаты. Вместе с местными полицейскими они рыскали по хатам, избивали людей, требуя выдать человека, бросившего гранату. Но все было тщетно. Тогда они отобрали двадцать шесть заложников и объявили, что если не выдадут покушавшегося на коменданта, то все они будут казнены. Среди арестованных была Катя Приходько и еще два парня из подпольной организации.

Гриша ходил сам не свой: заложники — невинные люди, а он — на воле... Катю он уже однажды выручил. Когда ее хотели отправить в Германию, подпольная организация поручила Грише спасти Катю. В то время местный начальник полиции вербовал молодежь, и Гриша сказал ему, что хочет жениться на Катюше и поступить на службу в полицию, — иного выхода не было. Катю отпустили. Она была очень благодарна парню, но выходить замуж за него и не думала. Разумеется, и Гриша не пошел на службу к немцам. Забыл об этом и начальник полиции. Однако Гриша будто впервые заметил пушистые каштановые волосы, ясные голубые глаза Катюши и как-то неожиданно почувствовал, что уже давно любит ее. И вот теперь из-за него ей грозит гибель. Эта мысль не давала ему покоя, он искал и не находил выхода из положения.

А время шло. Со дня на день гитлеровцы могли привести в исполнение свою угрозу — казнить заложников.

Гриша решил признаться оставшимся на воле подпольщикам и посоветоваться с ними, как спасти заложников, но тут он встретил человека, от которого

в самом начале создания подпольной организации «на всякий случай» получил гранату-лимонку.

Это был Кирилл Агеевич, как его звали в селе,— бывший танкист. Еще прошлой осенью, когда в этих местах шли бои, его подобрали раненого, выносили. Больше о нем ничего не знали. Даже фамилией его никто не интересовался. Ни к чему было.

Сильно хромая, ходил Кирилл Агеевич по хатам, помогал людям по хозяйству. За это его кормили. Он отрастил бородку и длинные усы, не в меру сутулился, но люди все же догадывались, что не так он стар, как кажется с виду. Частенько беседовал он с молодыми парнями и девушками, вселял в них веру в непреходящую победу Красной Армии, а когда молодежь создала подпольную организацию, Кирилл Агеевич стал обучать подпольщиков владеть оружием, пользоваться взрывчаткой, извлекать ее из противотанковых мин, которыми были усеяны поля еще со времени, когда здесь проходила линия фронта.

Теперь, когда в ожидании казни заложников все жители села были в большой тревоге, Кирилл Агеевич будто невзначай вечером заглянул к Бугримовичам. Он догадывался, что покушался на коменданта Гриша. Долго сидели они вдвоем на заднем дворе у копны сена, потягивая сигарку за сигаркой. Оба искали и не находили ответа на вопрос: что делать? Как спасти ни в чем неповинных людей? Будто потеряв надежду что-нибудь придумать, Кирилл Агеевич стал рассказывать Грише об одном случае, запомнившемся ему еще с детства.

— Было это, значит, в наших краях,— начал он, как всегда, издав далеко.— Речка там протекает. Не сказать чтоб дюже глубокая, а студеной даже в жаркое лето. А в прибрежной местности аисты водились. На лето из теплых стран прилетали.

— Как-то парочка одна на крыше нашей хаты гнездо свила. Кавалер, значит, с возлюбленной. В один день, а, глядит батя мой, аистиха барахтается на земле. Взлететь не может. Поймал он птицу, бедняжка крыло надломил. Что ж делать? Взяли ее в хату. Примочки делали, мазали чем-то, потом перевязали крыло. Аистиха помаленьку привыкать стала к нам, но как, бывало, почует, что дружок ее кружит, так и заладит стонать.

А уж он-то как часовой над хатой! Ей-ей!.. Ну как быть? Стали мы выносить ему подружку. Так он враз спустится к ней, походит рядышком, полелеет... А она лететь-то ни-ни. Трагедия! Тут, гляди, и осень стучится. Птицы все — гира! А ее дружок все маячит, все поджидает подружку. По утрам холодать стало. Мы уж и не знали, что делать. Решил, значит, батя поймать и дружка, чтоб вместе они зимовали у нас.

— Поймали? — спросил Гриша.

— Ну да! Как холодок чуть прикрутил, глядим мы с батей — аиста нема. День, другой — все нема. Ходу дал. А подружка его тоскует, бедная, сил нет на нее глядеть. Крыло уже зажило, размахивает им так, будто ничего не стряслось! Весной, как птицы стали возвращаться, батя выпустил аистиху на волю. Походила она, помахала крыльями и взлетела. Ожила! Батя мой аж слезу пустил. Впечатлительный был он человек. Страсть!

— Так и улетела? — поинтересовался Гриша.

— Нет, почему... Осталась в своем гнезде. Да не в том интерес, Гриша. Сколько дней прошло — не знаю, только глядим мы, в гнезде-то она не одна... Вот как! Аист какой-то к ней пристроился. И живут себе, значит, опять вдвоем. Но не тот это был, что осенью поджидал ее до самых холодов. Не-е! Другой, видать, нахальный.

— Почему ж нахальный?

— А вот слушай. Вскорости на крыше нашей еще аист появился. Третий. Пригляделись, значит, и узнали: тот самый, что осенью смотался. Вернулся таки, но... опоздал. Она на него ноль внимания! Видал, какое дело? А он караулит: покружит-покружит да опустится, только вот новый-то дружок аистихи никак его к ней не подпускает. Совсем загрузил наш аист. Вконец иссохся, даже летать почти не стал... Веришь ли, Гришка, все мы измаялись гляючи на них! Все равно что люди. Никак не вызовет он свою подружку от того захватчика...

— Неужто так и отступился от нее? — думая о чем-то своем, спросил Гриша.

— Не-ет! Не отступился... Маялся он так-то неделю или полторы, а потом, глядим, взлетел наш аист высоко-о-высоко и пошел кружить над гнездом, где

сидела его подружка. Видать, хотел он таким способом выманить своего соперника из гнезда, а тот нахалюга хоть бы хны... Тогда наш-то аист, что кружил, вдруг сложил крылья и камнем пошел вниз, прямо как пикирующий бомбардировщик! Сурьезно! Мы аж замерли! Что это он надумал?! И знаешь, Гришка, как шел он с высоты, так со всего размаху бабахнулся в своего соперника! И его, и сам — в лепешку! Во как, Гриша! А ежели подумать хорошенько да посмотреть кругом, то ведь и в нашей жизни так-то бывает... К примеру, летчики-то наши тоже идут на таран! Слыхал, небось?

Кирилл Агеевич замолчал, неторопливо скрутил цигарку, чиркнул о кремень какой-то железкой, раздул самодельный фитиль и стал прикуривать.

Гриша молчал. Он давно уже понял, что неспроста танкист ему рассказал эту быль или небылицу. Но не эта мысль занимала его теперь. «Кабы можно и мне вот так-то с воздуха! — думал он. — А с земли-то как их, гадов, таранить?!»

— Того аиста, Гриша, что пошел на гибель, мы с батей схоронили с почестями, — сказал на прощанье Кирилл Агеевич. — Как положено героям!

Гриша едва слышно скрипнул зубами, обжигая пальцы, со злостью растер недокуренную цигарку и, продолжая думать о своем, невпопад ответил:

— Ничего! Я еще додумаюсь...

* * *

Волнуясь, Катя Прихсдько рассказала обступившим ее партизанам о трагических событиях, происшедших в селе за последние дни.

— Полицаи увезли тогда коменданта в район. Там госпиталь. Изверг, оказывается, еще жив был... Говорят, какой-то очень хороший врач — не то мадьяр, не то бельгиец — лечил его. И надо же — через несколько дней фашист пришел в себя. А на прошлой неделе и вовсе выписался из госпиталя. Слух такой ходит, будто его от верной гибели спас тот доктор...

И вот позавчера комендант опять появился в селе. На пустыре, где в него была брошена граната, полицейские установили шесть виселиц. Всем объявили, что заложников будут вешать на следующий день.

— Один наш мужик, тоже из заложников, разбушевался — плюнул коменданту в лицо. Фашист ухмыльнулся, вытерся платком и приказал четверем заложникам вырыть яму. Затолкали в нее нашего мужика и засыпали по самый подбородок. Одна голова на поверхности... Тогда комендант заставил всех нас плевать ему в лицо, и...

Катя запнулась, закрыла лицо руками. Дед Игнат продолжил:

— Страх и срамota, как ироды глумились над нашим человеком. Палками заставили заложников оправляться ему на голову... Замучили его до смерти...

Замолчал дед Игнат, опустив голову на грудь. До боли стиснув губы и сжав кулаки, молчали партизаны, прислушиваясь к всхлипываниям девушки.

— А когда срок на выдачу «партизана» прошел, нас повели на пустырь вешать, — глотая слезы, возобновила рассказ Катя. — Народу там было — ужас сколько! С утра еще согнали. Староста опять объявил, что тому, кто укажет «партизана», дадут большую награду, а заложников отпустят по домам. Никто не шелохнулся. Тогда полицаи подвели первых шесть заложников к виселицам. Стали уже веревки прилаживать. Страх что было!.. И тут вдруг из толпы вышел Гриша Бугримович. Нарядился в новый костюм, как в праздник на танцы... Смотрим, полицаи его остановили, потом подошел к нему староста. Сколько людей было на пустыре — все шумели, плакали, причитали, а тут вмиг смолкли. Тихо стало, будто и нет никого. Староста подвел Гришу к коменданту. Они о чем-то переговорили, потом Гриша закричал:

«Я знаю, кто кинул гранату в господина коменданта! Человек этот тут. Пусть отпустят заложников — я выдам его, а не отпустят — смерть приму, но не скажу!»

— Коменданту, конечно, нечего было опасаться обмана. Этих ли, других ли заложников он всегда сможет переловить. А обманщику тогда ясно — конец! Нас отпустили. Бросились мы бежать к своим, втиснулись в толпу, а Гриша опять кричит во весь голос:

«Товарищи, прощайте! Это я кинул гранату в фашиста!»

— Только я успела обернуться и взглянуть на не-

го,— продолжала Катя,— как на том месте, где он стоял рядом с комендантом, старостой и полицаями, вспыхнуло пламя. Поднялась целая гора огня и земли. Такой взрыв раздался, что мы еле на ногах устояли, а потом побежали кто куда... Суматоха поднялась — ужас!..

— Коменданта — наповал. Старосту и еще какого-то немца убило на месте. Только начальника полиции чуть живого увезли в госпиталь. Должно быть, к тому врачу... А от Гриши нашего и следа не осталось... Говорят, он опоясался взрывчаткой...

— Поди знай! Мы-то считали его шепутным, а на деле он вон какой отчаянный оказался! — восхищенно отозвался дед Игнат.— Его мать сказывала, что накануне заходил к ним Кирилл Агеевич и долго о чем-то говорил с Гришей. Шукал я танкиста у всем силе, да нема его. Должно быть, знал солдат, что Григорий собирается сделать. Оттого, видать, теперь и скрылся...

— Может, и так,— заметил Ларионов, здоровяк в немецком френче.— А парень-то был орел настоящий!

— Да! Такое на века запомнят люди,— поддержал его другой.

— Это верно, товарищи,— заключил молчавший до сих пор командир разведчиков старший лейтенант Антонов.— Но сейчас надо подумать вот о чем: боюсь, что фашисты в отместку спалят село и уничтожат всех жителей...

— И мы так-то думаем,— перебил его дед Игнат.— Но то будет ли, нет ли — еще неизвестно, а вот Бугримовичам беды не миновать, ежели начальник полицаев смерти избежит. Катьке тогда тоже не сдобровать. Это уж точно! Ведь он, поди, не запаматовал, что Григорий зимой молил его не отправлять Катьку в Германию, дескать, женится на ней... Это уж сволота такая, что может все припомнить! —

— А не пустить ли в расход того полицейского начальника вместе с врачом — мадьяром или кто он там, черт его батьку знает?! — заметил Ларионов.

— Верно! — отозвался один из разведчиков.— Чего чикаться с ними! У немцев сейчас своих раненых хватает. Недосуг им лечить приспешников-полицаев. Точно! Убрать надо того мадьяра в белом халате и тогда уж некому будет воскрешать предателей...

Антонов испытующе посмотрел Кате в глаза. Де-

вушка почувствовала, что партизаны чего-то ждут от нее, возлагают на нее какие-то надежды. Она неопределенно пожала плечами, смахнула со щеки слезинку и твердо сказала, что готова выполнить любое поручение.

— Задание, которое дадим вам, Катюша, нелегкое,— сказал Антонов, продолжая пристально разглядывать девушку.— В районный центр сходите?

— Почему же нет? Конечно, схожу.

Взвешивая каждое слово, стараясь предусмотреть все обстоятельства, Антонов изложил задачу. Договорились, что на предварительную разведку в районный центр, где находится госпиталь, пойдет Катя, а связным это время будет дед Игнат.

Уже через несколько дней старик пришел к партизанам с первым донесением. В нем Катюша сообщала, что лечащий врач пообещал «в скором времени поставить на ноги начальника полиции», а тот грозитя после выздоровления «не оставить в селе ни одной живой души».

Теперь партизаны уже не сомневались в том, что в селе вот-вот будет учинена кровавая расправа.

— Немецкие доктора и не заглядывают у палату, где лежат их прихвостни,— добавил от себя дед Игнат.— Ежели б не тот доктор — мадьяр аль бельгиец,— начальнику полиции давно б хана... Але ж везет подлюге!

Партизан Ларионов вновь заговорил о том, что надо поскорее убрать начальника полиции, а заодно и его спасителя врача.

— Точно! — поддержали его разведчики.— Не то будет поздно...

Через несколько дней связной пришел с новым донесением. Катя писала, что какой-то подвыпивший раненый эсэсовец учинил в госпитале скандал по поводу того, что местные полицейские приносят своему начальнику фрукты и прочее, а ему, «чистокровному арийцу», не оказывают никакого внимания. Кончилось тем, что разгневанный гитлеровец нанес начальнику полиции несколько ударов табуреткой по голове и тот, не приходя в сознание, умер. «Так что в отношении начальника полиции,— писала Катя,— все в порядке».

Партизаны рассмеялись. Но дед Игнат почему-то оставался сумрачным.

— Почитайте, почитайте далее,— многозначительно кивнул он на бумагу.

Веселое настроение разведчиков сменилось недоумением и возмущением, когда из донесения Катюши стало известно, что доктор, так старательно лечивший фашистского коменданта и начальника полиции, вовсе не мадьяр и не бельгиец, а русский военный врач Евгений Морозов. «Немцы привезли его из какого-то лагеря военнопленных,— сообщала Катя,— и первое время разрешили работать в небольшом лазарете. Там он зарекомендовал себя не только хорошим врачом, но и совершенно аполитичным человеком. Тогда фашисты перевели его в военный госпиталь».

— Что ж получается, братцы? — негодовал Ларионов.— Мы бьем фашистских гадов, а если не удастся сразу прикончить, так этих бандитов возвращает в строй какой-то наш «аполитичный» сукин сын?!

Из донесения и рассказа связного было ясно, что немцы полностью расконвоировали русского доктора, оказывают ему большое доверие и даже выдают офицерский паек.

Кроме того, Катя Приходько сообщала, что Морозов иногда оказывает медицинскую помощь местным жителям и, как врача, его очень хвалят, но «с людьми он не общается, грубоват в обращении, избегает каких-либо разговоров, кроме «что болит?», «на что жалуетесь?» Попытки местных подпольщиков установить с ним контакт ни к чему не привели...»

Все эти подробности еще больше убедили партизан в том, что бывший советский военный врач Морозов попросту продался врагам.

— Это же не какой-то темный лапотник, а человек грамотный! Значит, сознательно пошел на службу к фашистам! — с возмущением говорил один.

— Шкурник! Небось мечтает о собственном кабинете с частной клиентурой... — поддержал другой.

— Гнида! — категорически заключил третий.

Прощаясь со связным, командир разведывательной группы старший лейтенант Антонов просил передать Катюше и подпольщикам, с которыми она установила контакт в райцентре, что предателя Морозова надо

убрать и что если для этого нужна помощь партизан, то они ее окажут.

Через несколько дней в расположение партизан неожиданно пришла Катюша. Она сообщила, что Морозова можно захватить живым. Он, оказывается, собирается жениться на лаборантке госпиталя и вместе с ней каждую субботу ездит к ее родителям в село, расположенное в двадцати километрах от районного центра.

— Там у нее только отец и мать, — рассказывала Катюша. — Отец — мельник. Живут, говорят, зажиточно. У них Морозов ночует, а в понедельник рано утром мельник отвозит их обратно в госпиталь. Для этой цели местный староста по указанию немцев каждый раз снаряжает возок.

— Неплохо пристроился, мерзавец! — зло заметил Ларионов.

— Да! За спасибо таких благодеей от гитлеровцев не дожدهшься! — добавил Антонов. — Что ж! Придется заняться этим прихвостнем...

Старший лейтенант решил захватить Морозова. Кроме желания воздать ему должное за предательство, он рассчитывал получить от него ценные сведения о противнике, в частности об аэродроме...

В ночь под воскресенье девять партизан-разведчиков на трех подводах подкатили к опушке леса, в километре от которого темнели постройки села. Дальше шли пешком, оставив подводы на опушке. По мере приближения к селу пряный аромат высыхающих трав постепенно сменялся запахами сена и навоза. Лишь редкое стрекотание сверчков и кузнечиков нарушало тишину и сопровождало шедших гуськом партизан вплоть до изгороди, неожиданно выплывшей из темноты.

Убедившись, что они вышли к крайнему дому, разведчики направились задворками к центру села, отсчитывая одну за другой крестьянские усадьбы. Четырнадцатая от края, как объяснила Катюша, и будет усадьба мельника. Недалеко от нее в большом деревянном здании бывшей школы помещалась немецкая комендатура, а напротив — штаб местной полиции. Со-

блюдая полнейшую тишину, разведчики осторожно продвигались к уже выглядывавшему из темноты дому с высоко поднятой оцинкованной крышей.

Разведчики бесшумно проникли в огород, а оттуда— во двор. Теперь надо было действовать быстро и, главное, без шума. Катя предупредила, что улица здесь патрулируется полицейскими, а ближе к центру села— немцами.

Не теряя ни минуты, партизаны приблизились к дому, прислушались, заглянули в щели ставней. Внутри тихо и темно. Входная дверь заперта.

— На засов,— прошептал разведчик, копошившийся у двери.

Пока Антонов выставил двоих разведчиков наблюдать за улицей и выбрал место для пулеметного расчета на случай, если придется отходить с боем, партизаны мастерски, почти без скрипа открыли дверь. Из сеней пахло запахом квашеной капусты и ароматом свежее испеченного хлеба. «Еще бы! — подумал Антонов.— Хозяин — мельник. Как же не встретить будущего зятя свежим хлебом!»

Едва разведчики приоткрыли дверь из сеней в комнату, как раздался испуганный голос хозяйки:

— Кто тут?

— Свои, тихо! — шепотом поспешил ответить Антонов и лучом электрического фонарика осветил комнату.

— Не шуметь! — басовитым шепотом повторил Ларионов, приблизившись к лежащему с открытыми глазами человеку.

По описанию Катюши, Морозов — молодой блондин с властным лицом, а этот пожилой, черноволосый с проседью на висках. «Вероятно, он и есть мельник», — подумал Антонов. Проснулась и его дочь. В одной постели с ней спала девочка лет восьми-девяти, о существовании которой в донесениях Кати Приходько не упоминалось.

Разведчики обыскали хату, но... увы! Никого больше не нашли.

— Где врач? — спросил Антонов сидевшую на постели дочь мельника.

— Какой еще врач? — раздраженно ответила та вопросом на вопрос.

— Не прикидывайтесь! «Какой?!» Тот, что в госпитале работает...

— Жених! — пробасил Ларионов.

— Нет здесь ни врачей, ни женихов... Ищите, если не верите, — решительно ответила дивчина, метнув недружелюбный взгляд на здоровяка в немецком френче.

— Скрываешь, подлюга?! — вспыхнул Антонов. — Пей на себя... А ну, братва, не иголка же этот доктор. Пошарьте хорошенько, загляните в подвал, на чердак, во все уголки!

В хате воцарилась тишина. Слышны были лишь мерное тиканье ходиков, шорохи в подвале и в сенях да прерывистое дыхание девочки. Антонов подошел к постели, осветил фонариком. Девочка дрожала как в лихорадке, таращила испуганные неморгающие черные глаза, точно ожидала, что сейчас ее схватят, ударят.

— Не бойся, девочка! — попытался Антонов успокоить ребенка. — Мы никого не тронем. Спи.

Но девочка затряслась еще сильнее. Антонову показалось, что вот-вот она закричит. Он быстро отошел от кровати.

В комнату вернулся партизан, прозванный за малый рост и большую подвижность Шустрым. Он принес ручной чемоданчик с какими-то медикаментами, перевязочными материалами и набором хирургических инструментов.

Антонов навел луч фонарика на дочь мельника, сидевшую на кровати рядом с девочкой. Увидев чемоданчик, она побледнела и, стараясь не выдать своего волнения, плотно скрестила руки на груди. На вопрос — кому принадлежит этот чемоданчик, она надменно ответила:

— Мне принадлежит!

— Дудки! — возразил ей Шустрый. — Не таковские мы, мамзель или фройлен, как вас там величают, чтоб не понимать, что к чему! Инструментики эти лаборантке все одно, что корове седло! Да-с...

Девушка не ответила и пренебрежительно отвернулась.

Было очевидно, что чемоданчик принадлежит доктору Морозову, но и при повторном осмотре дома партизаны его не нашли. Правда, на чердаке они обнаружили тщательно замаскированный домашним скарбом

уголок, в котором совсем недавно кто-то был. Там стоял продолговатый ящик, на нем перина, простыня и одеяло, а рядом покрытая скатеркой табуретка, на ней кусок хлеба и глиняный кувшин с остатками молока.

— Молоко мы попробовали. Ничуть не скисло,— доложил Шустрый.— И хлеб совсем свежий!

— Кого на чердаке приютили? — обратился к старикам Антонов.

— Так то же племянница до нас недавно приехала,— ответила старуха дрожащим голосом.— Соседские ребята ходят до нее и там играют...

— В войну играют,— добавил медник.— Крепость какую-то все строят, вот и натаскали туда всякого бахла...

— Так оно, видно, и есть,— шепнул Антонову один из разведчиков.— Взрослый на той постельке никак не уместится. Это точно!

«Так это или не так,— рассуждал Антонов,— но к доктору тайник на чердаке, по всей вероятности, не имеет отношения. Одно ясно: Морозова здесь нет, хозяева делают вид, будто и понятия о нем не имеют, а время истекло... Нам уже пора...»

Предупредив хозяев, чтобы никто не вздумал выглядывать из дома до наступления полного рассвета, партизаны собрались уходить. Вдруг хозяйка дома засуетилась. Видимо, пораженная тем, что ночные гости не только никого не тронули, но и ничего не взяли, она достала большую буханку хлеба, от аромата которого у партизан слюнки потекли, и протянула ее одному из разведчиков. Но парень отказался:

— Нет, нет. Благодарствуем...

— Да возьмите ж! Возьмите! — настаивала старуха.

— Вы же путаетесь с фашистами,— не выдержал партизан.— Хлеб-то этот оплакан слезами наших людей! И не для нас он приготовлен...

Старуха как держала буханку на вытянутых руках, так и замерла, словно потеряла дар речи.

Партизаны вышли и, убедившись, что мельник задвинул дверной засов, направились к огороду. Шустрый последним перелезал через плетень, отгораживавший усадьбу мельника от уходившего вдаль поля, и вдруг заметил в углу соседнего двора, будто кто-то вы-

сунулся из зарослей бурьяна и опять скрылся в них. Не раздумывая, разведчик подбежал и, направив автомат, не громко, но властно окликнул:

— Кто тут? Выходи! Стрелять буду...

— То ж я... свой,— едва слышно гнусавым голосом ответил словно из-под земли выросший небольшого роста человек.

— Ты что тут делаешь?

— Кто, я?

— Конечно, ты, а кто ж еще?!

— Я тутошний...

— А чего ты бродишь по ночам? — спросил Антонов, подошедший вместе с остальными партизанами.

— Да так... Чую хто-сь ходит. Думаю, дай погляжу... Може, думаю, дофтура шукают, або шо.

Разведчики насторожились.

— А где он, доктор-то? — спросил Антонов.

— Известно где: у хате мельника. Де ж ему быть?!

— Нет его там.

— Нема?!

— Нету.

— Хм! З вичера бул...

— А ты следишь что ли за ним?

— Да не-е... Сосиди мы. Вон моя хата.

— Куда ж мог запропасть твой сосед?

— Говори толком, где врач? — нетерпеливо произнес Ларионов, угрожающе надвигаясь всей своей мощной фигурой на человека.

— Да вот я и думаю... Литом, знаю, дофтур ходил ночевать на сеновал. Але зараз трохи студено...

Антонов его прервал:

— Где у мельника сеновал?

— Мельник своего не мае. Треба вам зараз, бачите, во-он то, шо темние? — и крестьянин указал на едва видневшееся в стороне строение. — То клуня... Сосида. Там сино е...

Несколько разведчиков стремглав помчались к указанному строению. Вскоре они показались, ведя с собой человека в одном белье. Это и был доктор Морозов. Видимо, еще не уяснив, кто эти люди и зачем он им понадобился, он раздраженно твердил:

— Я тгебую вегнуться! Не могу же я ийти в таком виде?! Чегт знает что! Самоупгавство...

Во избежание излишнего шума разведчики засунули в рот доктору кляп и вынули его, только когда приблизились к лесу. Морозов вновь заладил свое:

— Я могу простудиться, вы понимаете это?!

— Молчать, паскуда! — прикрикнул Ларионов и вывернул ему руку назад. — Продался, шкура, фрицам и гавкать от них научился...

— С кем поведешься, от того и наберешься, — поддержал Шустрый.

Ошеломленный Морозов замолчал. Он понял, кто эти люди, но был уверен, что они пришли за ним потому, что нуждались в помощи врача.

Морозова подвели к подводе, бесцеремонно толкнули, и тут он вновь возмущенно запротестовал.

— Как вы смеее со мной так обгащаться! Кто дал вам право оскоблять меня?!

— Как смеем? Кто, говоришь, дал право? — вскипел здоровяк Ларионов. — А вот сейчас враз поймешь...

С этими словами он схватил Морозова за ворот и наотмашь ударил по лицу раз, другой, третий, приговаривая:

— Вот тебе за жену! За дочку! Вот — за...

Всю его семью уничтожили фашисты. И поэтому обычно добродушный, Ларионов становился невменяемым, когда доходило до схватки с врагами; он бил их беспощадно, сходилась врукопашную, не зная страха, и, нанося удар, всякий раз приговаривал: «за жену!», «за дочку!», «за мать!»

Услышав перебранку на передней подводе, Антонов подбежал к ней и как раз вовремя. Не останови он разъярившегося партизана, доктор был бы вконец изувечен.

По прибытии в лагерь Морозова поместили в карательную землянку. Антонов приказал не спускать с него глаз и ушел отдыхать. Улеглись к тому времени и разведчики. Однако, несмотря на изрядную усталость, Шустрый не мог уснуть. Лежавший рядом его дружок Борька-пулеметчик тоже ворочался с боку на бок.

— Чего не спишь? — спросил его Шустрый.

— Да все про того доктора думаю. С характером он, видать! Ерепенился: «я требую», «как смеее» и всякое такое прочее... Думаешь, кокнут его?

— Нет, чикаться будут с таким стервецом!

— М-да!.. Уж очень он ершистый, будто и в самом деле, как говорят, ни сном, ни духом не ведает, за что мы его так-то «обласкали»...

Шустрый не ответил, и Борька-пулеметчик замолчал, хотя ни тот ни другой еще долго не спали.

Не спал и Антонов. До встречи с Морозовым он, не колеблясь, приговорил его к самой суровой каре, а теперь почему-то им овладели сомнения. Он пытался докопаться до причины, спорил сам с собой и, окончательно запутавшись в доводах «за» и «против», вернулся к мысли, что доктор Морозов должен понести наказание за предательство.

Лагерь затих. Лишь дозорные в секретах прислушивались к каждому шороху да в караульной землянке не спал часовой. Он презрительно поглядывал на Морозова, который отказался лечь на ничем не покрытую солому.

Едва успел Антонов уснуть, как его разбудили. Группа партизан, возвращавшаяся после выполнения задания в главный лагерь бригады, завернула к разведчикам. Ее возглавлял комиссар бригады. Он решил задержаться у Антонова на несколько дней, узнать, что удалось сделать разведчикам, а заодно дать отдых партизанам своей группы.

Среди прибывших был большой друг Антонова — врач бригады Александр Александрович Медяков. Вместе они переходили линию фронта и уже более года делили радости и горести партизанской жизни. Им было о чем поговорить, и лишь на рассвете они разошлись. Медяков ушел в землянку, отведенную ему и комиссару, Антонов остался в своей, штабной.

В лагере еще спали, когда сквозь сон Антонов услышал возбужденные голоса своего ординарца, носившего громкое звание адъютанта, и Медякова.

— Вот как хошь, товарищ военврач, обижайся не обижайся, а не пуцу. Устал он...

— Нужен он мне, понимаешь?

— Ну что ты за человек, товарищ военврач, ей-богу!..

Не в силах открыть глаза, Антонов все же откинул с головы плащ-палатку, крикнул:

— Саша! Это ты?

— Я, Петрович!

— Что там? Заходи!

Медяков вошел с сияющим лицом.

— Слушай, Петрович, дорогой! Знаешь, кого вы тут захватили?

Антонов чуть приоткрыл сонные глаза.

— Это ты о Морозове?

— Ну да! — радостно ответил Медяков.

Антонов не ответил. В памяти неожиданно возникла картина недавнего прошлого. Он вспомнил, как Медяков тепло рассказывал ему о своем двоюродном брате, с которым вместе рос, воспитывался, одновременно закончил медицинский институт. Получив дипломы, братья решили и дальше работать вместе, но война разлучила их. Брата мобилизовали в армию, а Медякова по его просьбе отправили к партизанам. И часто, очень часто Медяков в задушевных беседах с Антоновым вспоминал брата, беспокоился о его судьбе, сожалел, что не довелось им быть вместе в годину трудных испытаний...

И вот однажды партизанская бригада оказалась во вражеском кольце, долго не могла вырваться из него, несла тяжелые потери не только в непрерывных боях, но и из-за голода и острого недостатка медикаментов. Чудовищные зверства чинили фашистские головорезы в тех селах, которые партизаны были вынуждены оставить под натиском врага. Особенно свирепствовали гитлеровские наемники-власовцы и полицаи, согнанные сюда со всех окружающих районов. Когда Медякову рассказали о том, как эти выродки надругались над женщинами, как на глазах у матерей убивали младенцев, он горячо воскликнул:

— Знаешь, Петрович, ни отца родного, ни брата не пощадил бы, окажись они в этой своре предателей... Я бы и не допытывался у них, как это случилось. Клянусь! Рука не дрогнула бы...

И вот теперь радостная улыбка, не сходявшая с лица Медякова, восторженный тон произнесенной им фразы почему-то живо напомнили Антонову, с какой любовью Медяков всегда говорил о своем брате. «Уж не брат ли его этот доктор Морозов?» — вдруг подумал Антонов.

— Так ты знаешь, кого вы тут захватили? — еще более радостно повторил Медяков, и это окончательно убедило Антонова в том, что он не ошибся. — Это же...

— А помнишь, Саша,— прервал его Антонов,— что ты говорил в дни блокады, когда наши друзья один за другим гибли от рук вот этой нечисти? Помнишь, как говорил, что окажись среди этих предателей любимый брательник, ты, не колеблясь, воздал бы ему должное? Так, кажется? А теперь что? Запел другую песенку?..

— погоди, Петрович, о чем ты? — остановил друга Медяков.— Думаешь, Морозов и есть мой братишка? Да ты с ума спятил!? Это же Женька Морозов! Понимаешь? Женька Мо-ро-зов! Мой однокашник!

Антонов почувствовал некоторое облегчение, но уже не мог сдержаться. Его возмутило, что Медяков говорит о Морозове так, будто Антонов по какому-то недоразумению считает его предателем.

— И что с того, что он твой однокашник? Такой же сукин сын и мерзавец, как все прочие предатели!

— Да ты погоди горячиться, Петрович! Это же чудесный парень! Он...

— Ты скажи мне прямо: пришел за него просить? Так я тебя понял?

— Да. За него,— твердо ответил Медяков.— Ты послушай...

— И слушать не хочу, Саша! Во-первых, этот твой однокашник и «чудесный парень» поднял лапки перед врагом. Так? Может, скажешь, что он был при этом ранен? Кукиш! Здоров, как бык, и невредим. Может, как другие, в лагере военнопленных маялся, вшей кормил или из-под расстрела утек? Тоже кукиш. Просто по доброй воле пошел немцам угождать. Да еще как! Не за красивые глаза фашисты дали ему офицерский паек! Словом, зря просишь...

— Я терпеливо слушал тебя,— стараясь быть спокойным, сказал Медяков.— Выслушай и ты меня... Женька Морозов — это же, как тебе объяснить... Ну, понимаешь, душа-человек. На свете нет такого...

— И не надо нам таких,— нетерпеливо прервал его Антонов.— Лучше бы ему не родиться, чем поднимать руку на Родину... И вообще, Саша, прошу тебя, дай мне поспать и сам отдыхай...

Антонов повернулся лицом к стенке и накинуд на голову плащ-палатку. Рассерженный и сконфуженный Медяков вышел из землянки, сопровождаемый на-

смешливым взглядом «адъютанта» Антонова, широкоплечего, атлетического сложения Сеньки Кузнецова.

— Что, проглотил? — не преминул Сенька подкузьмить врача. — За паскуду пришел заступаться? Да такого вон на первой сосне надо бы вздернуть...

— Ладно, ладно... Не бубни! — огрызнулся Медяков. — С чужого голоса поешь или сам такой «умник»?

— Да уж с какого ни на есть, а не с фашистского, — парировал Сенька. — За такую пакость, хоть убей, не стал бы заступаться. Должно, образования у меня для этого недостает...

— Вот уж что верно, то верно. Недостает малость, — добродушно ответил Медяков, хотя прозрачный намек Сеньки, будто он «поет с фашистского голоса», возмутил его. Он хорошо знал характер Кузнецова, некогда беспризорника, воспитанника одной из макаренковских трудовых колоний, а позднее слесаря седьмого разряда московского завода «Серп и молот». Обычно замкнутый и спокойный, он вспыхивал, как порох, когда его задевали.

Проводив Медякова взглядом, Кузнецов отошел к землянке и, присев на пень, принялся скручивать козью ножку. Попыхивая ароматным дымком самосада, он мысленно продолжал полемику с врачом.

— Сенья, — окликнул его из землянки Антонов. — Будь добр, зачерпни кружицу холодной воды!

Разговор с Медяковым вывел Антонова из равновесия. Он долго ворочался с боку на бок, тщетно пытался уснуть.

подавая кружку воды, Кузнецов заодно сообщил:

— Вон уж ходит с комиссаром... Небось, ябедничает... Не люблю таких...

— О ком ты?

— Да врач... Вон как обхаживает комиссара: и так, и эдак, и в лицо ему заглядывает, и руками размахивает. Адвокат какой нашелся...

Антонов вскочил, оделся и, затягивая на ходу ремень, вышел из землянки.

Медяков замолчал, как только увидел приближавшегося Антонова, однако комиссар продолжал начатый разговор. Речь шла о докторе Морозове. С первых же слов Антонов заключил, что Медякову удалось в какой-то мере повлиять на комиссара. Ночью, когда Ан-

тонов докладывал о прислужнике немцев Морозове, комиссар был настроен весьма решительно, а теперь он говорил, что не следует рубить с плеча, что надо спокойно разобраться до конца...

— Нам с вами, старший лейтенант, доверено подчас распоряжаться судьбами людей,— сказал он, обращаясь к Антонову.— А жизнь человека — это самое драгоценное. Злоупотреблять властью никому и ни при каких обстоятельствах не позволено. И никому не позволено устраивать самосуд.

Антонов понял, что пока он спорил с Медяковым, а потом пытался уснуть, комиссар побывал в караульной землянке, увидел следы побоев на лице Морозова и о чем-то говорил с ним.

— Если надо — будем судить,— сдержанно продолжал комиссар.— Надо будет расстрелять — сделаем и это... Но самовольничать никому не позволено!

Антонов молчал, хотя внутри у него все клокотало. Медяков, желая перевести разговор на другую тему и тем самым выручить друга, спросил:

— А ты, Петрович, видел, как хлопцы «обработали» Морозова?

Но Антонов, не поняв Медякова, вспылил:

— Не прикажете ли мне, товарищ военврач, прикладывать этому гитлеровскому служаке компрессы или примочки?

— Это сделают без вас,— искоса взглянув на Антонова, сухо сказал комиссар.— А вам давно следовало зайти к доктору и посмотреть, как он выглядит. Так что идите. Потом доложите, как все это произошло. Да и поговорить с ним не мешает. Ведь все, что вы знаете о нем, нуждается в очень тщательной проверке... И тогда его вина может оказаться не столь уж большой. Я разговаривал с ним. Мировоззрение у него, конечно, не без изъянов. Говорить не приходится. Но дела, о которых он рассказывал, придется принять во внимание... Разумеется, все, что он вам скажет, надо сейчас же проверить и в зависимости от результатов проверки решить вопрос о его дальнейшей судьбе. Но повторяю, прежде всего надо с ним поговорить, причем спокойно, без дерганья... Вы поняли меня, Антонов?

— Понял, товарищ комиссар!

От комиссара Антонов отошел в таком состоянии, словно побывал в парной. Долго не мог успокоиться. Прежде чем идти к Морозову, заглянул к разведчикам. Оказалось, что они вместе с прибывшей из райцентра с последними новостями Катюшей Приходько хотели снарядить делегацию к комиссару, чтобы рассказать, что они знают и думают о предателе Морозове. Инициатором этой затеи был, конечно, Сенька Кузнецов. Но Антонов строго-настрого запретил разведчикам вмешиваться.

Выслушав информацию о положении в районном центре, он направился в караульную землянку, чтобы выполнить приказание комиссара, но по дороге будто невзначай заглянул на кухню, отчитал поваров за то, что слишком заметен дым, а ведь над лесом проносятся немецкие самолеты. Трудно было ему перебороть себя, признать, что, докладывая первый раз комиссару, он без достаточных оснований утверждал, что доктор Морозов отъявленный враг и заслуживает той же участи, которая уготована всем предателям Родины. Он с досадой думал о том, что своим вмешательством Медяков опередил его намерение основательно допросить Морозова. Теперь ему казалось, что допроси он Морозова до возникновения конфликта с Медяковым, все было бы иначе и ему не пришлось бы краснеть, выслушивая справедливые упреки комиссара, не пришлось бы объяснять разведчикам, почему комиссар не согласился с ним. И, наконец, не пришлось бы ему теперь идти к Морозову, который, чего доброго, подумает, будто партизанский командир пришел к нему с повинной... «Конечно,— рассуждал Антонов,— обидно, что вопреки моему мнению и не советуясь со мною, комиссар, видимо, твердо решил сохранить жизнь этому человеку. Не зря же он сказал, что разные бывают враги и что есть среди них и такие, которых можно и должно заставить работать на нас...»

Но обдумав все, что произошло, Антонов с облегчением отметил доверие, оказанное ему комиссаром. Ведь он мог просто приказать освободить Морозова. И если не сделал этого, то, стало быть, полагается на него, Антонова, на его рассудительность, способность понять и исправить свою ошибку.

Продолжая размышлять, Антонов без особой надобности обошел весь лагерь и наконец решительно направился к караульной землянке.

При появлении Антонова Морозов встал, выпрямился по-военному. Он все еще был в одном белье, местами разодранном, босой. Это не было для Антонова неожиданностью, но обезображенное кровоподтеками и синяками лицо поразило его. Он не знал, что ночная потасовка у телеги оставила такие «выразительные» следы.

Не здороваясь и не приглашая доктора сесть, Антонов присел на нары и, не глядя на Морозова, резким, недружелюбным тоном спросил:

— Что вы умеете делать кроме своей специальности?

Морозов пожал плечами, помедлил и с достоинством ответил:

— Кажется все, что полагается делать мужчинам помимо их специальности.

— Фашистов бить умеете?

— Если бы пришлось этим заняться, вежливо, делал бы не хуже других...

— Знаю, как вы это делали! Воскрешали их из мертвых...

— Прошу прощения, но я медик. И моя профессия — вне политики!

Антонов зло усмехнулся:

— Какие высокопарные слова! «Профессия — вне политики!» А если вашу страну оккупанты топчут? Вы это понимаете?! Топчут Родину! — но тут же осекся: — Впрочем, что вам... Родина. Вы — «медик»!

— Извольте со мной так не газговагивать... Я русский, и мое Отечество — Госсия! — еще больше картавя от волнения, гордо произнес Морозов.

— Ой, ой, ой... Какой тон! Скажите, пожалуйста, — верноподданный матушки-России!.. «Я русский, мое Отечество — Россия!» — издевался Антонов. — А скажите, пожалуйста, разве не так старательно вылеченные вами немцы топчут Россию, за которую с таким пафосом вы изволите распинаться? Разве не ваши пациенты и им подобные повседневно уничтожают сотни и тысячи русских людей? Или не русские города и села превращают в пепел те самые фашистские гро-

милы, которым вы служили с таким подобострастием, что даже удостоились получать офицерский паек? Или, возможно, ждете, когда ваши хозяева дойдут до Урала, и тогда ваша милость соблаговолит «постоять за Русь»!

— Я еще газ ттебую не говогить со мной таким тоном! — вышел из себя Морозов. — Если еще можно пгостить тому пагну, котогый избил меня, то вы и этого не заслуживаете... Вы командиг или начальник — я не знаю — и вы обязаны вникать в суть дела, а не давать волю языку и кулаку!

— Что я обязан понимать? — оглядев доктора не-
добрым взглядом, спросил Антонов.

— А то, в каком положении я находился у немцев!

— Вам было плохо у немцев? Вот оно как! А по нашим наблюдениям, совсем наоборот!..

— Спогить, собственно говогя, я не умею и не жа-
лаю... Но да будет вам известно, что если бы в откгы-
том бою был ганен мой смегтельный вгаг и его доста-
вили бы ко мне в клинику, я сделал бы все возможное
для спасения его жизни! Все возможное! Только так я
понимаю свой пгофессиональный долг! Повтогяю: пго-
фессиональный. Что же касается гажданского... — Мо-
розов резко вскинул голову, это, видимо, было его
привычкой, и заключил:

— Впгочем, думайте обо мне что угодно, одна-
ко в бою — я солдат, а в клинике — вгач и только!

— Но ведь они насилуют наших сестер и жен, они
убивают безвинных младенцев и стариков, по их воле
крутом слезы и кровь, виселицы и могилы, пепел и
развалины! А вы, видите ли, считаете своим профес-
сиональным долгом делать все возможное для сохра-
нения жизни этих душегубов. Дескать, пусть пребы-
вают в добром здравии и продолжают наводить свой
«новый порядок!» Так, по-вашему?

— Нет, не так. Невегно. Но вы пгегжде всего долж-
ны понять, что я медик! Пгедставьте себе, что вы вгач.
К вам поступает какой-то немец с газвогоченным бгю-
хом или газможденным чегепом. И если вы не окажете
ему немедленную помощь, не сделаете все необходи-
мое в таких случаях, он неминуемо погибнет. Вы отка-
зались бы спасти ему жизнь? Не вегю! Медик — не
воин, не тайный агент, не тгюгемщик. Независимо от

своих политических и религиозных убеждений, личных симпатий или антипатий медики призваны спасать людей, а не убивать! Вгач-убийца — это самый подлый пгеступник. И я не вею, что, будучи на моем месте, вы могли поступить иначе. Не вею!

— А ведь вы, помнится, утверждали, что не умеете и не желаете спорить? Я бы не сказал...

— Пгошу пгощения,— перебил Морозов.— Это все не спог. Это беспогная истина!

— В таком случае я скажу вам, в чем состоит моя бесспорная истина. Все, что вы говорили о священном долге врача, было бы верно только в том случае, если бы вы работали не в гитлеровском госпитале, а в нашем. Понимаете? В нашем, советском! Тогда честь вам и хвала за спасение жизни каждого пленного немца, кто бы он ни был. Я бы ни при каких условиях не пошел бы работать в фашистский госпиталь! А вы пошли. Пошли добровольно восстанавливать живую силу врага. Это и есть предательство. Таково мое кредо!

— Но это тгусость! — почему-то обрадовался Морозов.— Тгусость чистейшей воды!

— То есть как «трусость»? — с недоумением переспросил Антонов.

— Конечно, тгусость! — ответил Морозов.— Вначале, когда я попал в плен, гассуждал точно так, как вы. Но позднее понял, что это означает идти по линии наименьшего согготивления, а это и есть тгусость! И вот почему: большинство наших людей на оккупированной тегитогии остались без какой бы то ни было медицинской помощи. Немцы, как вам известно, им ее не оказывают. В таком случае как быть с больными? А их немало. Оставить наших людей на вегную гибель? Нет! Но, сидя за колючей пгволкой, я ничем не мог им помочь. Пгишлось, склепя сегдце, обгатиться к немцам, пгедложить свои услуги в качестве вгача. Иначе, я бы не выполнил своего долга пегед нагодом, пегед Отечеством! И я пошел. А находясь на службе в немецком госпитале, где мне пгиходилось, естественно, лечить фашистов, я занимался пгактикой и сгеди местного населения... Не знаю, насколько тгцательно вы осматтивали дом... ну, как сказать.. годителей моей невесты... Из газговога с вами пгошлой ночью я понял, что вы были

у них. Вегоятно, искали меня и, очевидно, побывали на чегдаке, а там вместо меня нашли девочку...

Антонов кивнул.

— И непгостительно вам, опытным в подобных делах людям, не догадаться, почему малышка упгятана на чегдаке сгеди всякого хлама!

— Но девочка была не на чердаке, а в комнате, в постели вашей невесты,— заметил Антонов.— Нам сказали, что это их племянница... Мы поверили.

— Ничего подобного! — возразил Морозов. — Малышка чудом уцелела во время массового гасстела немцами наших людей. Она была ганена в плечо и потегяла сознание, а ночью очнулась, выбгалась к догоге. Утгом ее подобгал какой-то шофег и доставил в госпиталь. Было очевидно, что малышка семитского пгоисхождения и немецкие вгачи, конечно, уничтожили бы ее. Поэтому я попгосил начальника госпиталя отдать ее мне для пговежки одной вакцины. У немцев это шигоко пгактикуется... Мне ее отдали, но пгеду-пгедили, что она не должна выжить. Я пообещал, но, газумеется, никакой вакцины на гебенке не пговегял.

Морозов рассказал, с каким трудом он вылечил и уберег ребенка. Когда девочка немного окрепла, а зятянувшееся пребывание ее в госпитале на положении подопытной стало опасным, Морозов с лаборанткой Антониной Ивановной решились на рискованный шаг. Они усадили девочку в мусорную корзину, накрыли грязными бинтами и кусками окровавленной ваты из операционной и с помощью другой русской сестры, минуя часовых, вынесли корзину во двор, на свалку, где их ожидала подвода. На ней-то под кучей мусора удалось вывезти девочку из госпиталя.

— На следующий день,— заключил Морозов,— у Антонины Ивановны пгядь волос стала белым-бела... А малышку доставили в известный вам дом. Там она окончательно попгавилась и, кажется, сейчас недугно выглядит. Вы могли в этом убедиться... Но бедняжка вынуждена скгываться на чегдаке и все время пгебывает в ужасном стахе. Без конца ей снятся годители, гасстелы и пгочие кошмагы. Очевидно, из-за этого стагики взяли ее на ночь к себе, хотя я запгетил делать это. Всякие сюпгизы могут быть, сами понимаете...

Нагтянут ночью, обнагужат девочку, тогда конец и ей, и стагикам...

Сомневаться в достоверности рассказа Морозова не приходилось. И уже один этот факт поколебал сложившееся у Антонова представление о Морозове. Между тем, поощряемый молчанием Антонова, доктор рассказал и о других случаях. Особенно заинтересовала Антонова история девушки, бежавшей из эшелона, в котором увозили людей в Германию. Вскоре ее поймали и хотели отправить снова, но Морозову удалось спасти ее. В эти дни доктор часто бывал у одного из своих клиентов, шеф-повара столовой при аэродроме. К нему-то Морозов и устроил эту девушку. Сперва она работала у него дома, помогая недомагавшей супруге, а позже шеф-повар взял ее судомойкой в столовую при аэродроме.

Все, что касалось военного аэродрома, особенно интересовало Антонова и, слушая Морозова, он уже думал о том, как использовать знакомство Морозова с шеф-поваром и как привлечь к подпольной работе девушку.

— Словом, люди, о котогых я говолил до сих пог, находятся более или менее в безопасности. Но вот что будет с летчиком? — заключил свой рассказ Морозов.

— О ком вы говорите?

— О нашем летчике. Его сбили и тяжело ганенного взяли в плен. Он лежит в госпитале, но немцы давно уже считают его умегшим и похогоненным. Между тем он жив и здогов. Начальник госпиталя недвусмысленно велел мне избавиться от него, но я, газумеется, сделал все наобогот. И вот сейчас летчик все еще в госпитале, скгывается в лабогатогии Антонины Ивановны. Вынести его из госпиталя, к сожалению, не пгедставилось возможности. Пытались много газ. Но это, не гебенек, котогого можно пгонести в мусогной когзине... И как с ним поступит Антонина Ивановна, куда его денет, понятия не имею...

Антонов слушал, стиснув зубы и мысленно кляня себя за то, что так поспешно и категорично счел этого человека предателем. Каждый из рассказанных Морозовым эпизодов действовал на Антонова, как удар хлыста, как пощечина.

Не в силах совладать с чувством досады на себя,

Антонов молча, не смея взглянуть в глаза своему пленнику, вышел из землянки, чтобы успокоиться, все обдумать и принять какое-то решение. Он уже размышлял, где раздобыть одежду и обувь для доктора, но тут возникла идея, исключаяющая все его первоначальные намерения. Всесторонне обдумав ее, он поспешил вернуться в караульную землянку. Еще с порога заставляя себя не отводить глаз от лица снова вставшего на вытяжку Морозова, Антонов озадачил доктора вопросом:

— А что если мы отпустим вас?

— Куда?

— Обратно в госпиталь. К немцам...

— После того как я побывал у вас? Там, газумеет-ся, уже знают... К тому же один мой вид чего стоит!

— Вот именно, ваш вид много стоит...

— Шутите?

— Нет, не шучу. Скажете, что бежали...

— И вы думаете, немцы так глупы, что повесят?

— Если хорошо сыграть роль — поверят... Дескать, партизаны перепились, а вы не растерялись, использовали благоприятный момент и так далее...

— Вы вполне серьезно? — недоверчиво переспросил Морозов.

— Очень серьезно, доктор!

После некоторого раздумья Морозов поднял голову.

— Вас, очевидно, беспокоит судьба летчика?

— Не только, — быстро ответил Антонов. — Было бы очень желательно, чтобы вы вернулись на прежнее место и пользовались прежним, а может быть, еще большим доверием у немцев... Теперь мы знаем вас и рассчитываем на вашу помощь...

— Но ведь мне опять придется лечить «недобитых фашистов»? — не без иронии спросил Морозов.

— Черт с ними! Лечите. Лечите так, чтобы у немцев не возникало ни малейшего сомнения в вашей преданности.

— Вы все же увегены, что немцы мне повесят?

— Должны. Надо, чтобы поверили. Во многом этому будет способствовать ваш вид...

Морозов усмехнулся.

— Хотите сказать — нет худа без добра?

— К сожалению, в данном случае поговорка вполне

уместна. Но я хочу, чтобы вы знали: нас очень интересует многое из того, к чему вы, как я понял, имели некоторый доступ, интересуют и люди, о которых вы рассказывали...

— Если вы имеете в виду шеф-повара с азодгома, то сразу предупреждаю, что с ним не договориться... Это законченный нацист, фанатик. А девушка, которую мне удалось к нему устоять, едва ли может быть полезна. Она от темна до темна на кухне...

— Не будем загадывать, доктор,— с лукавой улыбкой произнес Антонов.— Сейчас главное — вернуться в госпиталь, занять прежнее положение. Ближайшая задача — летчик! Без вас он ведь может погибнуть...

— Может. И не только он...

— Тем более. Ну а дальше, как говорят, будет видно...

Предложение Антонова использовать доктора Морозова в качестве разведчика, было одобрено комиссаром.

— Теперь, товарищ старший лейтенант,— сказал в заключение комиссар,— вы, надеюсь, убедились в том, что не следует делать поспешных выводов?

И Антонов нашел в себе мужество чистосердечно признаться:

— Это для меня на всю жизнь урок, товарищ комиссар!

* * *

Перед рассветом подул резкий холодный ветер. Его порывы безжалостно срывали еще не успевшую пожелтеть листву. Осень наступила сразу, за одну ночь.

В это еще непривычно холодное утро из леса вышел человек в одном белье, взлохмаченный, со следами побоев на лице и совершенно заплывшим левым глазом. Весь съежившись, он торопливо шагал по целине к лежащему в низине селу.

Это был доктор Морозов. Мысли о пережитом за истекшие сутки теснились в его голове, но он старался отогнать их и думать только о предстоящем, еще более трудном испытании. Морозов знал, что в то самое время, когда он, гонимый холодным ветром,

спешит добраться до села и предстать перед оккупантами, разведчики Антонова рыщут по всем окрестным деревням и расспрашивают местных жителей, не встречался ли им человек с лицом, изуродованным побоями, в одном белье?

«Розыск» продолжался несколько дней. Антонов хотел, чтобы слух о нем дошел до немцев и помог Морозову убедить их в том, будто он действительно совершил побег. Его расчеты оправдались. Быть может, гестаповцы, пристрастно расспрашивавшие Морозова о подробностях побега, не вполне доверяли ему, но не имея против него никаких улик, сочли за благо допустить русского доктора к исполнению прежних обязанностей. Более того, они использовали этот случай в пропагандистских целях. Местные борзописцы опубликовали в своей газетке обширное интервью, в котором «беглец» красочно рассказывал о пережитых им «ужасах», о «большевистской жестокости» и «чудовищных пытках». Таким образом, доктор Морозов приобрел еще большую популярность и большее доверие у оккупантов.

...Первая весточка от Морозова не представляла большой ценности. И долго еще от него поступала информация лишь о количестве прибывающих в госпиталь раненых, об их настроениях. Порою ему удавалось из разговоров раненых, особенно офицеров, узнать о готовящихся на том или ином участке фронта операциях. Все эти сведения, конечно, имели определенную ценность как для партизан, так в особенности для командования с Большой земли, но Морозов понимал, что главная его задача состоит в установлении связи с Людой, которую он в свое время устроил судомойкой на аэродроме, и в сборе сведений об охране аэродрома, о базирующейся на нем боевой технике, о готовящихся налетах. И вот этого ему никак не удавалось осуществить. Все, имевшие какое-либо отношение к аэродрому — будь то летчики, солдаты из охраны или рабочий персонал, — содержались в строгой изоляции от внешнего мира. Попытки Морозова найти человека, через которого можно было бы установить и поддерживать связь с Людой, не увенчались успехом. Тогда он решил на довольно рискованный шаг. В воскресный день доктор Морозов вдруг явился

на дом к шеф-повару, жившему в поселке около аэродрома. Предлог для визита был вполне убедительный: доктор хотел проверить состояние здоровья своих пациентов — шеф-повара и его жены.

Супружеская чета была тронута вниманием русского доктора, охотно подверглась обследованию и, конечно, не преминула расспросить Морозова о всех злоключениях, которые произошли с ним и были описаны в газете. Не было недостатка и в сочувственных словах по поводу перенесенных доктором «страданий» и «издевательств».

— Зато теперь, — торжественно заключил шеф-повар, — вы подлинный герой и можете быть уверены, что великая Германия не забудет ваших заслуг!

— Благодарю вас, — склонив голову, ответил Морозов. — Повегте, я очень догожу репутацией стойкого стогонника Гегмании и именно поэтому хотел бы пги вашем содействии оггадить себя от возможных непгитностей...

— Что-нибудь случилось, доктор? — с тревогой спросил шеф-повар. — Я к вашим услугам, и все, что в моих силах, — готов сделать...

— О, нет! Еще ничего не случилось, но может случиться. Я имею в виду мою пготеже, судомойку... Скажите, хогошо ли она габотает?

— Да, да! Отлично! Исполнительна, трудолюбива... и очень скромна.

— Это хогошо. Но должен пгизнаться, беспокоюсь, вполне ли она здогова...

— Вот как? — испуганно прервал его немец. — Что-нибудь заразное?

— Нет, что вы... Слабые легкие и только, но... этот дефект в ее возгасте зачастую пегегастает в тубегкулез. А это, как вы понимаете, несовместимо с габотой в столовой. Помимо всего пгочего, у меня нет ни малейшего желания быть в ответе, если вдгуг окажется, что она больна. Вот почему с вашего любезного газгешения я хотел бы заодно обследовать эту девицу и пгинять некотогые пгофилактические мегы.

— Прошу, доктор! Сделайте одолжение... — облегченно вздохнув, с готовностью ответил шеф-повар. — Это и в моих интересах!.. Правда, наш медик смотрел

ее и ничего не нашел... Но снова проверить, как вы понимаете, не мешает... Пойдемте хоть сию минуту...

Морозов действительно подверг Люду очень внимательному обследованию и, конечно, сказал ей об истинной цели этой встречи. Девушка без колебаний согласилась выполнять поручения подпольной организации, но никаких существенных наблюдений у нее еще не было. И вообще беседа с Людой несколько разочаровала Морозова. Он не сомневался в ее искренности, но крайняя застенчивость девушки, необщительность и даже отчужденность от окружающих, в том числе от таких же, как она, советских людей— все эти черты характера, полагал Морозов, очень затрудняют ее работу в качестве разведчицы-подпольщицы. И он не ошибся. В тех редких случаях, когда так или иначе удавалось получить от нее весточку, сведения оказывались весьма скудными и запоздалыми.

Люда сообщала, что временами, по несколько дней кряду, в столовой не появляется ни один летчик, а порою их оказывается так много, что столовая едва успевает обслужить всех прибывших.

Эти сведения подтверждали наблюдения партизанских разведчиков, которые по шуму моторов идущих на посадку и взлетающих самолетов определяли то же непостоянство в жизни аэродрома. В итоге данные, которыми располагал Антонов, оказывались противоречивыми. С одной стороны, было установлено, что на территории аэродрома усиленно ведется строительство каких-то подземных и надземных складов, что этот объект тщательно охраняется, а с другой — казалось, что немецкие самолеты не базируются постоянно на этом аэродроме, а лишь изредка, так сказать проездом, делают здесь непродолжительную остановку. И радиogramмы Антонова на Большую землю, с запозданием, сообщавшие о скоплении авиации противника на аэродроме, не достигали главной цели: не позволяли организовать налет нашей авиации, чтобы нанести чувствительный удар по живой силе и технике врага. Вот почему Антонов и, по его настоянию, Морозов настойчиво старались найти новые пути проникновения в тайну немецкого аэродрома. В частности, они договорились о том, чтобы при первой возможности пристроить

связную Катю Приходько где-либо на аэродроме или поблизости от него. И вскоре удалось это сделать.

Однажды Морозова вызвал начальник госпиталя и передал ему просьбу шеф-повара приехать к нему. Морозов не заставил себя долго ждать. Супруги встретили его очень радушно и в полном здравии. Оказалось, что заболел недавно прибывший интендант — земляк шеф-повара. Гостеприимный хозяин пожелал, чтобы его друг лечился в домашних условиях, а не в госпитале.

— Смею просить вас, господин доктор, еще об одном одолжении, — отведя Морозова в сторону, доверительно сказал шеф-повар. — Жена очень нуждается в помощнице хотя бы на время болезни господина интенданта. Не можете ли вы рекомендовать столь же надежного и скромного человека, как ваша первая протеже?

Морозов едва не выдал радости, вызванной такой удачей, но, вовремя овладев собой, неторопливо, будто вспоминая, ответил:

— Газумеется, я постагаюсь, но... Надо подумать, кого... Впгочем... да, да! Есть одна девушка, котогая, как я полагаю, вполне вас устроит...

Уже на следующий день Катя Приходько явилась к шеф-повару, а еще через день пришла в столовую за обедом для интенданта и супруги шеф-повара. С помощью пароля она установила связь с Людой.

Когда Морозов снова приехал проводить интенданта, Катя ухитрилась тайком передать ему записку. В ней она лаконично писала: «Связь есть. Л-а преданная, но «сухарь». Ни с кем не знакомится. Говорит, что сюда завозят много бомб в рост человека, а то и больше».

Морозов вернулся в районный центр расстроенный. Ясно, что через Люду нужных сведений не добудешь. Вся надежда теперь была на то, что со временем удасться пристроить в столовую и Катю, но когда это будет и будет ли? Затягивался и побег летчика. Между тем каждый лишний час его пребывания в госпитале мог стать роковым для всех троих — доктора, лаборантки и самого летчика.

Организовать его побег было очень трудно, пожалуй намного труднее, чем скрыть от нацистских врачей и

вылечить. Прodelать это ночью было невозможно: единственный выход из госпиталя запирался на замок и охранялся часовым. К тому же выход этот вел во двор, а чтобы выйти на улицу, надо было отпереть ворота и миновать еще одного часового. Наконец комендантский час в районном центре соблюдался очень строго, и летчик вряд ли смог бы избежать встречи с патрулями. Побег в дневное время имел столь же мало шансов на успех: пройти незамеченным из лаборатории по коридорам к выходу, а затем миновать двор и часовых не было никакой возможности.

Взвесив все обстоятельства, Морозов пришел к заключению, что устроить побег можно только в ранние утренние часы и только в день, когда кто-нибудь из немцев врачей попросит его дежурить по госпиталю вместо себя. Случалось это не часто, и Морозову ничего не оставалось, как ждать. План побега был ими разработан до мельчайших подробностей. Каждый знал, что, когда и как он должен делать. И все же, чтобы исключить всякие случайности, Морозов вновь и вновь пытался себе представить, как все это должно произойти в действительности.

Наконец выдался долгожданный случай. Морозову предложили заступить на дежурство в ночь с пятницы на субботу. В эту ночь скончались от ран четыре немецких солдата. Морозов умышленно не дал распоряжения вынести их до рассвета. За полчаса до прихода врачей он с трудом разбудил двух солдат, в обязанность которых входило убирать операционную и выносить трупы. Ночью Антонина Ивановна угостила их изрядной порцией спирта. Опьянение еще не прошло, но, понукаемые дежурным врачом, они машинально принялись за знакомое дело, даже не заглянув в пропуск на умерших, который им вручил Морозов. Летчика предстояло уложить на носилки вместе с одним из них и вынести в морг. Для этой цели Антонина Ивановна заблаговременно соорудила более глубокие носилки.

Когда солдаты вернулись в здание за новой ношей, Морозов послал их на второй этаж, а сам вместе с Антониной Ивановной тотчас уложили третьего по счету покойника на свои носилки и отнесли его в лабораторию. Летчик был наготове. Он лег поверх трупа, его

накрыли одеялом и, накинув лямки на плечи, понесли к выходу.

Морозов и Антонина Ивановна не раз до этого тренировались, сделав дома некое подобие носилок и таская на них всякие тяжести. И все же нести было очень трудно.

Не доходя до лестницы, ведущей на второй этаж, они остановились. Доктор пошел к выходу и, дождавшись возвращения солдат, опять послал их на второй этаж за последним покойником. Едва заглохли их шаги, как Морозов и Антонина Ивановна поспешили с носилками к выходу.

— Тоня, ктепись... Дегжаться и никаких! — тихо подбадривал Морозов.

Проходя мимо часового, он на ходу недовольным тоном сказал по-немецки:

— Это третий... Пгоспали, четги...

Часовой одобрительно кивнул головой. Ему, видимо, понравилось, что русские доктор и лаборантка не гнушаются таким делом, а быть может, ему доставляло удовольствие, что они вынуждены так унижаться.

Едва переступив порог обширного сарая, часть которого была отведена под морг, Антонина Ивановна со стоном опустила носилки на землю. Морозов тотчас же откинул одеяло и, указав летчику заранее облюбованный закуток между штабелями дров, сказал:

— Ждите здесь. По сигналу выходите, но остогожно, как договорились.

Доктор и лаборантка, как и рассчитывали, встретили солдат-носильщиков на обратном пути из морга в госпиталь. Солдаты с недоумением уставились на пустые носилки. Опережая их вопросы, Морозов с укоризной сказал:

— А вы думали, я буду ждать, когда начальство появится? Покогно благодагю! Сами отнесли... Сейчас же начинайте убожку опегационной!..

Вскоре наступила обычная для госпиталя суета: врачебные обходы, перевязки, операции. Прибывали новые партии раненых, выносили в морг новых покойников... Весь день Морозов и Антонина Ивановна с тревогой посматривали в окна, выходящие во двор. Место, где скрывался летчик, было надежное, никому не было никакой нужды заглядывать туда, и все же

беспокойство не покидало врача и лаборантку. Никогда еще они не ожидали с таким нетерпением окончания рабочего дня, но приближение заветного часа не ослабляло нервного напряжения, в котором они пребывали все время, а напротив, усиливало. Ведь заключительная и едва ли не самая рискованная часть побега еще впереди.

Наконец, как обычно, около шести часов вечера во двор госпиталя въехал на подводе мельник, чтобы отвезти дочь и доктора в село. Но на этот раз он остановился не у входа в госпиталь, а поблизости от дверей сарая-морга и, повесив коням торбу с овсом, начал озабоченно осматривать и смазывать колеса повозки. С одним из них старик возился особенно долго, время от времени постукивая молотком по чеке. Это было условным сигналом для летчика. Улучив момент, мельник подбросил в сарай пару брюк и телогрейку...

Погасив свет и приподняв тяжелую черную бумагу светомаскировки, Антонина Ивановна прильнула к окну и пристально всматривалась в глубь двора. Но вечерние сумерки скрывали происходящее, и она скорее угадывала, чем видела повозку. Это ее и успокаивало и волновало. «Значит, никто отсюда ничего не увидит...— думала она.— Но почему же отец так долго не подъезжает к выходу?!»

Тем временем летчик быстро оделся и благополучно перебрался из своего убежища в повозку. Старик уложил его на овчинный кожух, накрыл рогожей и, завалив сверху сеном, неторопливо подъехал к выходу.

Вскоре повозка с доктором, лаборанткой и мельником выехала со двора госпиталя. Благополучно миновали они пропускной пункт на окраине, проехали еще несколько километров и только тогда остановились, чтобы наконец-то позволить летчику подняться.

Не верилось человеку, что он жив и на воле! Запрокинув голову, он несколько секунд всматривался в звездное небо и глубоко вдыхал степной воздух, а затем, словно опомнившись, бросился обнимать и благодарить доктора, лаборантку, мельника.

— Хогошо, хогошо! Все это потом! Успеете,— скрывая волнение, сердито пробурчал Морозов.— Поехали. Нас ждут.

В условленном месте встретились со связным — дедом Игнатом.

— Сдаю вам человека в полном здравии, — деловито произнес Морозов, — а вас прошу быстрее вогнуться. Завтра утром еду к девушкам. Не исключено, что будут новости, о которых понадобится сообщить Петровичу. На аэродром немцы свозят какие-то длинные бомбы. Так что не задеживайтесь.

Морозов уехал, так и не дав летчику выразить переполнявшее его чувство благодарности. Зато по прибытии в партизанский лагерь он рассказал о своих мытарствах и, главное, о людях, дважды вырвавших его из рук фашистских убийц.

— Человек он необыкновенный! — восторженно рассказывал летчик обступившим его партизанам. — И ведь как искусно прикидывается верным прислужником фашистов! Долгое время и я считал его стервецом. Привезли меня в госпиталь, уложили в коридоре на какой-то измызганный детский матрасик. На следующий день появились немецкие врачи, брезгливо, не прикасаясь руками, оглядели меня. Вдруг один из них картавя, но на чистом русском языке сделал замечание старушке-нянечке: «Матрац освободите. Их не хватает для раненых немцев. И запомните это раз и навсегда!...»

— Неужели, думаю, это наш так выслуживается перед фашистами? Матрасик, конечно, тут же забрали, вместо него подстелили рваную рогожку. Я и на матрасике-то места не находил от боли, а тут и вовсе никак не прилажусь... Проклинал я тогда этого русского доктора. Во время обходов подойдет, бывало, в глаза не взглянет, проверит пульс, редко когда спросит, болит ли рана, да и то таким враждебным тоном, что нет охоты отвечать. Однажды мне не дали на ночь снотворного. На другой день тоже. А рана еще болела так, что за обе ночи и часу не проспал. Решился я тогда попросить его, как-никак, думаю, человек он все же... Но куда там! Оборвал на полуслове: «Вас никто не спрашивает! Здесь не санаторий!» Ну, думаю, гада законченный! Ему ничего не стоит и своего отправить на тот свет...

— Спустя несколько дней мне стало худо по-настоящему. Глужу, примчался он, срочно отправил меня

в операционную, сам обработал рану, даже на перевязку дал настоящий стерильный бинт. Военнопленным это не положено. Что ж, думаю, вроде человек он все же... Решил я тогда усювестить его, поговорить начистоту. Все равно, думаю, крышка мне тут. А он и слушать не хочет. Грубо обрывает, задирается. Кто, говорит, дал вам право лезть в чужую душу? У меня, говорит, есть своя голова на плечах и свои принципы и прочее такое. Тут я не выдержал и послал его... А он устоялся в упор, выслушал все да как резанет: «Я не бываю любезен, зато бываю полезен. А вам рекомендую помалкивать!» «Ничего не скажешь,— подумал я, когда он ушел,— полезен ты, скотина, только кому?»

— Прошло еще некоторое время, стал я выкарабкиваться. Появилась надежда попасть в лагерь военнопленных, а там, глядишь, и бежать может удастся... Вдруг заявила целая орава немецких врачей. С ними и этот, конечно. Осматривать меня не стали, а лишь перекинулись промеж себя несколькими словами и пошли дальше. Лежу я и не знаю, что думать. А вечером подходит доктор. В ту ночь он дежурил. Посмотрел на меня так, будто в первый раз увидел, послушал почему-то сердце и спрашивает: «Нервы у вас крепкие?»

— Что было ответить? Ничего,— говорю,— еще хватит, чтобы воздать кой-кому по заслугам...

Он покосился и снова принялся прослушивать сердце, легкие, помял живот и, ничего не сказав, ушел. А ночью, когда все утомонились, пришел снова и молча сделал укол. Наверное, подумал я, что-нибудь болеутоляющее. Но не прошло и нескольких минут, как стало мне плохо: сердце колотится все сильнее и сильнее, перед глазами разноцветные круги поплыли, дышать стало нелегко. Никак, думаю, сознание теряю. Хотел закричать, но не тут-то было... Язык онемел! Все, решил я. Стервец, все-таки доканал меня!

Летчик глубоко вздохнул, словно и сейчас ему не хватало воздуха.

— А что на самом-то деле было с вами? — воспользовавшись паузой, нетерпеливо спросил Шустрый.

— Потерял сознание. Очнулся в каком-то крохотном помещении, заложенном со всех сторон тюками с марлей и ватой. Рядом, гляжу, лаборантка, Антонина Ивановна, наливает чай из термоса, мне подносит. А

голова-а! Гудит, будто шестерни там вращаются, мутит, слабость одолевает. С превеликим трудом спросил лаборантку, что со мной и где я? Вот тут-то она и сказала, будто русский доктор-фашист хотел умертвить меня, а она спасла... Надо, говорит, лежать тихо-тихо, а когда поправлюсь, тогда, дескать, попытается вывести меня из госпиталя...

— Возненавидел я русского доктора так, что попалось мне тогда, клянусь, себя не пощадил бы, а его голыми руками задушил.

— Могло ведь, братцы, и так случиться! Вот была б беда! — вырвалось у здоровяка Ларионова, который невольно вспомнил, с какой яростью он бил Морозова.

Летчик развел руками, дескать, не знал, каков он, этот доктор, в действительности. Жест этот успокоил Ларионова. «Вот-вот, и я так-то обманулся», — подумал он.

— А разве Морозов не входил туда, где вы находились? — спросил Антонов.

— Входил! — продолжал летчик. — Голос его частенько слышал. Заглянет, что-то ответит Антонине Ивановне и тут же уйдет. И немцы часто туда наведывались. Но никто и подумать не мог, что за стеной из тюков с марлей и ватой в каменной стене есть ниша, а в той нише без прописки проживает русский летчик. Там я пробыл без малого восемь недель. Намучились со мной и Антонина Ивановна, и тот же доктор, которого я считал тогда своим злейшим врагом...

— Ну, а как же все-таки вы узнали, какой он есть на самом-то деле? — поторапливал Шустрый.

— Можно сказать, до самого последнего часа ничего не знал. Только в ночь перед побегом Антонина Ивановна открыла мне тайну. Оказывается, немецкие врачи решили испробовать на мне действие какого-то яда. А наш доктор решил не допустить этого. Вот он и сделал так, что я вроде помер. Меня уже и в коридор вынесли, чтобы после оформления каких-то документов снести в морг. Отсюда доктор и Антонина Ивановна перетащили меня в лабораторию. А с документами проделали какую-то махинацию, так что по всем статьям получалось, что нет меня в живых...

Летчик долго еще рассказывал со всеми подробностями о том, как мастерски и смело доктор и лабо-

рантка организовали его побег. Дед Игнат еще по дороге к партизанам слышал все это, но, увлеченный рассказом, лишь под конец вспомнил, что доктор Морозов наказал ему кое-что сообщить Антонову и побыстрее возвращаться в районный центр.

— Велено тебе передать, Петрович, что намерении всю ночь напролет германы свозили на аэродром какие-то длиннющие бомбы... Много их навезли! А какая в них сила заключена и чего их сюда везут раз за разом, вот это покамест не вывели.

— Что же немцам везти на аэродром, как не бомбы? — ехидно заметил Шустрый.

Антонов тоже не придавал этому сообщению большого значения, однако в очередной радиограмме сообщил обо всем командованию бригады и был удивлен, получив категорический приказ перебазироваться как можно ближе к аэродрому, усилить непосредственное наблюдение за ним и в кратчайший срок установить регулярную связь с девушками.

Ночью того же дня партизаны разместились в лесу, всего в семи-восьми километрах от аэродрома. Это позволяло постоянно вести наблюдение за воздухом, своевременно узнавать и информировать командование о посадке вражеских самолетов. Но эта близость была сопряжена для партизан с большим риском и дополнительными трудностями. Во всех окрестных деревнях гитлеровцы держали усиленные гарнизоны. Партизанам приходилось круглосуточно нести удвоенную, а подчас и утроенную охрану своей стоянки. На радиосвязь с командованием радист каждый раз уходил в новое место, иначе вражеские пеленгаторы могли его засечь. Плохо стало с продуктами и приготовлением горячей пищи. Словом, было трудно. Только сознание важности выполняемой задачи вселяло в людей бодрость духа, выдержку.

На третьи сутки пребывания на новом месте партизаны радостно встретили свою любимицу Катю Приходько. Никаких новых сведений об аэродроме она не сообщила. На нем по-прежнему не было ни одного самолета, но сооружение складов и подвозка авиабомб не прекращались.

Выслушав девушку, Антонов совсем приуныл. Намерения противника все еще оставались загадкой, хо-

тя было понятно, что этому аэродрому немцы отводят какую-то особую роль. Не было ясности и относительно боевых свойств свозимых на аэродром авиабомб.

— А теперь послушайте, что обязательно велел сообщить вам доктор Морозов,— сказала Катя.— Позавчера, когда он возвращался в госпиталь после очередного посещения больного интенданта — гостя моего «хозяина», в его машину сел сильно подвыпивший механик с аэродрома. Всю дорогу он болтал о непобедимости немецкой армии и в конце концов сболтнул, будто «к большевистским праздникам москвичам приготовлен большущий сюрприз! В Москау, дескать, будет такой фейерверк, что и здесь станет светло, как днем!»

До октябрьских праздников оставалось всего четыре дня. Нетрудно было догадаться, что речь идет именно о них и о готовящемся крупном налете немецкой авиации на Москву. Но откуда немцы собираются преподнести свой «сюрприз»? Ведь и по самым последним сведениям, аэродром пустует...

В тот же день Антонов передал командованию эту тревожную вестъ. И тотчас последовал приказ: «Перепроверить достоверность слухов. Уточнить место хранения авиабомб, их взрывную силу. Переходим на круглосуточный прием. О прибытии вражеских самолетов на аэродром радируйте немедленно».

Ни третьего, ни четвертого ноября партизаны-разведчики и подпольщики не добыли никаких сведений, подтверждающих или опровергающих болтовню пьяного немецкого механика. Но зато пятого ноября вечером положение прояснилось.

Уже стемнело, когда на место встречи, назначенной Антоновым вблизи районного центра, вместе с дедом Игнатом неожиданно пришел Морозов. Доктор был очень взволнован. Всего несколько часов тому назад ему удалось узнать, что немцы готовят массированные налеты авиации на Москву: первый — в ночь с шестого на седьмое и второй — в ночь с седьмого на восьмое.

— Говогят, эти длинные бомбы обладают невегоятно большой взгывной силой,— говорил Морозов.— На азгодгоме усиленно готовятся к встгече несколько эскадгиллий бомбагдиговщгиков. Их ждугт завтга. Чтг будем делатг?

Антонов развел руками:

— Немедленно радировать командованию!.. Вот и все, к сожалению...

— Мало,— сердито бросил Морозов.

— Бригада может прибыть сюда в лучшем случае через двое суток, но и она бессильна... Аэродром очень сильно охраняется...— размышлял вслух Антонов.— Подступы со стороны леса густо заминированы; с противоположной стороны, там, где поселок — дорога, вдоль которой расположены воинские части. С других двух сторон он окаймлен глубокими рвами, вдоль которых через каждые полтора-два метра в железобетонных укреплениях сидят эсэсовские пулеметчики...

— Тем не менее мы обязаны что-то придумать! — решительно прервал его Морозов.

— Не вижу никакой реальной возможности.

— Ну, знаете... это пассивность! Да, да... Не обижайтесь, пожалуйста, но это так...

Антонов виновато улыбнулся.

— Мы здесь только разведчики, от нас требуются отличный слух и превосходное зрение... А руки нам приказано держать, так сказать, в карманах; в открытый бой с противником не вступать... Да и сколько нас? Горстка! Нам и приблизиться-то к аэродрому не дадут... Словом, доктор, прежде всего будем радировать. Пусть те, кому это положено, позаботятся, чтобы не допустить налет на Москву. Для этого есть у нас и зенитная артиллерия, и истребительная авиация, и бомбардировочная...

— Хогошо если успеют пегехватить эти стаи стегвятников, а если нет? Если погвутся?.. Чем тогда будете утешать себя?

Морозов не мог примириться с тем, что партизаны-разведчики, находясь под боком у немцев, будут сложа руки созерцать, как с аэродрома одна за другой поднимаются эскадрильи со смертоносным грузом и берут курс на Москву.

— Нет, нет! Это недопустимо... Я еще подумаю,— сказал он, прощаясь с Антоновым.— А вас прошу, если мне удастся что-либо придумать, гешительно, энеггично поддегжать...

Шестого ноября после полудня на аэродроме одна за другой приземлились несколько эскадрилий бомбар-

дировщиков. В течение всего дня над лесом не смолкал рокот моторов. А к вечеру от разведчиков-наблюдателей стали поступать донесения: «На аэродроме—сплошной гул моторов». Летчик, бежавший из немецкого госпиталя, объяснил:

— Готовятся к вылету...

Никогда прежде партизаны не были так сумрачны. Кто сидя, кто лежа, они молча непрерывно курили. Курили, как никогда, много.

Над лесом медленно сгущалась тьма. На исходе дня наблюдатели сообщили, что шум моторов прекратился.

— Значит, все готово,— уныло пояснил летчик.

Приближались роковые минуты, исчезала всякая надежда на то, что удастся как-то предотвратить замышляемое врагами злодеяние. Вынужденное бездействие угнетало партизан, и они с завистью смотрели на своего радиста. Только он бодрствовал, еще и еще раз проверяя связь и готовясь с минуты на минуту передать в эфир сообщение о начавшемся старте фашистских стервятников. Теперь только он своими действиями мог помочь Москве.

И вдруг все изменилось... Глухую тишину леса нарушил хруст валежника под ногами бегущих людей. Партизаны изготовились к бою. Но это были свои—дозорный и с ним Катя Приходько. Едва переводя дыхание, она выпалила:

— Скорей!.. Доктор Морозов...— и, тяжело дыша, прислонилась к березе. В эти секунды Антонов вспомнил первую встречу с Катей, когда она, вот так же запыхавшись, выкрикнула: «Гришка Бутримович убится!»—и замолчала.

— Что с доктором? Катюша! Говори...

— Скорей!—повторила связная, чуть отдышавшись.— Доктор все сделал... Придумал!.. Дал мне целый кулек сильного снотворного... Я отнесла его Людке, а она—молодец!—все всыпала в котлы с ужином для охранников и летчиков. Я только оттуда. Это очень сильное снотворное! Понимаете? Надо скорей спешить на аэродром!

— Хлопцы, помчались!—крикнул кто-то из партизан.

— Отставить!—остановил засуетившихся разведчиков Антонов.

— Почему? — недоуменно спросила Катя. — Что вы стоите, товарищи?!

— Успокойся, Катюша, — сдерживая волнение, сказал Антонов. — Ты объясни толком, что там сейчас делается?

— Ты скажи нам, Катька, — не удержался дед Игнат, — охранники-то, охранники, самое главное, как?

— Ой, дед, так я ж сказала, все там сейчас лопают, и охранники, и летчики... Скорее надо туда! Можно со стороны рва, что выходит к лесу. Знаете? Там мин нету. Ну что вы стоите? — Катя умоляюще взглянула на Антонова.

— Все это хорошо, Катюша, но что если за время, пока ты шла сюда, немцы спохватились, вызвали на аэродром воинские части, сменили охранников?

— Вот-вот, верно! — заметил один из разведчиков. — Подпустят, гады, к бункерам да как дадут...

— Ну как же вы не верите, товарищи! — Катя была готова расплакаться от досады. — Говорю вам, все сделано как надо... Если прибудет замена охраны, Людка выйдет нам навстречу и предупредит. Она сейчас там за всем следит. Понимаете? Мы договорились... Только надо скорее, ну!

Наступило молчание. Разведчики нетерпеливо смотрели на Антонова, а он напрасно пытался трезво обдумать возникшую ситуацию и невольно повторял про себя слова, сказанные доктором во время последней встречи: «А вас прошу... решительно, энергично поддерживать!» Помедлив несколько секунд, он скомандовал:

— В ружье!

Уже на ходу Антонов приказал двум партизанам остаться с радистом для охраны, а сам побежал в голову колонны. Впереди бодро шагала Катюша, словно не она только что едва держалась на ногах....

* * *

В то самое время, когда партизаны-разведчики по команде «В ружье!» торопливо строились в походную колонну, немецкие летчики, получив от командования задание подвергнуть бомбардировке определенные квадраты намеченного объекта, как обычно, отправи-

лись ужинать. Спешили в столовую и охранники, только что освободившиеся от дежурства на сторожевых постах. Их сменили эсэсовцы, уже успевшие поужинать.

Все шло своим чередом: проверены моторы самолетов, заправлено горючее и масло, подвешены бомбы-великаны. Тяжелые бомбардировщики «Юнкерсы» и «Хейнкели» были в полной готовности к старту. Но время шло, а экипажи не появлялись у своих машин. Летчики и штурманы, механики и охранники, прилежшие отдохнуть перед вылетом, один за другим погружались в глубокий сон...

Те немногие немцы, которые по каким-либо причинам не успели поужинать, сразу поняли, что этот сон — явление не случайное. Вначале они попытались сами привести в чувство уснувших летчиков, но когда выяснилось, что всю охрану аэродрома постигла та же участь, подняли тревогу.

К аэродрому устремились машины с медицинским персоналом и, конечно, с гестаповцами. Прибыв на аэродром, гестаповцы прежде всего нагрянули в пищеблок, чтобы допросить персонал столовой и кухни. Но увы! И здесь почти все погрузились в сон. Бодрствовали лишь русская девушка-судомойка и инвалид истопник. Во время допроса немец-инвалид упомянул о том, что днем к судомойке приходила какая-то девушка, что в руках у нее была обыкновенная хозяйственная сумка, что она околачивалась здесь довольно долго и ушла, когда ужин был почти готов.

Гестаповцы учуяли в этой встрече что-то подозрительное. Начали допытываться у Люды, как зовут ее подругу, где она сейчас, зачем приходила и что было у нее в сумке?

Люда не отрицала, что девушка приходила, назвала ее имя и сказала, что она хотела устроиться на работу в столовую.

— Когда она ушла? — спросил гестаповец.

— Да вскорости... еще во время обеда, — ответила Люда, не подозревая, что гестаповцам уже известно, что Катя оставалась около кухни почти до начала ужина.

Люду подвергли самым изощренным пыткам, но вырвать у нее признание не удалось. Истекая кровью,

девушка продолжала молчать. Порою она теряла сознание, тогда палачи приводили ее в чувство, обливая холодной водой, и снова допытывались, снова истязали. Не выдала Люда и русского доктора, которого вдруг увидела, придя в себя после очередной экзекуции. Морозов прибыл на аэродром вместе с немецкими врачами, поднятыми по тревоге и доставленными сюда на машинах. Его вызвали вместе с врачом-немцем, чтобы они разбудили шеф-повара.

Морозов обомлел, увидев истерзанную Люду. «Почему она здесь? Ведь я наказал Кате уйти к партизанам вместе с ней. Неужели и Катю перехватили?» Тревожные мысли доктора прервал грохот взрыва, донесшийся с аэродрома. Вслед за ним в разных концах аэродрома возникла беспорядочная стрельба. Гестаповцы, пытаясь найти Люду, бросились к окнам, приподняли маскировочные занавески и... отшатнулись в ужасе: там, где стояли самолеты, полыхало пламя...

* * *

...Катя подвела партизан к островку кустарника. Люды здесь не было. Значит путь свободен. Поблизости брал свое начало глубокий ров, отделявший аэродром от заросшего сухим бурьяном и жидким кустарником поля. Бесшумно спустились разведчики в ров и, держа наготове оружие, стали медленно продвигаться вперед. По расчетам Кати, надо было пройти метров пятьдесят-шестьдесят, чтобы миновать угловой блиндаж. Но вот она остановилась. По знаку Антонова разведчики тоже остановились и залегли.

Партизаны и Катя не знали, подействовало ли зелье Морозова. Прежде чем всем подыматься на гребень рва, Антонов решил выслать вперед Шустрого с двумя разведчиками. Через несколько минут один из них подполз к краю рва и подал знак двигаться за ним.

Едва они поднялись наверх, издалека, от административных строений аэродрома, донесся фыркающий рокот мотоциклов. Но это не остановило людей. Скорее наоборот — подстегнуло. С трудом различая в темноте силуэты выстроенных в ряд самолетов, они ринулись вперед. Действовали быстро и слаженно. Одновремен-

но у нескольких самолетов сосредоточились небольшие группы партизан — по три, четыре, а где и по пять человек. Подрывники быстрыми, четкими движениями прилаживали взрывчатку, закладывали в нее бикфордов шнур. Летчик, копошившийся у подбрюшины одного из самолетов, подбежал к Антонову и торопливо сказал:

— Я знаю этот тип самолетов... Могу выпустить бензин, поджечь... Только всех надо немедленно увести подальше... Будет наверняка!

— Добре! Малость подожди... Хлопцы уже заканчивают, зажгут шнуры, дам команду отходить, тогда и действуй...

Мелькнули и поползли по земле огоньки — один, другой, третий... Партизаны бегом возвращались в ров, с волнением ожидали, когда начнутся взрывы. И вдруг ввысь взметнулось пламя... Это летчик выпустил бензин и поджег его. Столб огня озарил всю окрестность ярким светом. И тотчас же послышался отдаленный дробный стук крупнокалиберного пулемета. Но тут вспыхнул бак с бензином, и один за другим взорвались заложенные партизанами заряды.

Кубарем в ров скатился летчик и, не подымаясь, крикнул:

— Жмитесь, ребята, плотнее к земле! Рты пошире открывайте! Рты!..

Едва успели партизаны последовать его совету, как по аэродрому покатила из края в край волна мощных взрывов, в разных концах всплеснулись гигантские языки огня. Аэродром стал похож на огромный кратер вулкана, извергающий огонь, тучи пепла и потоки лавы.

Наконец на смену взрывам, от которых под партизанами содрогалась земля, с аэродрома донесся скрежет корчащегося в огне металла, хлопки рвущихся боекомплектов патронов и малокалиберных снарядов.

Гигантский костер, поыхавший на аэродроме, освещал все вокруг. Невозможно было скрытно пересечь поле, отделявшее аэродром от леса. Но и оставаться во рву тоже нельзя. С минуты на минуту к месту катастрофы могли прибыть воинские части и оцепить весь район. Оказаться в этой ловушке было бы равносильно гибели всей группы.

Антонов подал команду: «Вперед! По-пластунски!» — но не услышал своего голоса. Лежавшие рядом товарищи вопросительно смотрят на него и не трогаются с места, Антонов махнул рукой и первым побежал вдоль рва.

Долго и труден был путь до леса. Более часа пришлось партизанам ползти, прежде чем они миновали ярко освещенную заревом пожара полосу. Звон и шум в ухах от взрывов авиабомб не только не ослабевал, но усилился. Поднявшись, люди еще долго ничего не слышали.

Наконец они добрались до своей стоянки и расположились на отдых у лениво догоравшего костра. Все молчали, с тревогой думали об одном и том же: «А как там Люда, доктор, Антонина Ивановна?!»

* * *

Первый взрыв на аэродроме и последовавшая за ним стрельба заставили Люду, распластавшуюся на полу в луже воды, встрепенуться, открыть глаза. Она увидела, как один за другим ее мучители в смятении выбегают из комнаты. Гестаповец, который вел допрос, указал на нее пальцем и на ходу что-то приказал терзавшему ее палачу. Но ни значение этого жеста, ни тем более смысл слов не дошли до ее сознания. Оно было во власти одной мысли. «Это Катя! Это они! Партизаны!» — беззвучно шептала Люда распухшими, искосяными до крови губами.

«Партизаны! Наконец-то!» — мысленно воскликнул и доктор Морозов. Он остался в помещении и делал вид, что, невзирая на взрывы и возникшую суматоху, пытается разбудить им же усыпленных летчиков. Он был невольным свидетелем тяжелых испытаний, выпавших на долю Люды, ее непоколебимой стойкости и самоотверженности. «Значит, Катя на свободе, а вот Люда...» — и Морозов опять и опять напряженно искал способ спасти девушку.

А Люда, не в силах подняться, пыталась ползком добраться до окна. «Это они! Они!» — твердила она. Ей хотелось увидеть, что происходит там, за окном, утвердиться в своей догадке. Услышав ее голос, Моро-

зов обернулся и, забыв о предосторожности, поспешил к ней.

— Хальт! Цурюк! — истошно заорал вбежавший в помещение гестаповец. Он грубо отстранил доктора, схватил Люду за волосы и стал поднимать. Девушка яростно, иступленно сопротивлялась. Рассвирепевший гестаповец, стал избивать свою жертву. И в этот момент раздались громовые раскаты новых взрывов, на аэродроме забушевал огненный смерч, взрывная волна выбила стекла, сорвала маскировочные занавески. Погас электрический свет, и комнату залил отсвет бушевавшего на аэродроме моря огня.

Оглушенный гестаповец, невольно выпустив свою жертву из рук, шарахнулся в сторону. А Люда поднялась во весь рост и, вскинув руки, торжествующе закричала:

— Вот! Вот где Катя! Это она! Она! Конец, конец вам, гады! Ха, ха, ха!.. Всполошились?! Капут!

За всю свою короткую жизнь она впервые почувствовала себя могучей, способной сокрушать врагов и пойти на смерть ради жизни и счастья других людей.

Здание затряслось от взрывов, со стен и потолка пластами сыпалась штукатурка, все скрипело и трещало. Вбежавшие немец-врач и несколько санитаров стали поспешно выносить так и не проснувшихся летчиков.

— Что вы стоите, как истукан! — подскочив вплотную к Морозову, крикнул немец-врач. — Берите!..

Машинально Морозов последовал за немцем, поставил на ноги одного из летчиков и потащил к выходу. У двери он оглянулся — Люда опять лежала на полу.

— Шнель! Шнель! — торопил его немец-врач.

Но Морозов не реагировал. Он шагал размеренно, как механизм, устремив взгляд в невидимую точку. Ему все еще казалось, что он там, в комнате, видит худенькую фигурку девушки в изодранном платье со вскинутыми над головой худыми руками, слышит ее торжествующий крик. И снова и снова его мозг сверлил вопрос: «Как ее спасти? Что делать?»

Едва Морозов вышел из здания, как позади послышался протяжный треск и грохот. Инстинктивно Мо-

розов обернулся и обомлел. Здание рухнуло. Люда была погребена под его обломками вместе со своими палачами—гестаповцами и остальными немцами, оставшимися в здании...

К аэродрому то и дело подъезжали грузовые машины с войсками. Морозов не знал, как оказался около одной из санитарных машин, до отказа набитой сонными летчиками, и не помнил, как влез в кабину. Опомнился лишь, услышав чью-то команду:

— В госпиталь... Быстро!

В пути Морозов постепенно пришел в себя, стряхнул оцепенение, стал думать о возможных последствиях диверсии, масштабы которой превзошли все ожидания. «Если даже шеф-повару,— рассуждал он,— не суждено проснуться, то его супруга не позже утра будет допрошена и, конечно, сообщит гестаповцам, что это он пристроил Люду на кухню, заботился о ее здоровье и рекомендовал шеф-повару в помощницы Катю...»

Ясно, что, не откладывая ни на час, он должен со всей семьей мельника уйти к партизанам...

Шоссе, по которому мчалась машина, лежало в полутора километрах от села, где жила Антонина Ивановна. При свете пожара Морозов без труда различил нужный поворот и тоном, не терпящим возражений, потребовал, чтобы шофер остановил машину. Вылезая из кабины, он приказал, нигде не задерживаясь, ехать в госпиталь, сдать больных и сказать дежурному врачу, что доктор Морозов вскоре приедет вместе с лаборанткой...

* * *

...Долго еще партизаны сидели вокруг уже угасшего костра. В ушах медленно затихал звон, и люди сперва робко, с опаской, а потом все смелее начали говорить, с радостью вслушиваясь в собственные голоса.

— Братцы! А ведь тот пьяный фриц-механик, что проболтался нашему доктору, как в воду глядел!..— загудел Ларионов. — В Москве-то сейчас, поди, и впрямь фейерверки запускают, а у нас вон как «отсвечивает»!

— Что и говорить! — подхватил Шустрый. — Не удалось Гитлеру, Герингу, Геббельсу, Гиммлеру и прочим,

не при Катюшке будь сказано, «те» доставить свой «сюрприз» в нашу столицу.!. Ведь, пожалуй, до сотни бомбардировщиков как корова языком слизнула?!

Вскоре Антонов с радистом ушли в сторону от лагеря, чтобы срочно передать командованию радиogramму. Содержание ее было кратким и внушительным: «Авиабомбы и самолеты взорваны. На аэродроме все горит. Вылет фашистских самолетов исключен. Потерь личном составе группы нет. Принимаю меры выяснения судьбы подпольщиков. Подробности радирую дополнительно. Перебазируемся прежнюю стоянку. Поздравляю праздником Октября!»

На обратном пути Антонов думал о том, как же теперь установить связь с подпольщиками, с доктором и Антониной Ивановной, как выяснить судьбу Люды? Он не сомневался, что фашисты пустили в ход все средства и силы для поимки диверсантов, что сейчас повсюду идут облавы. Послать в райцентр, как обычно, деда Игната, а тем более Катюшу было бы очень рискованно... Но другого выхода он пока не находил.

С этими мыслями Антонов возвращался к товарищам и еще издали заметил, что среди партизан царит необычное оживление. Он ускорил шаг и увидел каких-то незнакомых людей. Велика была его радость, когда в одном из них он узнал доктора Морозова.

Они молча крепко обнялись, пожали друг другу руки. Наконец Морозов, в обычной для него манере, прервал, как он выразился, «телячьи нежности», и громко, перекрывая общий говор, сказал:

— А наша Люда, товагищи, погибла... Погибла, как подлинная гегоиня...

Обнажив головы, партизаны выслушали рассказ о последних минутах жизни этой, казалось бы, ничем не примечательной девушки. Всклипывала Катюша Приходько, украдкой вытирала слезы Антонина Ивановна. Что-то шепотом причитала ее мать, прижимая к себе девочку, в больших черных глазах которой застыл испуг. Опустив голову, стоял в стороне и старик-мельник.

— А как фамилия Люды? Откуда она родом? — нарушив тягостное молчание, спросил один из разведчиков.

— К сожалению, товарищи, этого никто из нас не знает. У немцев она числилась под фамилией Лукьяненко, но мне она однажды дала понять, что это не настоящая ее фамилия... Не думал я тогда, что эта запуганная, замкнутая девушка станет подпольщицей...

— Скажи на милость,— сказал задумчиво Игнат,— и откель такие люди народились?! Что наш Григорий Бутримович, что эта дивчинка... Да-а! Сильна советская держава, ой как сильна! Таких людей не одолеешь... Не-е! Не сломить их герману, нипочем не сломить...

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	7
Начало	11
Под единым знаменем	58
Особое задание	121
Дружба, спаянная кровью ,	149
Саня	180
Признание	204
Вторая амнистия	241
Таких не одолеешь	267

Юрий Антонович Колесников

■

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

■

Редактор

А. Единевская

Технический редактор

Д. Шехтер

Корректор

И. Циммерман

Подписано в печать с матриц 9/II-67.

Формат бумаги 84×108¹/₃₂.

Печатных листов 10.

Условно-печатных листов 16,40.

Учетно-издательских листов 16,47.

Тираж 200.000 (50 001—150 000).

Цена 64 коп.

Заказ № 176.

Отпечатано во 2-й тип. г. Кишинева с матриц.

Тип. Издательства ЦК КПМ, Кишинев.

64 коп. #

Курьер
Колесников